

СОВЕТСКИЕ
ПОЛКОВОДЦЫ
И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Р. М. ПОРТУГАЛЬСКИЙ

МАРШАЛ
И. С. КОНЕВ

К I 1031048

Москва
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

28 декабря 1897 года в селе Лодейно Вологодской губернии (ныне Подосиновский район Кировской области), раскинувшемся вдоль большака, ведущего из Котельничей в Великий Устюг, в семье крестьянина-бедняка Степана Ивановича Конева родился сын. В тот же день умерла мать новорожденного Евдокия Степановна. Воспитательницей Ивана, как называли будущего полководца, стала сестра его отца Клавдия.

Нелегким было детство Ивана Конева. С шести лет он научился помогать старшим. В страдную пору, когда все взрослые уходили на сенокос или на другие полевые работы, его оставляли домовничать. Вскоре ему пришлось взяться и за настоящую работу — отцу потребовалась помощь при вывозке бревен с лесосек. А когда мальчику исполнилось двенадцать лет, он ушел на заработки, или, как тогда говорили, «в люди». Среди небогатых пожитков был у Ивана похвальный лист приходской школы с надписью «За выдающиеся успехи и примерное поведение» и грамота земского училища.

Работая на вырубке и сплаве леса в Архангельской и Вологодской губерниях, подросток пылливо вникал в окружающий мир, с увлечением читал все, что попадало под руку, но особенно нравились ему книги об освободительной борьбе рабов в Древнем Риме, о боях гарибальдийцев в далекой Италии, славных победах русской армии. Нередко слушал он рассказы товарищей о Степа-

не Разине и Емельяне Пугачеве. Иногда сплавщики ка-
сались и «запретных тем» о Кровавом воскресенье
1905 года в Петербурге, Декабрьском вооруженном вос-
стании в Москве и расстреле рабочих Ленских приис-
ков в 1912 году. Слышал Иван и о неудачах русской ар-
мии в Маньчжурии.

Грянула первая мировая война. В тяжелых боях рус-
ская армия несла огромные потери, требуя все новых и
новых пополнений. Весной 1916 года и Конев получил
от воинского начальника повестку. Почти неделю коман-
да новобранцев добиралась до Вологды, а оттуда была
направлена в запасный полк в Моршанск. Грамотный,
хорошо физически развитый Иван Конев обратил на себя
внимание командиров, и его отобрали в учебную артил-
лерийскую команду, готовившую младший командный —
унтер-офицерский состав для артиллерийских частей.

Военное дело увлекло крестьянского парня. Он ста-
рался как можно лучше изучить устройство орудия и бое-
припасов, освоить работу всех орудийных номеров, и
особенно наводчика, интересовался подготовкой исход-
ных данных для стрельбы, хотя это и не входило в про-
грамму подготовки. Приближалось время выпуска и от-
правки на фронт, но Конев попал в Москву. Февральская
революция застала солдата-фейерверкера в резервной тя-
желой артиллерийской бригаде, стоявшей на Ходынском
поле — обширном пустыре, служившем учебным плацем
для войск Московского гарнизона. Иван Конев с чолне-
нием слушал речи большевиков, принимал участие в ос-
вобождении арестованных за антивоенные выступления
солдат, разоружении жандармов.

Летом 1917 года Временное правительство по требо-
ванию союзников начало спешно готовить наступление
на Юго-Западном фронте. Дивизион, в котором служил
Конев, погрузили в эшелон и направили в Тернополь.
Однако принять участие в боях дивизиону не пришлось.
Когда он прибыл на место назначения, то плохо подго-

товленное и обеспеченное наступление уже закончилось провалом.

В армии усилился рост антивоенных настроений. Солдатские массы все больше убеждались в лживости пропаганды о высоких целях войны, все глубже осознавали тот факт, что война ведется не ради защиты родины, а ради захвата чужих земель, наживы власть имущих. В солдатских комитетах день ото дня росло влияние большевиков. Младший унтер-офицер Иван Конев становится доверенным лицом своих товарищей в солдатском комитете дивизиона тяжелых орудий особого назначения. Это, по существу, было его первое политическое крещение. Война заставила его, как и многих других, задуматься над тем, что ускользало от внимания в мирные дни, многое увидеть и переоценить.

Великую Октябрьскую социалистическую революцию Иван Конев встретил на фронте, в окопах, а в январе 1918 года, после демобилизации из армии, он решил вернуться в родные края. С большим трудом втиснулся в вагон, забитый демобилизованными солдатами-фронтовиками. Шел оживленный разговор о затянувшейся войне, о муках окопной жизни, но больше всего фронтовиков волновал вопрос передачи земли крестьянам. В Никольском, уездном центре Вологодской губернии, демобилизованных встречали односельчане. Со слезами радости на глазах бросились к Ивану тетка Клавдия и сестра Мария. Отец в это время работал далеко от родного села, и с ним Ивану Степановичу удалось встретиться лишь через пять лет. Несколько в стороне от них стоял дядька Григорий. Его трудно было узнать — участник Брусиловского прорыва, кавалер четырех Георгиев выглядел больным и очень постаревшим...

С болью в душе узнавали прибывшие солдаты о невзгодах односельчан, о том, что местные кулаки, взявшись за оружие, бесчинствуют в деревнях, мешая установлению Советской власти. Тогда по просьбе товари-

щей-фронтовиков бывший младший унтер-офицер Иван Конев возглавил небольшой отряд из числа демобилизованных. На первом же уездном съезде Советов он избирается членом военной комиссии, ответственным за организацию борьбы с кулачеством, со вспыхивавшими то здесь, то там жестокими и кровавыми мятежами.

15(28) января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет об образовании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, а 18 февраля войска германских империалистов предприняли наступление против Советской России. 21 февраля публикуется воззвание Совнаркома «К трудящемуся населению всей России», на следующий день декрет—«Социалистическое отечество в опасности!». Ленинский призыв *«защищать каждую позицию до последней капли крови»*¹ прозвучал как набат, всколыхнул революционные массы на отпор интервентам. В эти тяжелые для Республики дни Иван Конев вступает в партию большевиков, избирается в состав исполкома и назначается военным комиссаром Никольского уезда. Во главе отряда добровольцев молодой коммунист выступил против местной контрреволюции. Первые серьезные боевые стычки стали суровым для него испытанием на твердость. В тяжелой непримиримой классовой борьбе приобретались командирские и комиссарские навыки. Уже тогда проявилось его умение не только командовать, управлять боем, но и влиять на человеческие сердца, привлекать на свою сторону колеблющихся, убеждать сомневающихся. Правда, вероятно по молодости, нередко был он нетерпелив, горяч, излишне уверен в своих силах. В этом отношении характерен эпизод, происшедший с ним в середине мая 1918 года.

В деревне Дурово заволновались недовольные продразверсткой крестьяне. Их нездоровое настроение подо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 357.

гревали кулаки. Конев решил выехать на место немедленно. Поехал один. Собрал сходку. Рассказал крестьянам о положении в стране, о том, что дети и старики революционной столицы получают по восьмушке хлеба, служащие — четверть фунта, а рабочие — полфунта. Ведь хлебные районы страны захвачены врагом. Он обвел взглядом собравшихся. Слушали внимательно, казалось — понимают. Появилась надежда, что обманутые кулацкой пропагандой люди одумаются. Может быть, так оно и было бы, если бы не появилась группа подвыпивших кулацких сынков. Увидев их, крестьяне немедленно разошлись. Военкома же кулаки стащили с крыльца и принялись беспощадно избивать. Потерявшего сознание Конев с трудом отбили подоспевшие товарищи.

В стране в те дни шла напряженная работа по перестройке и укреплению революционных вооруженных сил. 8 апреля 1918 года В. И. Ленин подписал декрет «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам». Создавались военные округа. Самый большой из них — Ярославский — вместил в себя территорию от Белого моря до Верхней Волги. Когда Высший военный совет летом 1918 года обратился к Председателю ВЦИК Я. М. Свердлову с просьбой выдвинуть кандидатуру на пост военного комиссара округа, тот назвал Михаила Васильевича Фрунзе. Так судьба свела Конева с человеком, военный талант и организаторские способности которого стали высоким примером для окружающих. Громоздкий аппарат Ярославского военного округа под руководством М. В. Фрунзе заработал более четко.

Большую помощь в организационно-мобилизационной работе оказывал военный руководитель округа Федор Федорович Новицкий, участник первой мировой войны, в прошлом генерал старой армии, перешедший после Октября на сторону Советской власти. Тогда же состоялось знакомство Ивана Конева с Дмитрием Фурмановым —

секретарем губкома, руководителем политических агитаторов округа.

— Дмитрий был одним из тех, кому хотелось подражать, — отмечал спустя годы Конев, вспоминая свою встречу на партийном активе округа с будущим комиссаром Чапаевской дивизии, начальником политотдела Туркестанского фронта, комиссаром Красного десанта на Кубани, автором книг «Чапаев» и «Мятеж».

На основании декрета Совета Народных Комиссаров в округе проводилась первая в стране мобилизация. Активное участие принял в пей и военком Конев. Под его руководством налаживался учет, проводилась регистрация призывников. Создавались приемные и медицинские комиссии, разворачивались мобилизационные пункты. Издавались воззвания. Нередко возникали сложности в размещении мобилизованных, в организации разъяснительной работы. Однако энергия коммунистов, сочувствующих им рабочих и крестьян-бедняков, помощь, оказываемая окружным комиссариатом, способствовали успешному решению задач формирования подразделений, их обучения и снабжения. Много сил и внимания работники военкомата уделяли организации всеобщего военного обучения населения. Проверявший состояние дел в уезде член Чрезвычайного революционного штаба округа питерский рабочий Иван Ильич Андреев высоко оценил деятельность молодого военкома.

4 июля 1918 года в Москве под председательством Якова Михайловича Свердлова открылся V Всероссийский съезд Советов. Две трети его делегатов составляли большевики. Среди них был и Иван Степанович Конев. С каким-то особым, по-юношески возвышенным волнением ожидал он появления В. И. Ленина. И вот выступление Ильича.

В отчетном докладе Ленин подчеркнул, что социализм из области теории перешел в область практической работы. «Прошли и для России, я уверен, безвозвратно про-

шли, те времена, когда спорили о социалистических программах по книжкам. Ныне о социализме можно говорить только по опыту»¹. Этот вывод, сделанный великим вождем революции, глубоко запал в душу молодому военному, всем его товарищам по борьбе. С мыслями о Ленине, о партии, о стоящих задачах Конев встретил второй день съезда.

6 июля, однако, работа съезда была прервана в связи с контрреволюционным мятежом «левых» эсеров в Москве, предпринятым с целью спровоцировать войну с Германией, свергнуть Советское правительство. Мятежники арестовали руководителя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, обстреляли Кремль, захватили район Покровки, Чистых прудов, Мясницкую улицу, Центральный телеграф. Во все крупные города России полетели экстренные телеграммы мятежников о свержении большевиков и расторжении мира с немцами. Эсеровская газета «Знамя труда» на первой странице опубликовала слова призыва: «Долой брестскую петлю, удушающую русскую революцию!»

Организацию борьбы с левоэсеровским мятежом возглавил Владимир Ильич Ленин. Его кабинет превратился в боевой штаб. В райкомы партии, районные Советы, штабы Красной Армии передавалось распоряжение мобилизовать все имевшиеся силы на разгром контрреволюции. Руководство военными действиями осуществляли председатель Высшей военной инспекции Н. И. Подвойский, комиссар Московского военного округа большевик с 1903 года Н. И. Муралов, начальник Латышской стрелковой дивизии И. И. Вацетис, ставший впоследствии первым главнокомандующим вооруженными силами Советской республики.

Коммунисты — делегаты V Всероссийского съезда

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 499.

Совстов — разошлись по предприятиям для организации рабочих отрядов. С группой товарищей И. С. Конев был направлен на металлургический завод «Гужона» (ныне завод «Серп и Молот»). Здесь по договоренности с председателем местной ячейки коммунистов Евсеем Голиковым организовали митинг. Выступил Конев.

— Вам хорошо известно, — сказал он, обращаясь к собравшимся, — что еще весной более четырехсот ваших товарищей добровольно вступило в ряды Красной Армии. Они составили ядро 38-го и 35-го Рогожско-Симоновских полков, мужественно сражающихся на Южном фронте... Настали дни, когда возникли новые задачи. Враг поднял голову. Сделал он это в самом сердце страны. Неужели же мы допустим, чтобы все наши труды, пролитая нашими товарищами кровь пропали зря. Неужели мы отдадим заводы фабрикантам, а землю вернем помещикам... Не бывать этому!..

Страстная речь посланца съезда Советов в защиту завоеваний Октября закончилась призывом организовать отряд охраны порядка. Все присутствовавшие на митинге дружно поддержали его.

В ночь на 7 июля Иван Конев во главе отряда коммунистов и сочувствующих им рабочих выступил в район Каланчевской площади, где размещались три крупнейших железнодорожных вокзала. Организовав их оборону, командир вместе с комиссаром отряда до утра патрулировал в этом ключевом пункте Москвы, помогая рабочим наводить революционный порядок.

— Вокзалы взяты под строгий контроль, — донес в штаб руководства Конев после того, как убедился, что каждый из выставленных постов твердо знает свою задачу и выполнит ее, а принятые меры исключают поддержку мятежникам извне.

После подавления мятежа Всероссийский съезд Советов 9 июля возобновил работу. Он подтвердил декреты

о продовольственной диктатуре и создании комитетов бедноты. Утверждается декрет об организации Красной Армии, в котором закреплялся переход от добровольческого принципа комплектования рабоче-крестьянской армии к воинской обязанности. На следующий день съезд утвердил первую Конституцию РСФСР, законодательно оформившую созданные революционным творчеством масс основы Советской власти.

Уезжал из Москвы Иван Степанович Конев обогащенный опытом военно-организаторской работы, полный сил и энергии, с верой в счастливое будущее своей страны, хотя время для нее было грозное: совершил измену главнокомандующий Восточным фронтом левый эсер Муравьев, в Сибири чешский легион захватил Омск, в Симбирске председательствовавший на тайном совещании полковник Каппель огласил решение подпольной организации о принятии неотложных мер по освобождению царской семьи, находившейся в полуокруженном Екатеринбурге. В это же время вспыхнули мятежи в Ярославле и Муроме. По указанию М. В. Фрунзе Конев формирует отряды, которые участвуют в их подавлении.

Летом 1918 года молодая Республика Советов оказалась в огненном кольце фронтов. Войска Антанты высадились в Мурманске, японцы — во Владивостоке. Германские соединения вопреки Брестскому договору оккупировали Крым, заняли Ростов-на-Дону, где помогли оформиться кулацко-казацкому «государству» — «всеволю войску Донскому» во главе с бывшим командиром казачьего корпуса атаманом П. Н. Красновым. Контрреволюционные восстания вспыхнули в Поволжье, на Южном Урале, Северном Кавказе, в Закаспийской и Семиреченской областях. Баку заняли английские войска. Генерал А. И. Деникин вел на Кубань добровольческую офицерскую армию. В. И. Ленин отмечал в это время, что вооруженные выступления интервентов и белогвардейцев слились в одно целое и «на сцену опять

выдвинулся вопрос военный, военных событий, как главный, коренной вопрос революции»¹.

Иван Конев рвется на фронт. Он пишет рапорты по команде — один за другим. Наконец его вызвал Фрунзе. Михаил Васильевич внимательно посмотрел на своего молодого подчиненного, по-военному подтянутого, не по годам сурового.

— Просьбу Вашу, товарищ Конев, удовлетворим. Поедете на фронт. Формируйте отряд земляков. Желаю успеха!

«Четыре дня назад, — сообщалось в газете «Плуг и Молот» от 18 июля, — из города Никольска отправился на фронт добровольцем один из лучших, честных, всей душой преданный революции организатор ячейки коммунистов, военком, дорогой товарищ Конев И. С.».

В газете приведены его слова, сказанные своим землякам на прощальном митинге.

«...Свора империалистов со всех сторон нападает на Советскую власть. В предсмертных судорогах она все свои средства и силы отдает на борьбу с ненавистным ей большевизмом, который отнял землю у помещиков и отдал ее крестьянам, а фабрики — рабочим. Момент серьезный... Но мы идем на фронт с полной уверенностью в победе и в том, что наш священный долг выполним».

Попасть на фронт отряду Конева, однако, в те дни не удалось. В Костромской губернии, крупнейшей области российского нечерноземья, активизировалось кулачество — основная социальная база, на которую опирались белогвардейцы и интервенты. Вспыхнул крупный мятеж. «...Последний и самый многочисленный из *эксплуататорских* классов восстал против нас в нашей стране» — так оценивал события того времени Владимир Ильич Ленин². Мятежники срывали хлебозаготовки, раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 14.

² Там же, с. 40.

гоняли Советы, убивали коммунистов и сельских активистов. Прибывший из Ярославля ответственный сотрудник ВЧК Д. Г. Евсеев приказал Коневу выгрузиться на станции Буй из эшелона и немедленно выступить в леса Нерехтинского уезда. Попытка командира доказать, что отряд предназначен для фронта, не увенчалась успехом.

— Здесь сейчас тоже фронт, товарищ Конев, — твердо сказал Евсеев. — По нашим данным, только в европейской части РСФСР начались мятежи более чем в десяти районах. Опасность для страны чрезвычайная. Так что у вашего отряда задача ответственная и сложная.

Задача действительно оказалась сложной. Ни дня без боя. Незнакомые места. Дремучие леса. Множество рек и речушек. Однако одну за другой настигает отряд под руководством Конева кулацкие банды. По его инициативе создаются группы агитаторов. Они выступали перед местным населением, разъясняли жителям уезда политику партии большевиков и Советского правительства, разоблачали сущность кулачества, его истинные намерения. Умело организованные боевые действия отряда, хорошо поставленная разъяснительная работа принесли успех. Прошло немногим более двух недель — и вот последний бой у деревни Комары, что на реке Нея. На следующий день командир отряда доложил в губком:

— Мятежные очаги в нерехтинских лесах ликвидированы полностью. Задание партии выполнено.

Выполнив поставленную задачу, отряд никольских рабочих влился в запасный артиллерийский полк 3-й армии Восточного фронта. Конев непродолжительное время командовал маршевой ротой, затем был избран секретарем партийного комитета части. Вместе с комиссаром запасного полка Сергеем Ежовым он налаживал регулярную партийную информацию, создавал партийные ячейки, устанавливал тесную связь с партийными органами, исполкомами местных Советов, с комитетами бедноты. Немало сил вложил секретарь партийного комитета

в укрепление партийной и воинской дисциплины, в обеспечение передовой роли коммунистов в подразделениях. Новая работа увлекла молодого, полного сил и энергии большевика. Крепче и многочисленнее стала партийная прослойка в полку, рос авторитет коммунистов и сочувствующих им. И все же он стремился на передовую. Его просьбы — направить в одну из действующих частей вначале встречали отказы, но в конце концов настойчивость победила.

В первых числах сентября 1918 года Конева вызвал командир полка. Заслушав доклад секретаря партийного комитета, он протянул ему пакет. В нем был приказ командующего армией о назначении И. С. Конева комиссаром бронепоезда № 102.

— Ну что, комиссар, доволен?

— Счастлив, товарищ комполка! Спасибо за хорошую весть. Разрешите идти?

— Идите. Всего вам хорошего. Воюйте. С умом воюйте. Береги людей, комиссар...

Итак, сбылась мечта. Вот он, красавец бронепоезд, меньше месяца назад сделанный рабочими Ярославля. На нем четыре орудия, двенадцать пулеметов. Команда — шестьдесят человек — в основном матросы Балтийского флота, рабочие Урала. Настоящая броневая крепость на колесах.

Состоялось знакомство с командиром бронепоезда С. Н. Ивановым, в прошлом командиром одной из артиллерийских батарей Кронштадта, с командой. В ночь на 5 сентября была получена первая боевая задача — поддержать огнем части армии, атакующие сильный опорный пункт белых. Вот тогда впервые и ощутила команда бронепоезда силу своего оружия.

День за днем в боях. Восточный фронт. 3-я, а затем 5-я армии. Бугульма, Уфа, Челябинск, Курган, Омск — таков боевой путь бронепоезда № 102. За ним среди лич-

ного состава армий закрепились хорошая боевая слава. Красноармейцы любовно называли его «Грозный».

Командование противника выделяет против бронепоезда специальные группы охотников. Разбираются рельсы. Устраиваются артиллерийские засады. Тогда у комиссара возникла мысль — создать небольшой отряд в составе взвода конной разведки и двух стрелковых взводов. Командир бронепоезда поддержал Конева. Отряд назвали десантным. Он вел разведку, уничтожал мелкие группы врага, встречавшиеся на пути движения бронепоезда. В отряд комиссар отобрал наиболее подготовленных и храбрых бойцов. Припимал он и личное участие в вылазках. В одной из них судьба свела его с крестьянской девушкой Аней, ставшей впоследствии его женой. Многим обязан ей Иван Конев, и прежде всего тем, что уберегла она его, тяжело заболевшего тифом, от смерти...

18 ноября 1918 года в Омске устанавливается военная диктатура Колчака, объявившего себя «верховным правителем и верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России». В кратчайший срок в Сибири с помощью Антанты формируется армия, насчитывавшая 400 тыс. человек. Союзные державы плют «верховному правителю» винтовки, танки, бронепоезда, самолеты. «...Благородная Англия и прекрасная Франция дружески протянули нам свои руки братской помощи...» — подчеркивал в те дни Колчак¹. За все это платится национальными ценностями — в его казне восемьдесят тысяч пудов золота, платины и драгоценностей, перевезенных эсерами из Казани в Омск.

В сложившейся обстановке ленинская стратегия сводилась к тому, чтобы разгромить белогвардейские армии

¹ Цит. по: История гражданской войны в СССР. М., 1957, т. 3, с. 334.

до их соединения с интервентами, а затем нанести поражение войскам Антанты. 26 ноября ЦК РКП(б) принял постановление, в котором потребовал развернуть наступление на всех фронтах, в том числе и на Восточном. В декабре 1918 года освобождается Уфа, в январе 1919 года — Оренбург и Уральск. Однако весной 1919 года положение на Восточном фронте осложнилось. В начале марта войска Колчака в составе Западной, Сибирской, Оренбургской и Уральской армий, а также Южной армейской группы перешли в наступление, нанося главный удар в направлении Уфа—Самара. Тогда же при поддержке японских интервентов атаманом Забайкальского казачьего войска объявил себя есаул Семенов. На японские и французские деньги он сформировал так называемый «Особый маньчжурский отряд», установив кровавый режим военной диктатуры и массовых расстрелов. Активизировали свою деятельность и белоказаки под командованием атамана Дутова.

Конкретные меры по усилению Восточного фронта обсуждались на апрельском Пленуме ЦК партии, где была сформулирована главная стратегическая задача, выраженная в требовании В. И. Ленина: «...напрячь все силы, развернуть революционную энергию...»¹ Фронт, получив более 100 тысяч человек пополнения, 28 апреля перешел в контрнаступление. Советские войска разбили колчаковские армии, продвинулись на 350—400 км, вышли к предгорьям Урала. 21 июня началось общее наступление войск Восточного фронта с целью полной ликвидации белогвардейских войск Колчака, освобождения Урала и Сибири.

В боях с Колчаком и Семеновым бойцы Красной Армии проявили массовый героизм. Прославился смелыми рейдами в тыл врага, внезапными ночными огневыми налетами на гарнизоны противника и бронепоезд «Гроз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 274.

ный». Большая заслуга в его боевых делах принадлежала комиссару Коневу. Он сумел, как отмечается в его боевой аттестации, «завоевать доверие подчиненных, навести среди личного состава команды революционную дисциплину, а в критические моменты боя подать красноармейцам пример личного мужества».

Организаторские способности Конева, его преданность делу революции, умение мобилизовать массы были по достоинству оценены командованием и политическим отделом 5-й армии. В начале 1921 года он в числе других партийных и военных работников направляется в Забайкалье, получив назначение комиссаром 5-й бригады 2-й Верхне-Удинской стрелковой дивизии. Двадцатитрехлетний коммунист становится руководителем крупного воинского коллектива, не только прямым и непосредственным представителем Советской власти, как характеризовала партия комиссаров тех лет, но и прежде всего носителем духа партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели¹.

Командир бригады П. С. Кравцов встретил прибывшего комиссара с радостью.

— Тяжело одному, — пожаловался он. — Бригаду фактически формируем заново.

— Сколько у нас коммунистов в полках, Петр Семенович?

— Честно скажу, пока не знаю. Ведь я всего пятый день в бригаде, а дел невпроворот. Пройдите в подразделения, и вы убедитесь, сколь много нерешенных вопросов. Заодно и с людьми познакомитесь...

И комиссар начал знакомиться с людьми. Пошел в батальоны, роты, отдельные команды. Держал себя просто, но строго — понимал, что сейчас одна из самых главных

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2., с. 65.

задач — установить в бригаде порядок и дисциплину, организовать людей. В полках провел митинги, представил личному составу комиссаров частей, вместе с ними взял на учет коммунистов и комсомольцев, помог создать партийные и комсомольские ячейки. Беседовал с командирами и бойцами.

Шли дни. Командир, комиссар, штаб готовили личный состав бригады к предстоящим боям. Общими усилиями наладили учебу. Провели строевые смотры, ротные учения, стрельбы. Дела показывали, что скоро бригада сможет стать настоящим воинским формированием Красной Армии.

Но неожиданно Конев в середине февраля 1921 года был вызван в Верхнеудинск. Здесь он узнал о новом назначении — комиссаром дивизии. А буквально два-три дня спустя И. С. Конев был избран делегатом X съезда РКП(б). Его соседом в вагоне московского поезда оказался комиссар одной из партизанских бригад Александр Булыга, впоследствии известный писатель Александр Александрович Фадеев. Почти месяц добирались они до Москвы. За это время крепко сдружились.

— Оба мы были молоды, — вспоминал Конев. — Мне шел двадцать четвертый, ему — двадцатый, симпатизировали друг другу, испытывали взаимное доверие. Он нравился мне своим открытым, прямым характером, дружеской простотой, располагавшей к близким и простым товарищеским отношениям. Эта дружба, завязавшаяся во время долгого пути через Сибирь, окрепла на самом съезде¹.

Еще более крепкой она стала в годы Великой Отечественной войны.

...За столом президиума появился Владимир Ильич Ленин. Все присутствующие приветствовали любимого вождя продолжительными аплодисментами. Ильич начал говорить — и воцарилась тишина. Затаив дыхание, слу-

¹ Конев И. С. Сорок пятый. М., 1970, с. 182.

шал Ленина Иван Конев. Его речь заставила молодого коммуниста, как и всех присутствующих, глубоко осознать, что враг, разбитый в открытой вооруженной борьбе, менял тактику. Опираясь на кулацкие элементы, он организовывал заговоры в Сибири, на Урале, в Тамбовской губернии. За несколько дней до открытия съезда белогвардейские элементы во главе с бывшим генералом Козловским подняли мятеж в Кронштадте — главной базе Балтийского флота, выдвинув демагогический лозунг «Советы без коммунистов!». «Совершенно ясно, — подчеркнул Владимир Ильич, — что тут работа эсеров и заграничных белогвардейцев.»¹ По его предложению около 300 делегатов срочно убыли в Петроград. В числе посланцев съезда были К. Е. Ворошилов, А. С. Бубнов, П. Е. Дыбенко, многие члены ЦК, ЦКК, РВС, секретари губкомов, комиссары соединений, в том числе И. С. Конев и А. А. Фадеев.

17 марта в 5 часов утра после скрытного выдвижения войск на исходные рубежи и артиллерийской подготовки, продолжавшейся с полудня 16 марта, штурмовые отряды атаковали позиции мятежников и ворвались в Кронштадт. Вслед за ними завязали бои за город главные силы. Первыми вступили в крепость войска Южной группы, затем Северной, где политбойцом одной из батарей, располагавшейся на косе Лисий Нос, был И. С. Конев. Весь день шли уличные бои. К вечеру двадцать пять самолетов Петроградского гарнизона совершили налет на липкор «Петропавловск» — опорный пункт мятежников. Главари мятежа и около восьми тысяч мятежников бежали в Финляндию, остальные сложили оружие.

На следующий день делегаты съезда, принимавшие участие в боях, вернулись в Москву. Им Владимир Ильич сделал доклад об итогах работы съезда. Комиссар Конев слушал вождя с огромным вниманием. Особенно по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 24.

разило его глубокое обоснование Лениным необходимости перехода к новой экономической политике, рассчитанной на преодоление в стране разрухи, на создание фундамента социалистической экономики, на развитие крупной промышленности, установление экономической смычки между городом и деревней, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма. Съезд определил основные мероприятия новой экономической политики: замену продразверстки продналогом, разрешение частной торговли, допущение государственного капитализма в виде концессий, аренды мелких промышленных предприятий и земли под строгим контролем государства, перевод государственной промышленности на хозрасчет, замену натуральной оплаты труда денежной, а также ряд других¹.

Как непоколебимый принцип жизни и деятельности партии воспринял Конев решение съезда о единстве партии, поднятии политического уровня коммунистов, усилении влияния партии на беспартийные массы.

Вдохновленный грандиозностью задач, стоящих перед ленинской партией и страной, уезжал Конев из столицы. Поезд увозил его в Читу — административный центр Дальневосточной республики. Политический отдел Реввоенсовета направил его комиссаром штаба Народно-революционной армии.

Дальневосточная республика была провозглашена 6 апреля 1920 года. В. И. Ленин так объяснил причины ее образования: «...обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики... Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее...»² В качестве органа верховной власти Учредитель-

¹ Советский энциклопедический словарь, М., 1980, с. 904.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 93.

ное собрание избрало правительство во главе с коммунистом А. М. Краснощековым. К октябрю 1920 года создается Народно-революционная армия (НРА), состоящая из трех стрелковых и кавалерийской дивизий, а также отрядов партизан Прибайкалья. В ее командование летом 1921 года вступил герой боев на Переломе, кавалер первого в Советской Республике ордена Красного Знамени Василий Константинович Блюхер. Одновременно он стал военным министром республики, председателем Военного совета НРА.

Назначение И. С. Конева комиссаром штаба Народно-революционной армии по времени совпадало с большой работой, проводимой ее командованием по усилению централизации и ликвидации остатков партизанщины. О том, какие задачи стояли перед комиссаром штаба, довольно полное представление дают выдержки из доклада, представленного В. К. Блюхером в ЦК РКП(б) 24 июня 1921 года. «В расплывшемся болоте штабов,— подчеркивалось в нем,— почти отсутствуют работники, преданные интересам революции. Должности заняты опытными, прекрасно подготовленными техническими специалистами, по оценке своей почти исключительно принадлежащими к группе... бывших офицеров каппелевских и семеновских частей. В армию они пошли ввиду своего безвыходного положения, далеко не принадлежат душой НРА и ее идеям. При материальной необеспеченности и отсутствии идейной связи с армией они являются богатым материалом для белояпонского шпионажа». Доклад заключается выводом о «безотрадной картине состояния армии. Необходимы строгие меры... чтобы армия не развалилась и могла оказаться боеспособной»¹.

Численность войск атамана Семенова, японской армии и отрядов китайских белогвардейцев на Дальнем

¹ Центральный государственный архив Советской Армии (далее — ЦГАСА), ф. 221, оп. 1, д. 5, л. 40—45.

Востоке достигала около 250 тысяч. Это потребовало от Военного совета НРА срочного проведения ряда мероприятий по созданию боеспособных революционных сил. Совершенствуется организационная структура войск. Создается единый полевой штаб армии. Для управления войсками, расположенными на территории прилегающих областей, формируется Приморский военный округ.

Как свидетельствуют документы тех дней, комиссар штаба и его аппарат совместно с командованием успешно решили ряд первоочередных задач. Наибольшее внимание уделялось воспитательной работе с личным составом штаба. Конев присматривался к военным специалистам, поддерживал словом и делом тех, кто честно сотрудничал с Советской властью. Одновременно им проводилась работа по усилению передовой роли членов партии, созданию первых комсомольских ячеек. Начала действовать комиссия по обобщению опыта партийно-политической работы. Сохранилась, например, разработанная Иваном Степановичем «Памятка».

«Комиссар соединения и части — проводник пролетарского влияния в армии, — отмечалось в ней. — Он носитель духа партии, ее дисциплины...

Комиссар всегда в гуще красноармейцев. Его сила — в знании настроений личного состава, в умении словом и делом воспитывать у бойцов и командиров революционный характер, преданность партии большевиков, ответственность за судьбы страны...

Место комиссара в бою там, где всего труднее, где гуще всего огонь, где всего свирепее вражеские атаки... Личный пример комиссара — важнейшее средство воздействия на поведение личного состава...»¹

К лету 1921 года обстановка на востоке страны резко обострилась. 26 мая японские интервенты и белогвардейцы свергли народную власть во Владивостоке и создали

¹ ЦГАСА, ф. 221, оп. 17, д. 8, л. 53.

марионеточное буржуазное правительство. Начавшиеся спустя три месяца переговоры между Дальневосточной республикой и Японией об урегулировании отношений саботировались японским правительством. В ноябре началось наступление так называемой белоповстанческой армии. 22 декабря она захватила Хабаровск. Почти одновременно организуется вторжение на территорию ДВР десяти тысячной белогвардейской армии японского ставленника барона Унгерна.

Дальневосточное бюро ЦК РКП(б) и военное командование республики принимают ряд неотложных мер. Объявляется партийно-комсомольская мобилизация. И. С. Конев возглавил группу политработников и командиров штаба по приему прибывающего пополнения. Почти половину своего состава направила на фронт Амурская партийная организация, более пятисот человек — коммунисты Читы, из Приморья пробивался добровольческий отряд молодежи имени Сергея Лазо.

В феврале 1922 года Народно-революционная армия перешла в контрнаступление. Особой ожесточенностью отличались бои по прорыву укрепленного района, созданного белогвардейскими войсками генерала Молчанова у станции Волочаевка. Он имел глубокие, в рост человека, окопы с ледяными валами, скрытые пулеметные гнезда, хорошо оборудованные артиллерийские позиции. Укрепления прикрывались несколькими рядами проволочных заграждений. «Дальневосточным Верденом» называли Волочаевку белогвардейцы, имевшие 5560 штыков, 2300 сабель, двенадцать орудий, шестьдесят три пулемета и три бронепоезда. Исходя из обстановки и учитывая имевшиеся в распоряжении Народно-революционной армии силы и средства, ее командующий В. К. Блюхер создал две оперативные группы: Инскую под командованием С. М. Серышева и Забайкальскую во главе с Н. Д. Томиным. К операции привлекалось 6300 штыков, 1300 сабель, тридцать орудий, сто сорок четыре пу-

лемета, три бронепоезда и два танка. Планировалось ударом с фронта в полосе железной дороги и глубоким обходом противника по тайге с последующим ударом с фланга и тыла уничтожить вражескую группировку, оборонявшуюся между Волочаевкой и Хабаровском¹.

Штурм Волочаевки готовился всесторонне. В течение последних недель января, невзирая на сильные морозы, войска обучались действиям по прорыву укрепленных позиций. Для усиления партийно-политической работы в частях и подразделениях из штаба армии направляется группа политкомиссаров во главе с Коневым. Представившись командиру Сводной стрелковой бригады Я. З. Покусу и распределив по подразделениям прибывших с ним товарищей, он сам решил помочь комиссару бронепоезда № 8 в подготовке команды к предстоящим боям. Он рассказал об опыте своей работы на «Грозном», расспросил об экипаже бронепоезда, его подготовке. После этого Конев беседовал с бойцами, давал советы, как лучше поступить в тех или иных ситуациях боя. Слушали его внимательно, задавали вопросы. Все уже знали о том, что за плечами молодого комиссара — богатый боевой опыт. Но особый интерес бойцов вызвал его рассказ о встречах с В. И. Лениным. Люди хотели знать мельчайшие подробности. И Конев старался, чтобы каждый из них хорошо представил себе не только образ вождя революции, но, главное, его идеи, стремился к тому, чтобы своим ратным трудом закрепить победу революции, разгромить остатки белогвардейщины, вышвырнуть интервентов с Дальнего Востока, если они не уйдут сами.

5 февраля Забайкальская группа перешла в наступление и захватила станцию Ольгохта, создав тем самым плацдарм для нанесения удара на Волочаевку. 10 февраля части Инской группы войск начали штурм волочаевских укреплений, а Забайкальская группа приступила

¹ ЦГАСА, ф. 224, оп. 1, д. 388, л. 2—3.

к маневру во вражеский тыл с целью окружения противника в Хабаровске. По глубокому снегу, на 35-градусном морозе бойцы более двух суток прорывали вражескую оборону. К полудню 12 февраля после яростного штыкового боя Волочаевка была освобождена. Белогвардейские части поспешно отступали на юг, оставив 14 февраля Хабаровск. Они ушли в нейтральную зону под прикрытие японских войск.

События тех дней сыграли важную роль в освобождении Дальнего Востока. «Под Волочаевкой, как и под Перекопом,— писала 14 февраля газета «Известия»,— революционная армия показала величайшие образцы героизма, преданности нашей армии и делу пролетарской революции... Под Волочаевкой был нанесен окончательный удар белогвардейщине и интервенции на Дальнем Востоке. Волочаевская эпопея показала всему миру, как умеют драться люди, желающие быть свободными».

Бурные события гражданской войны закалили характер ее участников, среди которых был и комиссар Иван Конев. Складывался характер стойкого, мужественного бойца, преданного Родине, ленинской партии патриота, высокоидейного, принципиального коммуниста, решительного, с высокоразвитым чувством ответственности руководителя. Храбрость, мужество, инициатива, проявленные в боях за Советскую власть, явились определяющей сутью становления Конева как личности.

Спустя почти тридцать лет в освобожденной от фашистов Праге Борис Николаевич Полевой задал Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу ряд вопросов, касающихся его биографии.

— Вы сразу освоили комиссарское дело? — был один из них.

— Ну, как сразу, — задумавшись, ответил маршал. — В сущности, оно не было для меня новым. Когда мы подавляли мятежи в моих родных краях, а потом гонялись за бандами по костромским лесам, приходилось одновре-

менно и командовать и комиссарствовать, сражаться с врагом и вести работу с населением, завоевывать сердца бойцов, вселять в них веру в победу правого дела. Многое дал мне опыт партийной работы в запасной части. Он научил заглядывать в душу человека, видеть перед собой не сплошную шеренгу, а отдельных людей, каждого со своим характером, со своими особенностями¹.

— Мне,— добавил после непродолжительной паузы маршал,— к тому же очень везло в те годы. Везло в том, что окружали люди, у которых было чему поучиться, что перенять, кто поддерживал в трудные минуты, помогал решать стоящие задачи советом и делом, кто мог, наконец, справедливо спросить и поверить в мои силы.

¹ Полевой Б. Полководец. М., 1974, с. 32.

СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО ТАЛАНТА

25 октября 1922 года Народно-революционная армия вступила во Владивосток. На следующий день телеграф принес освобожденному Приморью приветствие от Владимира Ильича Ленина.

«Чита. Председателю Совета Министров Дальневосточной республики

К пятилетию победоносной Октябрьской революции,— писал Ильич,— Красная Армия сделала еще один решительный шаг к полному очищению территории РСФСР и союзных с ней республик от войск иностранцев-оккупантов. ...Прошу правительство ДВР передать всем рабочим и крестьянам освобожденных областей и города Владивостока привет Совета Народных Комиссаров РСФСР»¹.

13 ноября Народное собрание ДВР вынесло решение о вхождении республики в состав Советской России. Президиум ВЦИК объявил Дальний Восток нераздельной частью РСФСР.

22 ноября НРА была преобразована в 5-ю армию. На нее возлагалась задача обороны дальневосточных границ республики, ведения борьбы с остатками белогвардейских банд. В Никольск-Уссурийском разворачивалось управление Приморского корпуса, командиром которого назначается герой гражданской войны М. М. Ольшанский, а комиссаром — И. С. Конев. Под их руководством осуществлялась реорганизация воинских формирований,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 236.

входивших в корпус, с учетом демобилизации старших возрастов рядового и младшего командного состава. В архивах Дальневосточного военного округа сохранилась запись указаний комиссара корпуса Конева, сделанная участникам совещания руководящего политического состава соединений и частей:

«Требую от всех проникнуться сознанием важности дела, дела политического и военного... проявлять широкую инициативу и энергию в работе с красноармейцами. Рекомендую особое внимание обратить на два вопроса. Первый — сохранение рабочей прослойки в подразделениях, наиболее подготовленных командных кадров... Второй вопрос — усиление партийного влияния на личный состав».

Переход войск на мирное положение и их реорганизация осуществлялись в трудных условиях. Сложно решались вопросы питания, размещения, быта, организации боевой подготовки. Прибавилось забот у комиссара зимой 1923 года, когда корпус пополнился рядом отдельных авиационных, броневых и саперных частей. В ведение командования корпуса вошли также Приморский и Приамурский губернские военные комиссариаты. Для решения возникших задач И. С. Конев с группой политработников и командиров выехал на места дислокации новых частей. Здесь и застала его горькая весть о том, что 21 января в 18 часов 50 минут в Горках скончался Владимир Ильич Ленин.

Смерть вождя до глубины души потрясла Конева, заставила его с новой силой задуматься — все ли делает он, один из тех, на кого возлагается задача продолжать дело Ленина, для того, чтобы претворять в жизнь его заветы. Эти мысли и размышления о конкретных задачах, стоящих перед коммунистами и беспартийными, рабочими и крестьянами, воинами Красной Армии, прозвучали на траурном митинге в одном из авиационных отрядов, где выступил Конев.

В эти дни во всех частях корпуса прошел ленинский призыв. Лучшие из лучших бойцов и командиров навсегда связали свою судьбу с ленинской партией.

Наступил май 1924 года. И вновь мысленно возвращался Иван Степанович к образу Ленина, став делегатом XIII съезда партии. Съезд одобрил политическую линию и организационную работу ЦК, обеспечившие партии серьезные успехи во всех областях жизнедеятельности страны в трудных условиях, когда партия лишилась непосредственного руководства великого вождя революции.

Активное участие принял делегат советского Приморья в обсуждении вопроса о работе среди молодежи. Его выступление, как отмечено в стенографическом отчете, содержало конкретные предложения по улучшению воспитательной работы среди молодых бойцов Красной Армии, широкому вовлечению их в комсомол. Ряд предложений высказал Конев и по проекту постановления съезда о работе в деревне.

Вернувшись в Уссурийск, И. С. Конев развернул большую работу по разъяснению постановлений съезда, настойчиво боролся за успешное решение организационно-практических задач в войсках корпуса. Одной из них была задача повышения грамотности среди личного состава, их политического кругозора. Вторая задача заключалась в совершенствовании боевой и политической подготовки частей и подразделений, в приобретении методических навыков командным составом. Одновременно воины трудились и на мирном фронте. Красноармейцы прославленных в боях Читинского, Нерчинского, Верхнеудинского, Волочаевского, Амурского и Хабаровского стрелковых полков, кавалерийской бригады, специальных частей корпуса оказывали посильную помощь трудящимся края в восстановлении промышленности и транспорта, участвовали в сельскохозяйственных работах.

В центре внимания Конева находился также вопрос укрепления партийных организаций соединений и частей, улучшения разъяснительной работы, воспитания молодых коммунистов. Активизировалась деятельность по передаче молодому поколению воинов славных боевых традиций Пятой армии, ставшей в ноябре 1922 года Краснознаменной. Выступая в связи с этим на митинге управления корпуса, Иван Степанович заключил речь словами:

— Перед нами стоит целый ряд нелегких задач. Силу и энергию для будущего мы будем черпать в героическом прошлом Пятой Краснознаменной армии, войны которой мужественно сражались против белочехов и белогвардейцев, освобождая Уфу и Омск, Томск и Красноярск, били банды Семенова и Унгерна. В нашей армии воевали с врагами революции Тухачевский и Эйхе, Уборевич и Чапаев. Продолжать славные традиции героев гражданской войны — наша прямая обязанность.

Однако в прославленной Краснознаменной армии Конев прослужил недолго. В июне 1924 года его перевели в Московский военный округ комиссаром и начальником политического отдела 17-й стрелковой дивизии, расквартированной тогда в Нижнем Новгороде (Горький). К новому месту службы он выехал вместе с семьей — женой и годовалой дочкой Майей.

И вновь знакомство с новыми людьми — командиром дивизии Е. П. Сафроновым, командирами и комиссарами частей, работниками политического отдела, руководителями местных партийных и советских органов. Конев глубоко вникает в состояние дел партийных и комсомольских организаций полков, интересуется характером взаимоотношений командиров и комиссаров, бытом личного состава, взаимоотношением с местным населением — масса дел и забот. Но среди них он всегда выделял главное — обеспечение качественного выполнения задач боевой и политической подготовки. Зачастую до глубокой ночи читал руководства и наставления, изучал

тактические разработки, сопоставлял то, что отрабатывалось на занятиях и учениях, с опытом гражданской войны.

Бойцы и командиры, среди которых были и офицеры старой армии, вскоре поняли, что новый комиссар — не только опытный политработник, но и хорошо знает военное дело. Он мог тактично поправить ошибку, допущенную командиром роты или батальона в ходе учебного боя, показать стрелку, почему, несмотря на все его старания, пули идут в «молоко», указать командиру кавалерийского эскадрона на послабления во время отработки упражнений в манеже. Ну а наводчики и командиры орудий в артполку знали — ни один из них не сможет потягаться с комиссаром в быстроте и четкости выполнения наводки.

Лучшие комиссарские качества Конева — глубокая идейная убежденность, принципиальность и непримиримость к врагам — с новой силой проявились в борьбе с троцкизмом, ставшим особенно после смерти В. И. Ленина серьезной угрозой единству партии. Его выступления перед личным составом частей дивизии, в Нижегородской пехотной школе, перед рабочими Сормова характеризовались глубиной суждений и доказательностью. Он страстно разоблачал троцкизм как антиленинское течение в партии, вскрывал его мелкобуржуазный характер. Сохранилась протокольная запись выступления Конева на городском партийном активе. «Оратор подчеркнул, — отмечается в ней, — что утверждение Троцкого о возможности победы социалистического хозяйства у нас в стране только после победы пролетариата в крупнейших странах Европы обрекает рабочий класс и трудовое крестьянство на пассивность, служит врагам социализма».

Большую разъяснительную работу проводит начальник политического отдела дивизии с командным составом частей, раскрывая порочность практики отдельных командиров свести роль партийных и комсомольских организа-

ций в армии к решению ими лишь агитационно-пропагандистских задач. Одновременно он требует от партийно-политического аппарата активизации борьбы за единство партийных рядов, более внимательного отношения к военным кадрам, проведения работы по отбору кандидатов в военные училища и академии выходцев из рабочих и крестьян.

В борьбе с троцкизмом закалялся большевистский характер будущего полководца.

1926 год стал переломным на жизненном пути Ивана Степановича Конева. Он направляется на Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС) при Военной академии имени М. В. Фрунзе, готовившие командиров Советской Армии. В октябре 1925 г. произошла его встреча с прославленным полководцем гражданской войны, заместителем Народного комиссара по военным и морским делам, командующим войсками Московского военного округа К. Е. Ворошиловым. Беседа завершилась напутствием Ивану Степановичу.

— Вы, товарищ Конев, по нашим наблюдениям комиссар с командирской жилкой. Это счастливое сочетание. Вам надо учиться, овладеть всем, что есть в военной науке. Это поможет Вам стать хорошим командиром¹.

Так определился дальнейший путь будущего маршала.

Завершив восстановление народного хозяйства, Коммунистическая партия взяла твердый курс на социалистическую индустриализацию страны. Советским людям предстояло в короткие сроки выполнить такие поистине грандиозные задачи, каких не ставило ни одно государство в истории человечества,—создать экономическую базу социализма. Одновременно укреплялась боеспособность Советских Вооруженных Сил.

¹ См.: Акшинский В. Климент Ефремович Ворошилов. Биографический очерк. М., 1974, с. 152.

Проблемы организации и ведения боевых действий в новых условиях вооруженной борьбы, когда войска в массовом количестве оснащены современной техникой и вооружением, занимали центральное место в учебном процессе курсов.

— С первых же дней пребывания на курсах,— отмечал впоследствии Конев,— с нами прорабатывали тактические задачи в сложной, динамичной обстановке. Знакомили с новой техникой и вооружением... Мы не пропускали ни одной книжной новинки по военной теории.

С большим вниманием изучали молодые командиры работы М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова, труды Б. М. Шапошникова «Мозг армии» и В. К. Триандофиллова «Размах операций современных армий». С интересом воспринимаются слушателями курсов выступления С. С. Каменева, А. И. Корка, И. Э. Якира.

В двадцатых годах курсы окончили такие прославившиеся впоследствии военачальники, как А. И. Антонов, Л. А. Говоров, А. В. Горбатов, Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, К. К. Рокоссовский, П. С. Рыбалко, С. К. Тимошенко, Ф. И. Толбухин и другие. Иван Степанович Конев глубоко осознавал всю сложность и мудрость военной науки. В этом помогали ему лекции и семинарские занятия преподавателей, среди которых были первые советские профессора А. А. Свечин, А. И. Верховский, Д. М. Карбышев, В. Ф. Новицкий, И. И. Вацетис. Успешно решалась задача привития слушателям курсов командных навыков. «Мы делаем сейчас ставку на военно-техническую выучку академика,— отмечал в те дни начальник академии Р. П. Эйдеман,— на умение не только принять решение, но и провести его в жизнь... Отсюда вытекает и то внимание, которое в настоящее время в учебных планах тактики уделяется военным играм на карте и на местности, технике управления и командному языку»¹.

¹ Война и революция, 1928, № 1, с. 9.

— Учили нас основательно,— подчеркивал Конев.— Возвращаясь в войска, мы с особой силой ощущали свой рост в профессионально-военном отношении.

Полученные знания Иван Степанович реализует на практике, последовательно командуя 72-м стрелковым полком Самаро-Ульяновской Железной дивизии и 50-м Краснознаменным имени К. Е. Ворошилова стрелковым полком Московского военного округа. Он постигает жизнь сложного войскового коллектива, вопросы его политического и воинского воспитания, проявляет недюжинные способности организатора боевой подготовки войск.

Деловые качества И. С. Конева нашли отражение в его первой командирской аттестации. «Инициативен, энергичен, решительный командир,— гласил вывод.— Требователен. Целеустремлен. Пользуется деловым авторитетом».

Эту характеристику дополняют воспоминания сослуживцев Конева.

— Когда Иван Степанович Конев командовал полком, я был красноармейцем,— рассказывает полковник в отставке В. И. Киселев.— Это был замечательный командир... В войну я сам командовал стрелковым полком и, как только встречались какие-либо трудности, думал, а что сделал бы на моем месте Конев?

— Я служил под командованием И. С. Конева в 1928 году,— вспоминает ветеран Великой Отечественной войны В. Н. Пуговкин.— Человек я антирелигиозный, но скажу: дай бог всем сынам и внукам нашим, что сейчас проходят службу в рядах Советской Армии, такого командира полка.

«Иван Степанович Конев не раз выступал перед нами и своей вдохновенной, умелой речью, насыщенной любовью к Родине, буквально покорял всех, кто его слушал. Он умел убеждать и доказывать», — пишет бывший помощник военного комиссара лагерных сборов в Ниже-

городских военных лагерях В. С. Тевя из города Горького.

Уважительное отношение к подчиненным, умение организовать воинов на решение стоящих задач, высокий профессионализм, личная примерность — вот те качества, которые проявились с особой силой в командире полка И. С. Коневе.

Были, конечно, и сложности в службе. Не всегда шло все гладко, особенно в вопросах устройства быта подчиненных, укрепления воинской дисциплины, обучения командного состава. Почти всегда не хватало времени что-то проверить, кому-то помочь. Решая многие задачи в полку, Конев убедился — нужно лучше опираться на штаб, партийно-политический аппарат, больше доверять начальникам служб, подчиненным командирам.

Обучая личный состав, Иван Степанович стремился повысить свой уровень военных знаний. Он много читал, самостоятельно изучал поступающую на вооружение технику.

Командование полком многое дало И. С. Коневу. Командир полка — основная фигура в армии в мирное и военное время, основной организатор боя. Нет таких всеобъемлющих начальников, — отметит Иван Степанович спустя сорок лет, — как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, поддержанию дисциплины... Полк сделал меня человеком поля... И это пригодилось мне на войне... Командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера — знатока всех элементов данного производства — дело также не пойдет, как на войне без командира полка — знатока всех элементов организации общевойскового боя¹.

¹ См.: Конев И. С. Сорок пятый, с. 275—276.

Дни службы в 50-м стрелковом полку надолго остались в памяти Ивана Степановича. И не случайно 7 ноября 1944 года, когда 15-я гвардейская стрелковая Харьковская ордена Ленина, Краснознаменная, ордена Суворова дивизия отмечала свое пятилетие, в ее адрес поступила поздравительная телеграмма и от командующего войсками 1-го Украинского фронта Маршала Советского Союза И. С. Конева. «Ваша дивизия,— писал он,— сформировалась из 50-го Краснознаменного стрелкового полка... Она прошла героический боевой путь и покрыла себя неувядаемой славой в боях с врагами нашего Отечества... Лично я, как бывший командир 50-го стрелкового полка, горжусь вашими успехами и подвигами... Убежден, что в боях за окончательный разгром немецко-фашистских армий гвардейцы покажут новые образцы воинской доблести... Слава воинам трижды орденоносной дивизии. Ваш Конев»¹.

В 1932 году И. С. Конев был вновь направлен на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. Возглавлял ее в это время Борис Михайлович Шапошников — представитель сравнительно небольшой, но славной группы крупнейших военных специалистов старой армии, которые с самого начала организации Советских Вооруженных Сил по зову Коммунистической партии и Советского правительства отдали свои знания и силы рабочему классу. Командир огромного опыта и знаний, человек необычайно высокой культуры, Б. М. Шапошников, опираясь на партийную организацию академии, проделал большую работу по перестройке и улучшению подготовки командных кадров. При этом он руководствовался постановлением ЦК ВКП(б) от 5 июня 1931 года «О командном и политическом составе РККА», определившим важнейшей задачей решительное повышение военно-технических знаний начсостава, овладение

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 67, л. 14.

им в совершенстве боевой техникой и сложными формами современного боя.

Качественному обучению командиров высшей военной квалификации в немалой степени способствовало и то, что академия в это время пополнялась преподавателями, имевшими хорошую военную и общеобразовательную подготовку, богатый опыт работы в войсках. Большинство из них участвовали в первой мировой войне, и все без исключения — в гражданской. Это были Г. Д. Гай, В. Н. Егорьев, П. А. Курочкин, Н. А. Левицкий, М. П. Миловский, П. Г. Понеделин. Из числа старых специалистов успешно трудились бывший начальник штаба Западного фронта Н. Н. Шварц, в прошлом командующий 12-й армией Н. Г. Семенов и другие. Столь сильный профессорско-преподавательский коллектив способен был дать многое пытливым к знаниям командирам.

В течение двух лет пребывания в академии Иван Степанович всю свою энергию отдавал учебе. До поздней ночи засиживался он над книгами, многое конспектировал.

Активно участвовал Конев и в общественной работе. Нередко выступал на заводах и фабриках Москвы, в школах столицы. На академической читательской конференции ему поручили выступить с докладом о только что вышедшем романе А. А. Фадеева «Разгром».

— Делал это я с большим внутренним волнением, — вспоминал Иван Степанович. — Помимо разговора о книге позволил себе и некоторые личные воспоминания об авторе как о делегате X съезда партии, вместе с которым участвовал в ликвидации кронштадтского мятежа.

Упорный труд не пропал даром. Выпускная комиссия академии пришла к заключению, что «И. С. Конев академический курс усвоил отлично. Он достоин выдвижения на должность командира и комиссара стрелкового соединения». После беседы с начальником академии Иван Сте-

панович Конев получает назначение в Белорусский военный округ командиром 37-й стрелковой дивизии, штаб которой размещался в городе Речица. Вскоре сюда приехали его жена, дочь и сын, а затем и отец — Степан Иванович.

В это время на Западе сгустились тучи войны. Видя угрозу нападения со стороны фашистской Германии, Советское правительство крепило оборону страны. В войсках, куда поступала новая техника, шла напряженная учеба.

— Ночные тревоги. Длительные марши. Форсирование рек. Стрельбы, — отмечал впоследствии Иван Степанович. — Все это — залог успеха настоящего военного воспитания. Так внушал нам командующий округом Иероним Петрович Уборевич — дальновидный и мудрый полководец. Не устаю благодарить судьбу за то, что в свое время удалось мне пройти под его командованием суровую, но отличную школу. Считаю его одним из лучших моих учителей. Человек большого ума, неутомимой энергии, он превращал каждый разбор в школу для командного состава.

Боевой подготовкой в округе занимались в те годы много и напряженно. Для начальствующего состава и войск проводились групповые упражнения, летучки, командно-штабные игры, сборы, учения и маневры. Часто организовывались инспекторские проверки. В таких случаях в дивизию приезжала группа работников штаба округа, в том числе оперативного отдела, боевой подготовки, представители родов войск. В один из июньских дней 1934 года была поднята по тревоге и 37-я дивизия, которой командовал И. С. Конев. Она получила задачу выдвинуться в сторону границы, отрабатывая вопросы организации марша и встречного боя, с последующим переходом в наступление и форсированием реки Днепр во взаимодействии с Днепровской военной флотилией. Кроме того, в одном из полков проверялся батальон на такти-

ческих учениях с боевой стрельбой, в другом — командирская подготовка, в артиллерийском полку — боевая стрельба дивизионом. Время на подготовку учений и занятий отводилось ограниченное до минимального предела. В этих условиях «...командир дивизии Конев, — отмечалось в разборе учений, — проявил высокие организаторские способности... Ценно то, что командиры частей дивизии работали инициативно, но под неослабным контролем штаба за выполнением отданных распоряжений... Чувствуется командирская воля...»¹.

Принял участие Конев и в больших маневрах, проведенных с войсками округа в 1934 и 1936 годах.

Немало проводилось в округе опытных учений. Летом 1936 года руководителем одного из них назначается только что вступивший в должность командира 11-го стрелкового корпуса, который дислоцировался под Минском, комдив И. С. Конев. Для полков, оснащенных батальонами танкеток, он с помощью начальника штаба В. Я. Колпакчи создает сложную обстановку, позволившую проверить возможности новых образцов вооружения. В утвержденном Коневым акте комиссии делается обоснованный вывод о целесообразности включения в штат стрелковых соединений танковых подразделений. А спустя два месяца новые учения — испытываются поступившие в войска опытные образцы самоходно-артиллерийских установок. На этих учениях присутствовал начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. И. Егоров.

Конев делал все от него зависящее, чтобы еще больше повысить боевую выучку подчиненных ему частей, поднять их боевую готовность. Его заслуги в августе 1936 года были отмечены первой правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

Опасность войны нарастала. И не только на Западе. Осложнилась военно-политическая обстановка на Дальнем

¹ ЦГАСА, ф. 339, оп. 5, д. 16, л. 14.

Востоке. Японские милитаристы развязали войну в Китае. Правящие круги «Страны Восходящего Солнца» усиленно превращали Маньчжоу-Го в плацдарм для нападения на Советский Союз. Направлением выхода в Сибирь, в советское Забайкалье они намечали слабо защищенные просторы МНР.

Учитывая это, Советское правительство 1 марта 1936 г. предупредило Японию о том, что окажет дружественной Монголии действительную помощь, а 12 марта подписало Протокол о взаимной помощи на десять лет. Однако японская военщина не успокаивалась.

И. С. Конев вызвали в Наркомат обороны, где он был детально проинформирован об обстановке на Дальнем Востоке. Затем его принял К. Е. Ворошилов.

— Ну что же, правильно мы поступили, товарищ Конев, что направили вас на командную должность. Дела у вас идут совсем неплохо. Принято решение назначить вас командующим особой группой войск в Монголию. Японское командование сосредоточивает у ее границ крупные силы. Великий хурал Монгольской Народной Республики обратился к Советскому правительству с просьбой прислать войска Красной Армии. Действуйте быстро, — заключил нарком, — дорог каждый час. К выполнению обязанностей приступайте немедленно. Все необходимые указания получите в Генеральном штабе. Удачи вам.

Сдав дела, Иван Степанович выехал к новому месту службы. Семья пока оставалась в Минске. Здесь в ноябре 1937 года после тяжелой болезни умер его отец.

Итак, Монголия... Бескрайние просторы. Редко встречающиеся селения расположены у источников воды. В некоторых из них размещены органы Айтмачного (областного) управления. Встречаются одноэтажные казармы Монгольской народно-революционной армии. Вокруг домов три-четыре десятка юрт. Остальное население стра-

ны кочует со своими стадами по безбрежным степям группами в десять — пятнадцать человек, объединенных по родственному признаку. На территории Монголии насчитывалось в то время всего 750 тысяч человек населения.

Миссия командующего особой группой войск, состоявшей из двух стрелковых бригад, кавалерийской дивизии, трех артиллерийских полков и отдельного танкового батальона¹, оказалась не простой. Разведка докладывала: японские войска изготовились к прыжку. Чтобы предупредить их внезапный удар, нужно было вывести советские войска на угрожаемые рубежи, растянувшиеся на тысячи километров по безводной гористой пустыне Гоби. Вывести и закрепиться. Только быстрота и организованность перегруппировки могли обеспечить успех — это прекрасно понимал Иван Степанович, прилетевший из Москвы в Читу.

— Даже в годы Великой Отечественной войны, — подчеркнет маршал спустя двадцать лет, беседуя со слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе, — у меня не было, пожалуй, таких напряженных двух суток, как те, осенью 1937 года. Солдаты наши совершили поистине невозможное. Все происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами машины вязнут по самые оси, а на холмах порой земля так тверда, что лопата звенит о нее, как о камень... Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину «Переход Суворова через Альпы», мне представляется на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров... наши красноармейцы, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью.

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1164, л. 302.

Как и в 1921—1925 годах, советские воины твердо встали на защиту мирного труда монгольского народа, его национальных интересов.

Зима 1937/38 года была особенно трудной для командующего особой группой войск. Он работал не жалея сил. День начинался рано, заканчивался за полночь. С трудом выбирал минутки, чтобы написать письмо домой, где ждали от него вестей жена, ставшие уже школьниками дочь и сын. В них хотелось рассказать о многом. О делах. О красоте здешних мест. О том, что очень по ним скучает. Получалось же по-военному кратко: «...жив, здоров, дела идут нормально...»

Дела и на самом деле шли нормально. Успешно решались многие вопросы. Беспокоило, однако, главное — сложность обстановки. «Угроза войны, — писал в ноябре 1937 года командующий Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией В. К. Блюхер, — особенно остро чувствуется у нас, на Дальнем Востоке, где пламя войны охватывает сотни миллионов людей. Мы, борясь за дело мира, одновременно и неуклонно крепим оборону и мощь нашей социалистической Родины»¹. Это чувство войны не было интуитивным, оно основывалось на фактах: 25 ноября 1936 года Япония и Германия подписали «антикоминтерновский пакт», 12 сентября 1937 года в Японии публикуется правительственная программа «всеобщей мобилизации национального духа». Все это потребовало от соединений советских войск, дислоцирующихся в Монголии, высокой боеготовности, самоотверженности в работе командного состава, который занимался вопросами доукомплектования частей, организацией их боевой и политической подготовки, сколачиванием подразделений.

Много времени и изобретательности потребовалось от И. С. Конева и его подчиненных в обеспечении войск пи-

¹ Тихоокеанская звезда, 1937, 7 ноября.

танием, в организации подвоза всего необходимого. Трудно было с размещением. Начинали с того, что зарывались в землю. Делались ямы на несколько человек, сверху затянутые палаткой. Бревна и доски везли на автомашинах за многие сотни километров с территории Советского Союза или же из лесов, примыкающих к советско-монгольской границе. Через две недели были построены сносные землянки, хотя и очень примитивные, но достаточно теплые. Помогло и монгольское правительство, предоставив войскам войлочные юрты.

Уже в первые часы пребывания советских войск на территории страны Конеv встретился с первым заместителем премьер-министра Монголии Маршалом МНР Хорлогийном Чойбалсаном, исключительно работоспособным, высокообразованным в военном отношении человеком, поразившим Ивана Степановича начитанностью и любознательностью. Эта встреча положила начало их деловой дружбе. Чойбалсан был частым гостем личного состава особой группы советских войск. Он подолгу беседовал о командирами, политработниками и красноармейцами, помогал им словом и делом. Маршал высоко оценивал деятельность советских войск по своевременному оказанию помощи монгольскому народу. По его ходатайству Великий хурал наградил И. С. Конева высшим орденом республики, носящим имя основателя Монгольской народно-революционной партии, вождя революции 1921 года Сухэ-Батора. Это была первая иностранная награда Ивана Степановича Конева. Советское правительство наградило его орденом Красного Знамени.

Решение многих задач взяли на себя партийные и комсомольские организации частей и соединений группы войск. Главной из них становится воспитание командиров и красноармейцев в духе стойкого преодоления трудностей воинской службы, их готовности к отражению удара агрессора при выполнении интернациональной миссии. Эта крайне необходимая работа проводилась под руководством

комиссара группы войск Коровникова. О нем спустя годы Иван Степанович скажет теплые слова:

— Иван Терентьевич — замечательный коммунист, хороший руководитель и умелый воспитатель, честнейший человек и отличный товарищ¹.

Пройдет немногим более восьми лет, и их дороги сойдутся на пути к Берлину — в составе 1-го Украинского фронта, войсками которого командовал маршал Конев, находилась и прибывшая из-под Ленинграда 59-я армия под командованием генерал-лейтенанта Коровникова.

1 июля 1938 года в связи с усилившейся угрозой военного нападения Японии Отдельная Краснознаменная Дальневосточная армия преобразуется в Краснознаменный Дальневосточный фронт во главе с Маршалом Советского Союза В. К. Блюхером. В состав фронта вошли две армии. Командующим 2-й Краснознаменной армией стал комкор Конев. Меры, предпринятые Советским правительством для усиления дальневосточных границ, оказались весьма своевременными, свидетельством чего стали события у озера Хасан.

Рано утром 29 июля два японских отряда перешли государственную границу СССР и атаковали высоту Безымянную. Пограничный отряд из десяти красноармейцев под командованием лейтенанта А. Е. Махалина в течение нескольких часов героически сражался с превосходящими силами противника. Ценой больших потерь японцам удалось овладеть высотой. К месту боя тем временем подошли подразделения 40-й стрелковой дивизии и выбили врага с советской земли. День спустя высоты Заозерная и Безымянная атаковали два японских пехотных полка. Они поддерживались огнем артиллерии. После четырехчасового ожесточенного боя противник занял высоты и немедленно приступил к возведению оборонительных

¹ 9 мая 1945 года. М., 1970, с. 155.

сооружений: на каменистых склонах сопок отрыли окопы для пехоты, укрыли артиллерию и пулеметы. За камнями замаскировались снайперы. Узкие проходы между озером и границей были опоясаны несколькими рядами колючей проволоки. В район озера Хасан подтягивались части трех японских пехотных дивизий, кавалерийский полк и механизированная бригада. Для их поддержки командование противника сосредоточило в устье реки Тумень-Ула до тридцати боевых кораблей и катеров.

По приказу Наркома обороны соединения фронта перешли в полную боевую готовность. И. С. Конев выехал в 12-ю стрелковую дивизию, ближе всех из соединений армии расположенную к границе. Он отдал указания о разворачивании армейского наблюдательного пункта в районе Головино (25 км южнее Биробиджана), поставил задачу начальнику штаба выслать офицеров связи в Белогорский и Хабаровский пограничные отряды. Решением командующего фронтом из состава 1-й Приморской армии в район боевых действий выдвигались части 32-й стрелковой дивизии и 2-й механизированной бригады. Их действия объединялись оперативной группой, возглавляемой комкором Г. М. Штерном.

Прибыв в район событий, оперативная группа приняла все возможные меры к скорейшему сосредоточению советских войск. В 16 часов 6 августа тяжелые бомбардировщики нанесли удар по позициям захватчиков. Около 250 орудий начали артиллерийскую подготовку. В 16 часов 45 минут в атаку пошла пехота с танками. Противник яростно сопротивлялся. Однако воинское мастерство командиров и красноармейцев, их мужество и героизм стали той решающей силой, которая привела к победе. Отразив более двадцати контратак, советские воины изгнали врага с родной земли.

«Бои у озера Хасан, — отмечалось в приказе Народного комиссара обороны СССР, — показали сокрушительную силу доблестной Красной Армии. Бойцы, команди-

ры и политработники, преодолев все трудности, стойко обороняли советские рубежи и доблестно отразили нападение врага». 26 участников боев были удостоены звания Героя Советского Союза, более шести тысяч — награждены орденами и медалями.

После событий у озера Хасан управление Дальневосточного фронта было расформировано, а из его войск созданы две отдельные армии с непосредственным подчинением Наркому обороны. Командующим 1-й Отдельной Краснознаменной армией (штаб в Уссурийске) назначается комкор Г. М. Штерн. 2-ю Отдельную Краснознаменную армию (штаб в Хабаровске) возглавил комкор, а с марта 1939 года — командарм 2 ранга И. С. Конеv. Членом Военного совета этой армии стал дивизионный комиссар Н. И. Бирюков, начальником штаба — комбриг К. С. Мельник.

Новый, 1939 год Иван Степанович встретил в кругу семьи и товарищей по работе.

— С Новым годом! С новым счастьем! — эти слова были главными пожеланиями присутствующих. Все искренне верили, что пожелания сбудутся. Ушедший в историю год был хорошим. Колхозы и совхозы собрали богатый урожай. Впечатляющи достижения в промышленности: в ряде важных отраслей металлургии, машиностроения производство за две пятилетки почти утроилось.

Однако беспокоило положение в Европе и на Дальнем Востоке. Ведь именно в эти дни на антисоветском митинге в Токио редактор газеты «Кокумин» генерал-лейтенант Моридзи Сики заявил: «Япония предприняла вступить в столкновение с Советским Союзом. Она уверена в своей победе над ним». Депутат верхней палаты барон Риоцу Асада пошел еще дальше. «Красный революционный флаг советского народа, — возвестил он, — Япония должна заменить флагом восходящего солнца. Мы должны ударить по этой стране молотом справедливости.

Еще до объявления японо-советской войны мы должны подготовиться к ней».

Все это требовало укрепления обороноспособности Страны Советов, чтобы в случае необходимости дать сокрушительный отпор агрессору.

Важным событием в жизни И. С. Конева стал XVIII съезд партии, который состоялся в Москве в марте 1939 года. На нем были подведены итоги развития СССР за предшествовавшие пять лет, дан глубокий анализ международной обстановки, сформулированы задачи внутренней и внешней политики Советского Союза. Отмечалось, в частности, что развязывание фашистскими государствами войны против свободолюбивых народов угрожает всему миру. Это обязывает советский народ крепить мощь Вооруженных Сил.

На жизненном пути Ивана Степановича Конева это был третий по счету форум коммунистов. Впервые он присутствовал на X съезде партии. С тех пор прошло восемнадцать лет. В стране произошли огромные перемены. Была решена труднейшая задача революции — создание новой, социалистической экономики. Социалистический уклад в народном хозяйстве утвердился как безраздельно господствующий в промышленности, в сельском хозяйстве, в торговле. Изменилась классовая структура советского общества. Укрепилась дружба народов СССР. Перед страной вставали еще более грандиозные задачи. Выпуск промышленной продукции в 1942 году предполагалось увеличить почти в два раза по сравнению с 1937 годом, размер капитальных вложений в третьей пятилетке равнялся сумме капиталовложений за первые две пятилетки.

В целях укрепления обороноспособности СССР форсировалось развитие оборонной промышленности, создавались топливные, энергетические и другие производственные резервы в восточных районах страны, строились предприятия-дублиры на Урале, в Поволжье, Сибири и Средней Азии. В связи с обострением международного

положения Советское государство увеличило расходы на военные нужды.

На съезде И. С. Конев был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Это было высокое доверие. Возвратившись в Хабаровск, он приступил к практической реализации одного из главных требований съезда — укреплению боевой мощи Советских Вооруженных Сил. В армии проводится ряд учений, в том числе опытных. Одним из них стало учение, проведенное по плану Главного военного совета под руководством командующего на реке Зее по использованию созданных образцов тяжелых понтонов для установки железнодорожных мостов, получивших наименование СП-19. Кстати, они нашли широкое применение в войсках 2-го Украинского фронта при форсировании Днепра осенью 1943 года. Успешно решались также задачи совершенствования оперативной подготовки штабов, боевой и политической подготовки войск, инженерного оборудования театра военных действий, глубокого изучения вероятного противника, повышения уровня методического мастерства командиров всех звеньев. Военный совет армии значительное внимание уделял вопросам мобилизационного развертывания, работе с призывным составом.

Труд сплоченного единством цели коллектива, упорный и повседневный, не замедлил сказаться. Инспекторская группа Наркома обороны дала высокую оценку подготовке войск 2-й Отдельной Краснознаменной армии.

Масштабность задач, решаемых в соединениях армии, их сложность и многообразие способствовали тому, что командарм И. С. Конев становится крупным военным руководителем оперативного звена. Это требовало от него глубоких знаний военного дела, умения ставить и разрешать сложные организационные вопросы, и прежде всего обучения и воспитания личного состава, его подготовки к предстоящим боям. И он настойчиво учился. Именно в эти годы будущий полководец углубленно изучает во-

енную историю, читает только что изданные в серии библиотеки командира труды. Сохранились записи Ивана Степановича тех дней, служившие ему конспектом выступления на конференции, организованной штабом на тему «Основные принципы советского военного искусства».

В служебной библиотеке Конева все больше появляется специальной «танковой» литературы. По его просьбе штаб округа запросил Военную академию имени М. В. Фрунзе прислать новые разработки по использованию в операции больших масс танков. На их основе Конев разрабатывает замысел командно-штабного учения полевого управления.

А тем временем обстановка на границе Маньчжоу-Го с каждым днем становилась все более сложной и напряженной.

В январе 1939 года начались провокационные налеты на монгольские пограничные заставы. В мае того же года соединения, вошедшие впоследствии в состав 6-й японской армии, вторглись в пределы Монгольской Народной Республики. Они стремились захватить часть территории МНР, перехватить Транссибирскую магистраль и тем самым отрезать советский Дальний Восток от остальной территории страны. Части Красной Армии и войска МНР дали достойный отпор захватчикам. К 5 июля они изгнали противника с монгольской территории.

Казалось, что поражение должно было отрезвить японских милитаристов, однако они не прекратили авантюру у реки Халхин-Гол. Сосредоточив к началу августа около 75 тысяч солдат и офицеров, более 500 орудий, 182 танка, 300—350 самолетов, японцы вновь напали на МНР.

Советское командование направило в район Халхин-Гола свежие силы. Создается 1-я армейская группа. Ее командующим назначили комкора Г. К. Жукова. Утром 20 августа после авиационной и артиллерийской подго-

товки советско-монгольские войска прорвали оборонительные позиции японцев и расчленили вражескую оборону на ряд изолированных очагов. К исходу 23 августа окружение противника было завершено. К утру 31 августа он потерпел окончательное поражение. Территория братской Монгольской Народной Республики была очищена от японских захватчиков.

Но первый мирный день на Халхин-Голе стал первым днем начавшейся второй мировой войны. События в Европе развивались с головокружительной быстротой. Гитлеровская Германия захватила Польшу, Данию, вторглась в Норвегию. Бронированные полчища вермахта устремились во Францию. В столь грозной обстановке Коммунистическая партия и Советское правительство принимают ряд мер внешнеполитического, экономического и военного характера по укреплению обороноспособности страны. 1 сентября 1939 года внеочередная, четвертая сессия Верховного Совета СССР принимает Закон о всеобщей воинской обязанности. 17 сентября Советская Армия начала освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию, которые воссоединились с Советской Украиной и Советской Белоруссией в единые республики украинского и белорусского народов. В конце 1939 года империалистам удалось спровоцировать финских реакционеров на вооруженный конфликт с СССР.

В начале апреля 1940 года И. С. Конев был вызван в Москву, где участвовал в обсуждении итогов боев на Карельском перешейке на заседании Главного Военного совета, присутствовал на испытаниях первых тридцатьчетверок. Здесь он познакомился с их создателем М. И. Кошкиным.

— Конструкторам, по-моему, удалось блестяще решить вопрос сочетания мощной брони, эффективного вооружения и большой маневренности, — высказал свое суждение Конев начальнику артиллерии Красной Армии Н. Н. Воронову и командующему 1-й армейской группой

советских войск в Монголии Г. К. Жукову. — Побольше бы таких нам машин...

Здесь, в Москве, Иван Степанович Конев получил новое назначение — командующим войсками Забайкальского военного округа. Прибыв в Читу, он немедленно погружается в дела. Их оказалось множество. Наиболее важным командующий считал учебу и воспитание тех, кому вскоре суждено было встретить великие испытания в огне Отечественной войны.

«Для учебы личного состава использовать не только время, отведенное для плановых занятий, но и каждый свободный час... Учиться воевать с сильным противником» — гласил приказ, подписанный Коневым 12 мая¹.

По указанию командующего штаб округа, возглавляемый полковником Е. Г. Троценко, внес существенные коррективы в учебные планы боевой подготовки соединений и частей. Увеличивалось время на полевые занятия и учения. Успешно решалась задача учить войска действовать в зимних условиях, втягивать личный состав в длительные походы и марши. Тактические занятия проводились в любую погоду, днем и ночью. Особое внимание уделялось привитию начальствующему составу всех звеньев навыков управления подразделениями в различных видах боевых действий. Общевойсковые командиры настойчиво изучали возможности и боевые свойства различных родов войск, учились организовывать и поддерживать тесное взаимодействие в бою. Проводятся сборы призывников, учения с отработкой вопросов мобилизационного развертывания.

Особой напряженностью характеризовалась боевая учеба в соединениях 16-й армии. Стиль обучения воинов командующий армией генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин, однокашник И. С. Конева по учебе в Воен-

¹ ЦГАСА, ф. 25899, оп. 3, д. 1164, л. 307.

ной академии имени М. В. Фрунзе, участник первой мировой и гражданской войн, в 1935—1937 годах комендант Москвы, выражал так: надо учить войска наступательным действиям, не забывая об обороне¹. В ходе учебы много внимания уделялось овладению мастерством ведения огня, взаимодействию пехоты, артиллерии и танков. Большую работу по организации подготовки личного состава специальных подразделений и частей армии проводил начальник штаба полковник М. А. Шалин, в годы Великой Отечественной войны бессменный начальник штаба 1-й гвардейской танковой армии, а также начальник связи полковник П. Я. Максименко — в 1944—1945 годах генерал-лейтенант, начальник связи 1-го Белорусского фронта. Руководство партийно-политической работой осуществляли опытные политработники дивизионные комиссары А. А. Лобачев и К. Л. Сорокин, полковой комиссар И. И. Панченко и многие другие.

В конце мая 1940 года в подчинение командующего Забайкальским военным округом передается 17-я армия, дислоцирующаяся в Монголии. И. С. Конев немедленно выехал в Улан-Батор, познакомился с руководящим составом армии: ее командующим генерал-лейтенантом П. А. Курочкиным, начальником штаба генерал-майором А. И. Гастиловичем, начальником политотдела бригадным комиссаром В. К. Цебенко, начальником артиллерии генерал-майором Ф. Г. Корзиным и другими. Затем он провел серию учений с мотострелковыми и танковыми дивизиями, бронебригадами и отдельным мотоциклетным полком, которую завершило командно-штабное учение полевого управления армии со средствами связи. Подводя итоги, Иван Степанович отметил неплохую сколоченность и оперативного, и разведывательного отделов штаба, вместе с тем отметил серьезные недостатки в работе отдела тыла, высказал ряд рекомендаций по организации уп-

¹ См.: Лобачев А. А. Трудными дорогами. М., 1960, с. 113.

равления, в том числе с использованием подвижных средств связи.

Командующий округом отдал указания по дальнейшей организации оперативной и боевой подготовки в армии, бытового устройства войск. Он приказал уточнить план прикрытия государственной границы, согласовать его с командованием Монгольской народно-революционной армии и не позднее 1 августа представить ему на утверждение. В воскресенье И. С. Конев вместе с командующим армией и маршалом Х. Чойбалсаном присутствовал на «надоме» — национальном и революционном празднике Монголии. На следующий день он вылетел в Читу, где ждали его неотложные дела.

Осенью 1940 года в соединениях и частях округа широко развернулось социалистическое соревнование в честь XVIII Всесоюзной партийной конференции. Одним из его зачинателей выступил личный состав школы, которой командовал капитан И. Я. Горский. Начальствующий состав и курсанты обязались прийти ко дню открытия партконференции только с отличными и хорошими показателями в учебе и службе. Воины сдержали свое слово. За лучшие показатели в подготовке курсантов школа была награждена переходящим Красным Знаменем Военного совета округа. Оно было вручено воинам командующим округом генерал-лейтенантом И. С. Коневым на выездном заседании Военного совета. На нем присутствовали и летчики-добровольцы, принявшие участие в национально-освободительной войне китайского народа¹.

Решался также вопрос перестройки местных органов военного управления. К этому времени почти в три с половиной раза расширилась сеть районных военных комиссариатов. На территории округа создаются Бурят-Монгольский и Якутский республиканские, Читинский и Иркутский областные военные комиссариаты. Совершен-

¹ ЦГАСА, ф. 25781, оп. 2, с. 29—30.

существовала организационная структура войск. Летом 1940 года начинает формироваться 5-й механизированный корпус. Создается Забайкальская зона ПВО. Улучшается система авиационного тыла частей округа.

С 4 по 6 января 1941 года в Чите проходила III окружная комсомольская конференция. В ее работе участвовали командующий войсками округа, член Военного совета, секретарь Читинского обкома ВКП(б). В числе делегатов конференции было много прославленных воинов, героев Халхин-Гола и боев в Финляндии, отличников РККА. Конференция «продемонстрировала, что Ленинский комсомол, как никогда, сплочен вокруг ЦК ВКП(б), она показала, что под руководством партийных организаций комсомольцы провели большую работу по выполнению указаний партии, правительства и Народного комиссара обороны... направленную на дальнейшее повышение боевого могущества частей и подразделений, на укрепление единоначалия и сознательной воинской дисциплины»¹.

По предложению И. С. Конева Военный совет активизировал работу с командным составом. К этому времени были разработаны и введены новые уставы — Боевой устав пехоты, Боевой устав танковых войск, Устав тыла, Строевой устав, Устав гарнизонной и караульной служб. Командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации частей и соединений развернули большую работу по их изучению. Главное внимание при этом обращалось на воспитание воинов в духе беззаветной любви и преданности Коммунистической партии, Советскому правительству и своему народу, на поддержание высокой боеготовности войск.

23-ю годовщину Красной Армии соединения и части Забайкальского военного округа встречали значительны-

¹ Забайкальский рабочий, 1941, 9 января.

ми успехами в боевой и политической подготовке. Иван Степанович в это время был вновь вызван в Москву. Он получил назначение на должность командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. В Генеральном штабе Конев ознакомился с материалами, свидетельствующими о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, узнал о разработке постановления ЦК ВКП(б) и СНК «Об усилении противовоздушной обороны СССР», о ближайших мероприятиях по реорганизации бронетанковых и механизированных войск. Вернувшись в Читу, Иван Степанович передал дела своему преемнику Павлу Алексеевичу Курочкину, тепло распрощался с сослуживцами и убыл в Ростов-на-Дону. Спустя неделю экспресс Владивосток — Москва увозил на Северный Кавказ и семью Ивана Степановича: жену Анну Ефимовну, дочь Майю — выпускницу средней школы и сына Гелия — семиклассника.

Северо-Кавказский военный округ был одним из старейших в стране. Его созданию положил начало подписанный В. И. Лениным декрет Совнаркома РСФСР 4 мая 1918 года. Округ сыграл большую роль в защите завоеванных Советской властью.

И. С. Конев вступил в командование округом в дни, когда в стадии формирования находились стрелковые и кавалерийские дивизии, танковые бригады, артиллерийские части и авиационные дивизии, переходившие на новый штат. Войска округа получали лучшую по тому времени технику. Все это требовало напряженной организаторской работы Военного совета округа, его штаба, политических органов, партийных и комсомольских организаций. Основное внимание было уделено боевой и политической подготовке войск. Делалось это с учетом опыта, полученного советскими войсками на реке Халхин-Гол и во время вооруженного конфликта с Финляндией. Анализировалась также работа по изучению опыта начавшейся второй мировой войны.

Обстановка в мире становилась все более угрожающей. В июле 1940 года главное командование сухопутных войск фашистской Германии приступило к разработке плана войны с Советским Союзом. С 29 ноября по 7 декабря в штабе германского главнокомандования проводится оперативно-стратегическая военная игра по одному из его вариантов, а 18 декабря Гитлер подписал директиву М 21, так называемый план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз.

Зимой 1940/41 года в войсках округа проводится ряд командно-штабных и войсковых учений, оперативных игр, полевых поездок. Иван Степанович стремился применить на практике основные положения теории глубокой наступательной операции, требования приказа Наркома обороны «учить войска тому, что необходимо на войне».

Мы, — вспоминал генерал Н. М. Хлебников — в то время начальник артиллерии округа, — тотчас почувствовали твердый характер и целевую направленность нашего нового командующего.

Проводилось первое окружное учение с выходом в поле. Наглядно, в обстановке, максимально приближенной к боевой, отрабатывалось взаимодействие войск, проверялось умение всех звеньев командного состава действовать в обороне и наступлении.

Учение предполагалось завершить прорывом заранее подготовленной обороны «противника». Ему, как старшему артиллерийскому начальнику наступающей стороны, командующий приказал обеспечить атаку пехоты и танков огнем валом.

— Двойной огневой вал! — подчеркнул Конев. — Поведете его в ста метрах впереди боевых порядков наступающей пехоты.

Он, естественно, забеспокоился. Ведь это будет реальный массированный артиллерийский огонь. Поэтому в разговоре с командующим пробовал сослаться на отсутствие опыта у артиллерийских и пехотных командиров,

на молодых солдат — недавних призывников и на другие причины. Но Иван Степанович был неумолим.

— Где же еще они наберутся опыта? — спросил он. — На войне? Не слишком ли дорого обойдется нам такой опыт? Время для подготовки у вас есть. Покажите все, на что способны артиллеристы.

Наступило время атаки. «С наблюдательного пункта командующего округом я видел боевую работу артиллерийских групп. Все шло по плану. Десятки батарей обрабатывали передний край «синих». Дыбилась от взрывов земля, летели в воздух бревна разрушаемых дзотов и блиндажей... Огневой вал покатился в глубину обороны»¹.

Несколько позже командующий округом генерал И. С. Конев проверил подготовку 10-й и 12-й кавалерийских казачьих дивизий, трех вновь сформированных стрелковых соединений, а также организацию учебного процесса в военных пехотных училищах в Ростове-на-Дону, Орджоникидзе и Махачкале, на курсах усовершенствования командного состава в Краснодаре, Армавире и Грозном.

Еще в середине декабря 1940 г. генерал-лейтенант И. С. Конев вылетал в Москву на совещание высшего командного состава Наркомата обороны СССР. Здесь с участием руководителей партии и правительства подводились итоги боевой и политической подготовки за 1940 год, ставились задачи на 1941 год. Заседания проходили в Центральном Доме Красной Армии. Конев с большим интересом выслушал доклады К. А. Мерецкова, Г. К. Жукова, И. В. Тюленева, Д. Г. Павлова и других военных руководителей, в которых ставились теоретические и практические вопросы подготовки командиров, штабов и войск, применения новых средств борьбы, орга-

¹ См.: Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей. М., 1979, с. 88, 89, 90.

лизации и ведения операции и боя. Принимая непосредственное участие в обсуждении вопроса подготовки соединений и частей, он высказал твердое убеждение в необходимости пересмотра ряда положений уставов, в частности о боевом порядке войск в наступлении, о построении противотанковой обороны, а также об усилении полевой выучки личного состава.

Уезжал он с совещания обогащенный новыми мыслями, вооруженный практическими установками на дальнейшую работу.

По итогам совещания командующий Северо-Кавказским военным округом провел собрание его руководящего состава с привлечением командиров соединений и начальников военно-учебных заведений. Здесь же Конев сделал разбор последних проверок войск. Особое внимание было уделено недостаткам, которые снижали качество обучения личного состава.

Характерным для стиля работы командующего войсками округа, как отмечают многие его сослуживцы того времени, становится стремление превратить каждый разбор учения или смотра в школу для командного состава, соединений, частей и подразделений. Он учил подчиненных вникать во все детали обучения войск. Выступая перед слушателями Военной академии имени М. В. Фрунзе в середине 50-х годов, маршал подчеркивал:

— В те предвоенные годы, когда все мы чувствовали дыхание надвигающейся грозы, я, следуя правилу, усвоенному по предшествующей службе, немало времени отдавал тренировке соединений и частей округа в сложных условиях обстановки, приближенной к боевой. Были люди, которые не понимали, зачем это нужно. Называли это выматыванием сил. Некоторые косились и по другой причине — маневры даже в масштабе дивизии — весьма дорогостоящая вещь. Но я чувствовал, что время не ждет, старался использовать каждый час с пользой для войск. В этом вопросе ощущалась поддержка члена Военного

совета, штаба, большинства начальников родов войск и служб. Совместными усилиями мы и решали главную задачу — учили штабы и войска воевать с сильным и опытным врагом.

В мае 1941 года основное внимание командования и политуправления округа было перенацелено на решение новой, весьма сложной и ответственной задачи. По постановлению Главного Военного совета на базе Северо-Кавказского военного округа срочно комплектовалось управление 19-й армии. В ее состав вошли 25-й и 34-й стрелковые корпуса, 26-й механизированный корпус, 38-я стрелковая дивизия, а также части обеспечения и обслуживания. Соединения армии после доукомплектования имели задачу с 20 мая перебазироваться в Киевский Особый военный округ. В первых числах июня командующим армией был назначен И. С. Конев, членом Военного совета — дивизионный комиссар И. П. Щекланов, начальником штаба — генерал-майор П. Н. Рубцов. Армия поступала в резерв Наркома обороны СССР и выдвигалась к западным границам Советского государства.

Решив все неотложные дела, командарм выехал в Киев, чтобы на месте встретить прибывающие эшелоны с войсками, организовать их размещение и немедленно продолжить боевую и политическую подготовку соединений и частей.

ГОДЫ ИСПЫТАНИЙ

21 июня 1941 года стало для И. С. Конева, как и для миллионов советских людей, последним мирным днем. Была суббота. После обычной трудовой недели сотни тысяч киевлян отправились за город. Лишь продолжали дымиться трубы работавших предприятий, мчались по железным дорогам пассажирские и грузовые поезда. Тишина наступавшей по-летнему теплой ночи нарушалась голосами вчерашних школьников — поколение восемнадцатилетних вступало в самостоятельную жизнь.

— Хорошо быть молодым, — стоя у открытого окна, произнес Конев, обращаясь к начальнику штаба. — Хорошо, потому что жизнь у них должна быть долгой и счастливой... Да, хорошо... — Конев помолчал, что-то обдумывая. — Ну а мы с Вами, Петр Николаевич, на сегодня сделали, кажется, все необходимое. Расчеты прибытия эшелонов уточнили. Планы боевой подготовки 25-го и 34-го стрелковых корпусов скорректированы. Завтра едем в 38-ю стрелковую... Там подумаем и над планом размещения 26-го мехкорпуса. А сейчас — спать... Время позднее.

Отдохнуть, однако, не удалось. Ночью позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев. Его информация была краткой, но настораживающей.

— Положение тревожное, Иван Степанович, будьте готовы к худшему...

«Худшее — значит война», — подумал Конев. И он не

ошибся. На рассвете в приграничных районах страны забушевал гигантский огненный смерч — фашистская Германия и ее сателлиты обрушились всей своей военной мощью на мирные советские города и села. 190 дивизий, 5500 тысяч солдат и офицеров, около 4300 танков и штурмовых орудий, почти 5 тысяч боевых самолетов, более 47 тысяч орудий и минометов — вот та сила, внезапный удар которой предстояло выдержать Советской Армии. Выдержать и уничтожить врага! Пройдет более 1400 дней и ночей ожесточенных сражений на полях Подмосковья, у стен Ленинграда, на берегах Волги, под Курском и на Днепре, потребуются огромные усилия и жертвы советских людей, прежде чем придет Победа и советские воины водрузят Красное знамя над поверженным фашистским рейхстагом...

Все это будет. А летом 1941 года стране пришлось невероятно трудно. Особенно острая обстановка сложилась на западном стратегическом направлении. Здесь противник наносил свой главный удар, наметая выйти по кратчайшему пути к Москве. Решение этой задачи возлагалось на группу армий «Центр», в состав которой входили 31 пехотная, 9 танковых, 6 моторизованных, кавалерийская и 3 охранные дивизии, а также две моторизованные бригады¹. Их действиями руководил генерал-фельдмаршал фон Бок, который с началом второй мировой войны командовал группой армий «Север» в Польше и группой армий «Б» во Франции.

Выход противника восточнее Минска потребовал срочных мер. 25 июня Ставка Главного Командования приняла решение создать оборонительный рубеж с главной полосой по линии Сушево, Витебск, река Днепр. На него выдвигалась группа армий резерва Ставки. В ее состав вошли 19, 20, 21 и 22-я армии. В ночь на 26 июня командуя-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1974, т. 3, с. 330.

щий 19-й армией генерал-лейтенант И. С. Конев получил задачу перегруппировать соединения армии из-под Киева в район Витебска. «Развертывание и сосредоточение соединений произвести в Яновичи, Добромысль, Турово, Машиновка не позднее 5 июля», — говорилось в полученном приказе¹.

— 20-й механизированный корпус остается на месте, — сообщил дополнительно начальник оперативного управления штаба Юго-Западного фронта полковник И. Х. Баграмян, хороший знакомый Конева по Военной академии имени М. В. Фрунзе. — Он выводится в резерв Ставки. К Вам, в новый район сосредоточения, прибудет 23-й мехкорпус из Орловского военного округа. В его составе 48-я и 51-я танковые, 220-я моторизованная дивизии. Армия усиливается, кроме того, 360-м и 399-м гаубичными артиллерийскими полками РГК. Желаю успеха Вам, Иван Степанович.

В тот же день 19-я армия приступила к выполнению поставленной боевой задачи.

К фронту эшелоны с войсками и техникой шли очень медленно. Вражеские самолеты барражировали над дорогами. Приходилось часто делать остановки — пути то и дело оказывались взорванными. Головному эшелону, в котором находилась оперативная группа штаба во главе с командующим армией, удалось наконец достичь Рудни. Генерал Конев, не дожидаясь окончания выгрузки, направился в штаб Западного фронта, в распоряжение которого поступала армия. Здесь он получил боевую задачу от Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

— Соберите все, что имеется под рукой, товарищ Конев, и отбросьте немедленно противника от Витебска. С подходом армии организуйте устойчивую оборону в междуречье Западной Двины и Днепра. Вот здесь, — маршал показал на карте полосу обороны. — Одновремен-

¹ ЦАМО, ф. 203, оп. 3038, д. 16, л. 24.

но думайте над тем, как лучше разгромить соединения 39-го моторизованного корпуса немцев. И не только думайте, но и действуйте...

Итак, получено, по сути дела, две задачи. Первая — срочная, тактическая. Вторая — перспективная, главная. Отдав начальнику оперативного отдела армии необходимые указания по организации обороны и приказав развернуть в районе Рудни командный пункт, Конев с небольшой группой работников штаба, радиостанцией и отделением охраны выехал в Витебск, чтобы выяснить на месте обстановку до прибытия войск.

Путь в тридцать с лишним километров оказался трудным. Части действовавших впереди войск с тяжелыми боями отходили на восток. Вперемежку с личным составом и артиллерией двигались обозы, нескончаемым потоком шли беженцы. Попадались автомашины, танки.

Недалеко от города Иван Степанович остановил свою небольшую колонну. Он вышел из машины, снял плащ, чтобы видны были знаки различия, и начал останавливать отходившие подразделения, группы бойцов и командиров. Говорить старался спокойно. Приказы отдавал вполголоса.

В Витебск генерал вступил с несколькими стрелковыми подразделениями, двумя артиллерийскими батареями, десятком танков. Город казался почти пустым. Областной центр Белоруссии, важный узел автомобильных и железных дорог, расположенный на Западной Двине при впадении в нее реки Витьба, с населением в сто пятьдесят тысяч человек, эвакуировался. В разных местах полыхали пожары — последствия вражеских бомбежек.

На центральной площади Витебска Конев увидел командира, показавшегося ему знакомым, и с ним несколько бойцов. Это был майор Рожков из 37-й стрелковой дивизии, которой в 30-е годы командовал Иван Степанович. Корреспондент газеты «Правда» Борис Полевой так описывал последующие события:

— Много у Вас людей? — спросил у майора Конев.

— Утром было двадцать человек, — последовал ответ. — От границы с боями отходим. Теперь нас стало больше. Здесь, в Витебске, принял под командование роту Осоавиахима и рабочее ополчение. Отличные люди, но оружие у них старое, учебное. И патронов мало. Сейчас вот кое-что подобрали на поле боя. Занял оборону по Западной Двине и принял на себя командование гарнизона.

С гордостью смотрел генерал на худого, небритого командира с красными от усталости глазами. Хотелось обнять этого храброго, стойкого человека. Но только пожал ему руку.

— Товарищ майор, ваши действия одобряю. Держитесь до утра. Придут подкрепления.

Он оставил в распоряжение майора Рожкова приведенных с собой пехотинцев и танки, а сам пошел на батарею, которая заняла открытую огневую позицию у реки на высотке, что господствовала над городом.

Как он и ожидал, немецкая авиация с рассвета возобновила налеты на Витебск. Возникли новые пожары. А потом вражеские мотоциклисты в сопровождении танков с запада двинулись к мосту, возле которого окопались пехотинцы Рожкова. Начался ожесточенный бой. Бойцы забрасывали вражеские танки гранатами и бутылками с горючей смесью. Несколько танков запылало. Артиллеристы со своей высотки поддерживали стрелков.

Первая атака была отбита. Через некоторое время противник подтянул штурмовые орудия и стал бить по батарее. Артиллеристы приняли бой. Но на их позиции уже рвались снаряды. Конев понял — сейчас накроют. Приказал расчетам отойти в укрытие. Сам прилег в окопчик метрах в пятидесяти от орудий. Командир батареи немного замешкался, и его сразил осколок. Тогда командарм принял на себя управление огнем. В эти минуты в нем как бы жили два человека: командир батареи и

командующий армией. Один из них указывал цели, корректировал огонь орудий, другой в то же время подытоживал в уме все то, что увидел в эти тяжелые сутки¹.

Получив отпор, передовые части противника прекратили атаки. Дав необходимые указания командирам и потребовав от них продержаться как можно дольше, Конев выехал на командный пункт армии, который находился в лесу южнее Яновичей.

Рекогносцировка, проведенная им в районе Витебска, дала немало для определения замысла на последующие действия 19-й армии. Вносилась определенная ясность в оценку возможностей и характера действий противника. Выход к городу лишь его передовых частей, по сути дела, предопределил оперативное построение армии и задачи ее соединений. Став невольным участником боев в Витебске, Иван Степанович уяснил главное — чтобы остановить врага, нужно вести активную оборону. Он считал необходимым немедленно нанести два удара подходившими соединениями 25-го стрелкового корпуса. Первого — с целью перерезать рокаду, идущую из Витебска в Невель, и второго — южнее Витебска. Понимая, что противник наверняка нанесет главный удар вдоль автострады Витебск — Смоленск, командующий армией принял решение основные силы (четыре стрелковые дивизии из семи и 220-ю моторизованную дивизию) сосредоточить на удержании рубежа, прикрывающего выход противника к Днепру.

С утра 7 июля соединения армии приступили к реализации замысла командующего. Однако задержка в прибытии воинских эшелонов потребовала внесения существенных корректив. Конев принял решение. Контрудар на Витебск нанести сводным отрядом 220-й моторизованной дивизии, усиленным армейским артиллерийским полком. Разгрузившиеся же части стрелковых корпусов за-

¹ См.: Полевой Б. Полководец, с. 56.

нимали оборону севернее и южнее города, отражая удары подошедшей 20-й немецкой танковой дивизии. Вскоре сюда подошла и 900-я моторизованная бригада, введенная в сражение из резерва командующего только что созданной из 2-й и 3-й танковых групп 4-й танковой армии генерал-фельдмаршала фон Клюге.

Более трех суток шли ожесточенные бои. В результате нанесенного контрудара, стойкости оборонявшихся частей противник вынужден был отказаться от наступления вдоль магистрали Витебск — Смоленск и приступил к перегруппировке, активизировав разведку на флангах 19-й армии.

Общее же положение в полосе Западного фронта оставалось крайне тяжелым. Враг ввел в сражение новые силы — 86, 206 и 110-ю пехотные дивизии, на московское направление перегруппировывался 23-й армейский корпус 16-й немецкой армии группы армий «Север». Как доложили генералу Коневу вечером 9 июля, передовые части вражеских танковых и моторизованных дивизий из 4-й танковой армии вышли к Западной Двине и Днепру, обойдя соединения 19-й и соседней 20-й армий. Приказав начальнику штаба срочно собрать данные о боевом и численном составе подчиненных войск, генерал Конев, связавшись по радио с командующим Западным фронтом, принял решение на отход армии на новый оборонительный рубеж.

10—12 июля на центральном участке советско-германского фронта в полосе 650 км началось Смоленское сражение. В нем на войска Западного фронта, вдвое уступавшие вражеской группировке по численности личного состава и в несколько раз по боевой технике, возлагалась задача упорной обороной сдерживать продвижение гитлеровцев, чтобы выиграть время для выдвижения стратегических резервов.

Вечером 10 июля генерал Конев получил цифрограмму. Армии приказывалось «во взаимодействии с частями 20-й и 22-й армий уничтожить прорвавшегося против-

ника в районе Спротино, Бешенковичи, Витебск и восстановить положение, прочно заняв восточный берег реки Западная Двина»¹. Учитывая, что из четырехсот эшелонов в район боевых действий прибыло лишь сто тридцать, в состав армии из резерва фронта включались 128-я стрелковая дивизия и 7-й механизированный корпус. Вскоре, однако, выяснилось, что дивизия, уже понесшая серьезные потери, насчитывала не более 1600 человек, а мехкорпус представлял собой сводный отряд из танкового и моторизованного батальонов.

Всю ночь командарм провел в соединениях и частях армии. По его приказу формировались сводные отряды, куда включались стрелковые подразделения, артиллерия, танки. Организовывалось взаимодействие, уточнялись боевые задачи, проверялась правильность их усвоения подчиненными. Встретился он и с командующим 20-й армией генералом П. А. Курочкиным. Командармы обсудили вопросы совместных действий, обменялись офицерами связи.

Проведенная в войсках работа дала свои результаты. Под ударами частей 19-й и 20-й армий в течение двух последующих дней 20-я и 7-я немецкие танковые дивизии 3-й танковой группы, не знавшие поражения на поле боя в Польше и во Франции, вынуждены были отойти на северо-запад и на юг. Вплоть до 15 июля противник, резко снизив активность, вел разведку, подводил резервы, подтягивал тылы, осуществлял перегруппировки. Правда, и армия оказалась неспособной развить успех. Причин на это было много. Главные — две. Первая — затянувшееся сосредоточение. «Темп прибытия войск 19-й армии очень низкий, — отмечалось в оперативной сводке Западного фронта. — Дивизии имеют в своем составе не свыше полутора стрелковых полков и неполные части усиления... Район сосредоточения в изменившихся условиях отнесен

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 31.

на восток в среднем на 75 км»¹. Вторая причина — господство противника в воздухе. «Основные потери части несут от авиации противника... В течение четырех последних дней не имею поддержки нашей авиации», — докладывал Конев начальнику штаба фронта генерал-лейтенанту Г. К. Маландину².

В сложившейся обстановке командованием, Военным советом армии делалось все возможное, чтобы остановить врага. Личный состав мобилизуется на величайшую стойкость в обороне, высокую активность при проведении контратак. В стрелковых подразделениях формируются команды истребителей танков. Из подразделений 238-го и 321-го саперных батальонов и 27-го отдельного мотоциклетного полка генерал Конев создал подвижный армейский резерв. Он использовался командующим при проведении контратак в полосе 38-й стрелковой дивизии, отражавшей удар подошедшей 14-й моторизованной дивизии противника. В этих боях советские воины проявляли массовый героизм. По совету Конева политотдел армии издал листовку, в которой описывался подвиг батальона под командованием капитана А. Д. Щеглова. 27 июля его личный состав отразил шесть вражеских атак, бутылками с зажигательной смесью уничтожил более десятка бронированных машин противника. В этом бою Щеглов был тяжело ранен, но не покинул позиции — он одним из первых на Западном фронте был награжден орденом Ленина.

Подобных примеров было множество. В первый месяц войны в перерыве между боями генерал И. С. Конев вручил более чем ста воинам правительственные награды за проявленное мужество и героизм.

Противник, не ожидавший столь упорного сопротивления советских войск, вынужден был приостановить на-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 3038, д. 16, л. 24.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 46.

ступление. В первых числах августа он перешел к обороне на рубеже Бородулино, станция Ярцево, Соловьево, Ельня. Генерал Конев получил задачу во взаимодействии с 30-й и 16-й армиями нанести контрудар на Духовщину. К этому времени 34-й стрелковый корпус 19-й армии, сосредоточившийся восточнее Смоленска, был включен в состав 16-й армии с задачей удержать древний русский город. В 19-ю же армию вошел прибывший из резерва 2-й стрелковый корпус, состоявший из двух дивизий — 50-й и 161-й, а также 166-я стрелковая дивизия.

Исходя из полученной задачи и оценки сложившейся к этому времени в полосе 19-й армии обстановки, ее командующий создал ударную группировку в составе четырех стрелковых дивизий. Особое внимание он уделил организации огневого поражения противника.

— Западнее Зубцова сосредоточить всю имеющуюся артиллерию, — подчеркнул Конев, отдавая указания начальнику артиллерии по организации контрудара, — к артиллерийской подготовке привлечь 151-й и 442-й артиллерийские полки. Сделать все возможное, чтобы переход пехоты в атаку был обеспечен огнем максимальной плотности... Начальнику инженерных войск взять под личный контроль подготовку исходного положения для наступления. Штабу армии отработать таблицу взаимодействия и представить мне на утверждение.

Перешедшие 5 августа в наступление соединения армии первоначально имели успех. Этому способствовала эффективная огневая поддержка, особенно в полосе 161-й стрелковой дивизии. По решению командарма на направление главного удара направляется танковый резерв — сводный танковый батальон. Однако сильный налет авиации не позволил развить успех. В течение двух последующих дней продолжались ожесточенные бои с противником. Переместив командный пункт в полосу 161-й стрелковой дивизии, командующий армией руководит оттуда ночной

атакой подопежденных частей 50-й дивизии и маршевого пополнения из резерва фронта.

Итоги контрудара получили отражение в приказе командующего войсками Западного фронта от 19 августа 1941 года. В нем указывалось, что личный состав 19-й армии проявил массовый героизм, высокое воинское мастерство, а командный состав — умение действовать инициативно, решительно и тактически грамотно¹. Несколькими днями раньше в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерала Ф. Гальдера появилась запись: «На участке группы армий «Центр» создается невыгодная для нас обстановка. Войска несут большие потери...»

Однако войскам Западного фронта не удалось отстоять Смоленск и восстановить рубеж обороны по реке Днепр. Но и немецко-фашистское командование уже к концу июля вынуждено было отказаться от своих первоначальных планов. Впервые во второй мировой войне немецко-фашистские войска переходили к обороне на направлении своего главного удара. Танковые и моторизованные соединения группы армий «Центр» к 23 июля потеряли до 50, пехотные — до 20 процентов своего состава². Попытка противника с ходу преодолеть «смоленские ворота» и выйти к Москве не увенчалась успехом.

Советские войска в период Смоленского сражения показали возросшую стойкость в обороне, мужество и отвагу. Вместе с тем в боевых действиях войск, как отмечал генерал Конев, проводя заседание Военного совета армии 7 августа, особенно в управлении ими, продолжали иметь место существенные недостатки. Они выражались в том, что разведка зачастую организовывалась плохо, проводились преимущественно фронтальные атаки, обеспечению флангов командирами уделялось мало внимания, штабы не

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 229, л. 20—21.

² См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1979, т. 7, с. 399.

стали еще тем органом управления, который обеспечивал бы командиров достоверными данными, оперативно доводил принятые ими решения. Чувствовался недостаток боевого опыта командиров, штабов и войск. Оборона носила неглубокий, очаговый характер. Отрицательно сказывался недостаток артиллерии и танков.

10 сентября Ставка ВГК отдала приказ на переход войск Западного фронта к обороне. 19-я армия закрепились севернее Ярцева. 11 сентября Ивану Степановичу Коневу присваивается воинское звание генерал-полковника. Это было признанием его умелого руководства войсками в завершившемся Смоленском сражении, признанием его мужания как военачальника. А на следующий день решением Ставки ВГК он назначается командующим войсками Западного фронта. В его составе действовали 16, 19, 20, 22, 29 и 30-я армии, насчитывавшие тридцать восемь дивизий и ряд отдельных частей. Авиационная группировка фронта состояла из пяти дивизий и авиационного разведывательного полка. Фронт прикрывал направление на Торжок, Ржев, Вязьму, занимая оборону общей протяженностью 340 км на рубеже западнее Осташков, Андреаполь, Ярцево, западнее Ельни.

— На третий день моего пребывания на Западном фронте, — вспоминал многие годы спустя И. С. Конев, — меня вызвали в Ставку. Встреча со Сталиным произошла в присутствии членов Государственного Комитета обороны. И. В. Сталин предложил мне доложить о состоянии фронта и о положении войск... Вернувшись в штаб фронта, я занялся практическими делами. Оценивая создавшуюся обстановку, мы не могли не видеть, что противник готовится возобновить наступление. Данные нашей разведки свидетельствовали о том, что враг подтягивал к фронту новые силы... Однако о группировке противника и направлениях вероятных его ударов в штабе фронта к тому времени еще не было достаточных данных. Мне, вновь назначенному командующему фронтом, нужно было тща-

тельно во всем разобраться, чтобы принять целесообразное решение на построение обороны. В связи с этим... 19 сентября мною была отдана директива командармам, в которой указывалось: активизировать боевую разведку всех видов. Действиями разведорганов и главным образом сильных отдельных отрядов (усиленная рота, батальон) держать противника в постоянном напряжении, дезорганизовывать работу штабов и тыла. Необходимо было вскрыть группировку противника, выявить стыки, резервы и его ближайшие намерения¹.

Тогда же во всех объединениях фронта были проведены первоочередные мероприятия по усилению обороны, и в частности по оборудованию траншей полного профиля. Тактическая зона обороны, армейские рубежи усиливались инженерными заграждениями, в том числе минами. Отрабатывалась система артиллерийско-минометного и ружейно-пулеметного огня. Совершенствовалась противотанковая оборона, в первую очередь созданием противотанковых районов. Решалась первоочередная задача восстановления боеспособности соединений и частей. Объяснялось это главным образом тем, что, к примеру, 1-я гвардейская Московская мотострелковая дивизия, которой командовал участник гражданской войны Герой Советского Союза полковник А. И. Лизюков, имела в своем составе лишь два стрелковых полка по 600 человек, танковый полк в составе 35 танков и артиллерийский полк, имевший 21 орудие. В аналогичном положении находилось до 60 процентов соединений.

Все эти вопросы взял под контроль штаб фронта во главе с генералом В. Д. Соколовским. По приказу Конева начальники родов войск, специальных войск и служб составили календарные планы работы подчиненных отделов по решению задач подготовки войск к предстоящим боевым действиям. Офицеры политического отдела выехали в

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1966, № 10, с. 56—57.

соединения и части для проведения партийно-политической работы непосредственно с личным составом. Особенно жесткие требования были предъявлены начальнику связи фронта генералу Н. Д. Псурцеву. Генерал Конев потребовал от него установления надежной связи до дивизии включительно не менее чем по двум каналам телеграфом и по нескольким направлениям телефоном, организации контроля за подготовкой к работе радиостанций и подвижных средств¹.

26 сентября Военный совет фронта направил Верховному Главнокомандующему и начальнику Генерального штаба донесение. В нем отмечалось:

«1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины по железной дороге Минск — Смоленск — Кардымово и по шоссе Минск—Смоленск—Ярцево—Бобруйск—Рославль.

2. Создается группировка — против Западного фронта в полосе 19, 16 и 20-й армий в районе Духовщины, Ярцева, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска—против Резервного фронта в районе Рославля на спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы с главной группировкой вдоль автомагистрали Вязьма—Москва. Он подтянул уже до тысячи танков, из них около пятисот в районе Смоленска, Починок...

4. Начало наступления, предположительно, 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которых на днях ожидается в Смоленске. Авиация для этой операции перебрасывается из-под Ленинграда и Киева. Войска перегруппировываются из Германии и с киевского направления.

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на ярцево-вяземское направление, район станции Дорогобуж и

¹ ЦАМО. ф. 71, оп. 296521, д. 83, л. 31.

севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтные резервы ограничены: всего четыре стрелковые дивизии и три танковые бригады»¹.

Используя ресурсы покоренных стран Европы, фашисты готовились к решительному сражению. На 1 октября группа армий «Центр» имела в своем составе 1 800 тысяч солдат и офицеров, свыше 14 тысяч орудий и минометов, 1700 танков. Для поддержки ее действий выделялось 1390 самолетов². По плану операции, получившей кодовое наименование «Тайфун», группа армий «Центр» должна была ударами танковых группировок расчленить оборону советских войск, окружить их в районе Вязьмы и Брянска и уничтожить, после чего подвижными соединениями охватить Москву с севера и юга, ведя одновременно фронтальное преследование пехотными дивизиями, и овладеть советской столицей.

Группировка противника в составе основных сил 9-й армии и 3-й танковой группы предназначалась для нанесения удара с севера. Вторая ударная группировка, состоявшая из 4-й танковой группы и основных сил 4-й армии, сосредоточивалась против 43-й армии соседнего Резервного фронта, в командование которым вступил Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Противник имел превосходство над войсками Западного, Брянского и Резервного фронтов в личном составе в 1,4 раза, в танках в 1,7 раза, в орудиях и минометах в 1,8 раза, в самолетах — в 2 раза³.

Готовясь к отражению удара врага, Военный совет, штаб фронта, начальники родов войск и служб стремились максимально использовать имеющееся время на организацию устойчивой обороны. Иван Степанович не знал покоя — он мало спал, часто бывал в соединениях и ча-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 189.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1975, т. 4, с. 92.

³ См. там же, с. 93.

стях, ночами работал над картами в штабе. Этого требовала обостряющаяся обстановка.

— В конце сентября,— отмечал Конев,— члены Военного совета фронта еще раз объехали войска. Вместе с командармами, членами военных советов армий и начальниками штабов мы еще раз проверили готовность мероприятий по отражению наступления противника. У всех нас была полная уверенность, что войска будут драться стойко и мужественно. Мне особенно запомнилась встреча в 20-й армии с командармом Ф. А. Ершаковым и членом Военного совета Ф. А. Семеновским. Я хорошо знал товарища Ершакова. Мы вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Это был волевой и подготовленный генерал, хозяин своего слова. Учитывая, что, по данным разведки, противник сосредоточивает крупные силы в полосе Резервного фронта, я обратил их внимание на левый фланг 20-й армии, имевший разграничительную линию с 24-й армией Резервного фронта, и приказал товарищу Ершакову внимательно смотреть на юг и для обеспечения левого фланга иметь в резерве одну дивизию... Находясь в соединениях фронта, мы убедились, что командиры, политработники, политические органы, партийные и комсомольские организации настойчиво проводили большую работу по повышению боевой стойкости войск, организации всех сил на отпор врагу¹.

По решению И. С. Конева был создан партизанский отдел, подчиненный Военному совету фронта. На него возлагались задачи установления связи с партизанами, координации их действий между собой и с соединениями фронта, оказания помощи партизанам оружием и боеприпасами, сбора разведывательной информации. Как отмечает полковник М. Л. Попов, бывший начальник этого отдела, Иван Степанович, ставя задачи, особый интерес про-

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1966, № 10, с. 61.

явил к разведывательной деятельности партизан, посоветовав больше внимания уделить подготовке в тылу специальных групп командиров и специалистов для последующей их засылки на территорию, оккупированную противником. Тогда же, используя опыт первой мировой войны, Конев, посоветовавшись с начальником штаба генералом Соколовским, принял решение о создании так называемых групп охотников. В них вошли наиболее подготовленные бойцы. Их проводниками стали красноармейцы, призванные из местных районов. Состав группы насчитывал от 15 до 40 человек. Они вооружались автоматами, ручными пулеметами, имели бутылки с горючей смесью. Кроме того, туда входили саперы с запасом взрывчатки и связисты. Охотники уничтожали мосты на дорогах, подрывали склады с боеприпасами, сжигали танки, организовывали налеты на вражеские штабы, захватывали пленных. Нередко они действовали совместно с партизанами.

...Рассвет 2 октября Иван Степанович Конев встретил на командном пункте фронта. Днем раньше он получил первое сообщение от семьи, эвакуировавшейся из Ростова-на-Дону в Куйбышев. Раздумья и тревоги, навеянные письмом из дома, были прерваны докладом начальника разведки о начавшейся артиллерийской и авиационной подготовке противника, который перешел в наступление против войск Западного и Резервного фронтов.

3-я танковая группа под командованием генерала Гота при поддержке 8-го авиационного корпуса и во взаимодействии с основными силами 9-й немецкой армии противника нанесла главный удар в стык 30-й и 19-й армий Западного фронта. Враг прорвал оборону на узком участке и к исходу 2 октября продвинулся на 10—15 км. Генерал Конев решил контрударом части сил армий и фронтовым резервом, объединенным в группу генерала И. В. Болдина, отбросить прорвавшегося противника и восстановить положение. Противник был остановлен. Русские сража-

лись не на жизнь, а на смерть, — отмечал в дневнике генерал Гот. — Эти бои задержали форсирование Днепра¹.

Однако глубокое вклинение противника на стыке 49-й и 32-й армий Резервного фронта угрожало охватом соединений 19, 16 и 20-й армий. В сложившейся обстановке необходимо было организовать быстрый отвод войск на новый оборонительный рубеж. Разрешение Ставки ВГК на это было получено лишь в ночь на 6 октября. Генерал Конев поставил задачу 16-й армии организовать оборону Вязьмы, куда подходили части 7-й и 10-й немецких танковых дивизий, и одновременно отвести войска на рубеж Осташков, Селижарово, Ржев и далее на юг на ржевско-вяземский оборонительный рубеж.

— Принимая такое решение, — подчеркнул Конев на Военном совете, — я хорошо представляю все трудности его выполнения. Отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка и выдержка войск, крепкое управление. Мы постигаем это искусство на опыте.

Большая организаторская работа, проведенная Военным советом, штабом фронта, политическим управлением, позволила войскам решить в основном поставленную задачу. В этой связи уместно привести свидетельство западногерманского историка К. Рейнгардта. Воздушная разведка, — отмечает он, — докладывала, что значительные силы противника избежали окружения и большие колонны русских войск движутся в направлении Москвы. Русским снова... удалось своевременно вывести крупные силы из-под угрозы окружения. При этом русские... наносили очень большие потери немцам. Как доносил командир 7-й танковой дивизии, 11 и 12 октября дивизия потеряла 1000 человек... В полосе наступления 9-й армии противник оказал такое упорное сопротивление, что ле-

¹ См.: Гот Г. Танковые операции. Пер. с нем. М., 1961, с. 158.

вофланговые соединения только ценой больших потерь смогли продвинуться вперед¹.

Неустойчивость связи, упреждающие действия танковых соединений противника не позволили в полной мере достичь поставленной советским командованием цели. 7 октября 56-й корпус 3-й немецкой танковой группы с севера, 40-й и 46-й корпуса 4-й танковой группы с юга и востока прорвались к Вязьме и окружили соединения двух армий Западного и двух армий Резервного фронтов. Упорные бои продолжались до 13 октября. Они сковали значительные силы противника, не давая им возможности продвигаться на Москву. В середине октября, прорвав вражеское кольцо окружения, часть этих войск отошла на Можайскую линию обороны.

В создавшейся тяжелой обстановке для координации усилий войск Западного и Резервного фронтов Ставкой ВГК было принято решение объединить имевшиеся силы и средства. Генералу Г. К. Жукову предписывалось с 18 часов 11 октября вступить в командование вновь созданным Западным фронтом. Его первым заместителем назначался генерал И. С. Конев².

— Обсудив обстановку с И. С. Коневым,— вспоминал Георгий Константинович Жуков,— мы прежде всего решили отвести штаб фронта в Алабино. И. С. Коневу предстояло взять с собой необходимые средства управления, группу командиров и немедленно выехать для координации действий группы войск на калининское направление³.

Дело в том, что 10 октября 3-я танковая группа противника своим 41-м моторизованным корпусом начала наступление на Калинин. Их поддерживали пехотные диви-

¹ См.: Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года: Пер с нем. М., 1980, с. 85—86.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 7, л. 150.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 2, с. 15.

зии 6-го и 27-го армейских корпусов 9-й пемецкой армии. Усилия генерала Конева направлялись на то, чтобы остановить продвижение противника на рубеже Осташков, Волжское водохранилище и удержать район Калинина. Он поставил задачу командующему 30-й армией генералу В. А. Хоменко объединить отходившие в его полосе части, в том числе и 31-й армии, и организовать оборону на рубеже Калинин, Волоколамск. Командующий 29-й армией генерал И. И. Масленников получил приказ — прикрывшись частью сил на рубеже Ржев, Старица, основными силами форсировать Волгу и во взаимодействии с войсками, оборонявшими Калинин, разбить подвижную группу противника, ворвавшуюся 14 октября в город с запада. Значительную помощь Коневу, прибывшему в Калинин, в мобилизации всех имевшихся сил и средств на отпор врагу оказал секретарь Калининского обкома партии И. П. Бойцов, который вскоре стал членом Военного совета фронта. С ним Ивана Степановича в последующие годы связала крепкая фронтовая дружба.

Принятые меры дали свои результаты. Противник был остановлен на восточных окраинах города. Здесь заняли оборону отряды народного ополчения, части и соединения 30-й и 31-й армий. Вскоре с Валдая подошла 8-я танковая бригада под командованием полковника П. А. Ротмистрова. Прodelав за сутки труднейший марш, она с ходу вступила во встречный бой с авангардами противника у Горбатого моста, вынудив их отойти за Волгу. «В районе Калинина русские, подтянув резервы, непрерывно атакуют немецкие передовые отряды», — появилась в те дни запись в журнале боевых действий группы армий «Центр». Так в сжатые сроки создавалась группировка советских войск на направлении, где планом «Тайфун» предусматривался удар противника на Бежецк и Бологое.

Утром 17 октября в деревню Змиево, где находился командный пункт генерала Конева, пришла телеграмма.

«...Ставка решила,— говорилось в ней,— образовать Калининский фронт в составе 30, 31, 29 и 22-й армий, а также отдельных дивизий, действовавших на этом направлении. Командующим фронтом назначен генерал-полковник Конев. Желаем успеха. Сталин. Шапошников». Формирование штаба фронта, который возглавил генерал-майор И. И. Иванов, осуществлялось на базе управления 10-й резервной армии¹. Членом Военного совета был назначен опытный партийный работник корпусной комиссар Д. С. Леонов. На войска вновь созданного фронта возлагалась задача отразить попытки противника обойти Москву с севера. Сделать это было нелегко. Танков было очень мало, собственной авиации фронт не получил. Не имел он пока и тыловых органов. Противник превосходил его войска по личному составу почти в 2 раза, по танкам в 3,5 раза, по артиллерии в 3,3 раза. Врагу удалось вытеснить советские войска из Калинина.

В этих условиях командующий фронтом решил сосредоточить основные усилия на удержании района северо-западнее Калинина, не допустив дальнейшего продвижения противника на Торжок. Основным способом выполнения этой задачи избирается нанесение фланговых ударов. Уже 18 октября часть сил 29-й армии во взаимодействии со 133-й стрелковой дивизией, составлявшей резерв фронта, нанесла контрудар по 41-му моторизованному корпусу противника, стремившемуся прорваться из района Калинина на Торжок в тыл объединениям Северо-Западного фронта, и отбросила его в исходное положение. 8-я танковая бригада, укомплектованная в основном рабочими-добровольцами ленинградского завода имени С. М. Кирова, уничтожила в этих боях более тридцати танков и бронемашин противника и до батальона его пехоты. 21-я танковая бригада, совершив рейд по тылам противника, уничтожила 38 танков, около 70 орудий и минометов, 170

¹ См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1977, т. 4, с. 46.

автомашин, более 500 вражеских солдат и офицеров. Войска Калининского фронта закрепились на рубеже рек Большая Коша, Тьма, северные и восточные окраины Калинина, Волжское водохранилище.

Несколько дней спустя войны Калининского фронта, как и миллионы советских людей, с волнением слышали знакомый голос диктора:

— Говорят все радиостанции Советского Союза... Центральная радиостанция Москвы начинает передачу парада частей Красной Армии, посвященного XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...

Это было 7 ноября 1941 года.

А спустя неделю группа армий «Центр» возобновила наступление на советскую столицу. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки 3-я танковая группа нанесла удар по соединениям 30-й армии. В тот же день, 15 ноября, Конев выехал на ее командный пункт. Упорное сопротивление противнику оказали соединения армии, оборонявшиеся южнее Волжского водохранилища. Попытка противника обойти Москву с севера была сорвана. Он был остановлен и на юге от Москвы. План окружения и захвата советской столицы потерпел полный крах.

В начале декабря Ставка ВГК закончила последние приготовления к переходу советских войск в контрнаступление. К нему привлекались войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. Ближайшая цель операции заключалась в том, чтобы одновременными ударами армий Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Калининского и правым крылом Юго-Западного фронтов разгромить ударные группировки противника, действовавшие севернее и южнее Москвы. В ходе развернувшегося контрнаступления Ставка определила его дальнейшую цель: нанести поражение всей группе армий «Центр»¹.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 281.

К началу контрнаступления под Москвой войска Калининского фронта вели боевые действия на рубеже Огашков, Селижарово, южнее Торжка и под Калипином.

Принимая решение на переход в контрнаступление, генерал Конев учитывал ряд факторов. Во-первых, охватывающее положение войск фронта по отношению к противнику, вышедшему севернее Москвы. Во-вторых, отсутствие общего превосходства над противником в силах и средствах, в первую очередь по танкам и артиллерии. В-третьих, сосредоточение командованием 9-й немецко-фашистской армии основных усилий в районе Калинина. Оценивая обстановку, командующий фронтом в основу замысла положил идею массирования сил и средств на флангах калининской группировки, чтобы нанести глубокие удары в тыл 3-й танковой группы противника. Это соответствовало требованию Ставки.

— Я решил,— доносил генерал Конев исполняющему обязанности начальника Генерального штаба А. М. Василевскому,— прорвать вражескую оборону западнее и восточнее Калинина, частью сил ударной группировки фронта окружить и уничтожить противника в районе Калинина и одновременно развивать наступление на юг... В ударную группу включаю 31-ю и 29-ю армии, определив им участок прорыва 10 км. Резерв фронта — 54-я кавалерийская дивизия и отдельная мотострелковая бригада — сосредоточен в районе Романово в готовности развивать успех 31-й армии на Пушкино... Продолжительность артиллерийской подготовки устанавливаю в 45 минут, атака пехоты будет сопровождаться методом последовательного сосредоточения огня...¹

Организуя наступление, Иван Степанович особое внимание обратил на стык с Северо-Западным фронтом, и прежде всего с входившей в его состав 4-й ударной ар-

¹ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 132.

мпей. Встреча с командующим соседним фронтом генералом И. А. Курочкиным и командующим армией генералом А. И. Еременко позволила обсудить вопросы согласования усилий войск. Договорились, в частности, и о том, чтобы выделить из штаба 4-й ударной армии на командный пункт 22-й армии Калининского фронта специальную оперативную группу.

5 декабря войска фронта, реализуя замысел командующего, перешли в контрнаступление. Ударная группировка успешно форсировала Волгу. Враг предпринял ряд сильных контратак. За десять последующих дней сражения вражеские войска понесли большие потери, Калинин был охвачен с трех сторон. В ночь на 16 декабря фашисты, бросив большую часть техники, начали отход. В город вступили советские войска, почти одновременно они отбросили от железной дороги Москва — Калинин части противника и обеспечили тем самым наступление войск правого крыла Западного фронта с севера и северо-запада.

На следующий день газета «Правда» опубликовала статью генерала Конева, которую тот, понимая значение объективной и оперативной информации о таком важном событии, написал ночью. Это был своеобразный отчет о проведенной операции. «Дивизии армий генерала Юшкевича с юго-востока и генерала Масленникова с северо-запада, — отмечал командующий, — во встречном движении взяли город Калинин в клещи... К исходу 15 декабря кольцо войск вокруг Калинина почти сомкнулось, враг почувствовал угрозу окружения и начал в панике бежать, бросая орудия, другую боевую технику. Борьба за Калинин еще раз подтверждает боязнь немцев окружения. Отсюда мы можем сделать вывод, что смелые действия наших войск по флангам и тылам противника должны повсеместно применяться как весьма эффективный способ истребления живой силы... После двухмесячного перерыва советский флаг снова развевается над старым русским го-

родом. Войска продолжают преследовать отступающего противника»¹.

Учитывая выгодное положение, занятое войсками Калининского фронта по отношению к основной группировке противника, действовавшей на московском направлении, Верховное Главнокомандование значительно усилило его состав. 16 декабря фронту переподчиняется 30-я армия, которой командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко. На следующий день генерал Конев поставил ей задачу с рубежа реки Лама повернуть на северо-запад, выйти главными силами на реку Лобь, а подвижными группами в составе 24-й и 18-й кавалерийских дивизий, 8, 21 и 35-й танковых бригад перехватить пути отхода калининской группировки противника в южном и юго-западном направлениях. «Генералу Лелюшенко, — отмечалось в боевом распоряжении, — срочно сформировать в дивизиях лыжные отряды, вооружить их автоматами, пулеметами, легкими минометами, противотанковыми ружьями... им просочиться в леса на западный берег Ламы, нанеся удары по тылам противника»².

19 декабря состоялся разговор по прямому проводу с исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генералом А. М. Василевским.

— Вам, товарищ Конев, передается 39-я армия и несколько свежих дивизий... В отношении 39-й армии товарищ Сталин требует учесть, что войска в большинстве своем не обстреляны, поэтому необходимо дать им возможность хотя бы в течение двух дней освоиться с фронтовой обстановкой³.

Выполняя указания Ставки, командующий фронтом организует боевую подготовку во вновь прибывших соединениях, мобилизовав для этого основной состав штаба, политуправления фронта, отделов полевого управления.

¹ Правда, 1941, 17 декабря.

² ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 21, л. 34.

³ Там же, л. 76.

Сам он с группой офицеров выехал на командный пункт 30-й армии, в полосе которой наступление теперь развивалось крайне медленно. Соппротивление противника, как убедился Копев, нарастало, активно действовала вражеская авиация. Потребовались огромные усилия командования армии и соединений, чтобы к 21 декабря выполнить поставленную задачу и выйти на реку Лобь. На следующий день генерал Конев приказал генералу Д. Д. Лелюшенко развернуть армию на юго-запад, панося главный удар на Зубцов, где, по данным разведки, противник начал отход. Подвижные соединения армии во главе с полковником П. Г. Чанчибадзе нацеливались на Погорелое Городище.

Однако, как выяснилось позже, разведывательные данные не подтвердились. Противник, опираясь на Лотошинский укрепленный район и используя развитую здесь сеть дорог, создал на пути наступления армии прочную глубоко эшелонированную оборону, широко применял маневр танками и мотопехотой. В результате этого темпы продвижения соединений 30-й армии не превышали 2—3 км в сутки.

Тем временем усложнилась обстановка и на правом крыле фронта, где обнажился фланг 22-й армии с соседней 4-й ударной армией Северо-Западного фронта. По предложению генерал-полковника И. С. Копева в ночь на 22 января Ставка ВГК передала в состав Калининского фронта 3-ю и 4-ю ударные армии. Прибыв на КП 3-й ударной армии, командующий фронтом приказал генералу М. А. Пуркаеву наступать в направлении на Холм, Великие Луки, Витебск, командующему 4-й ударной армией было передано распоряжение — более энергично развивать наступление на Велиж, смелее обходить опорные пункты противника, создавать подвижные передовые отряды.

29 января соединения 3-й ударной армии, пройдя с боями около 90 км, вышли к Великим Лукам, а 4-я ударная армия, продвинувшись на 75—110 км, создала вы-

годные условия для удара на Витебск и Демидов. Однако реализовать эту возможность не удалось. После более чем двадцатидневного наступления на труднодоступной местности, в условиях суровой и многоснежной зимы войска нуждались в пополнении и отдыхе. Учитывая это, генерал Конев отдал приказ на переход армий к обороне на достигнутых рубежах.

Тогда же, в январе 1942 года, часть сил Калининского фронта приняла участие в осуществлении Ржевско-Вяземской наступательной операции (8 января — 20 апреля 1942 года). Главная роль в ней отводилась войскам Западного фронта. На соединения Калининского фронта возлагалась задача нанести удар в направлении на Сычевку и Вязьму с целью оказать содействие в окружении действовавшей в районе Вязьмы группировки противника в составе пяти дивизий 9-й немецко-фашистской армии, в командование которой вступил генерал-полковник Модель.

Генерал Конев решил главный удар нанести силами 39-й армии. Выехав на ее командный пункт, он встретился с командующим армией генерал-майором И. И. Масленниковым. Вместе они направились на местность, чтобы уточнить участок прорыва. Здесь в присутствии начальника штаба армии полковника П. П. Мирошниченко Иван Степанович довел замысел предстоящей операции. Исходя из слабых ударных и огневых возможностей 39-й армии, было решено начать наступление затемно, чтобы тем самым достичь внезапности первоначального удара, а на второй-третий день операции ввести в сражение фронтовую подвижную группу — 11-й кавалерийский корпус. Ему ставилась задача перерезать автомагистраль и железную дорогу Вязьма — Смоленск. Действия ударной группировки обеспечивались переходом в наступление 29, 31 и 22-й армий.

8 января соединения 39-й армии прорвали оборону противника западнее Ржева на узком, 15-километровом участке и, продвинувшись на юг с боями до 50 км, в се-

редине января вышли в район западнее Сычевки. Вопреки приказу в прорыв 11-й кавалерийский корпус к 26 января подошел с запада к Вязьме. На следующий день он перерезал автомагистраль, но затем под натиском превосходящих сил противника вынужден был отойти и перешел по указанию генерала Конева к обороне. «Оборону использовать для закрепления. Готовить силы для удара на Вязьму», — гласило его распоряжение, переданное по радио¹. Одновременно по решению Конева в прорыв после перегруппировки вводится 29-я армия под командованием генерал-майора В. И. Швецова. Она обошла Ржев с запада и завязала бой на подступах к городу. Учитывая успех армий левого крыла Северо-Западного фронта, к этому времени начавших операцию на торопецко-холмском направлении, генерал Конев основные силы 22-й армии, которой командовал генерал В. И. Вострухов, временно заменивший генерала В. А. Юшкевича, решил перенацелить на город Белый. В результате успешного ее продвижения на глубину 120—130 км соединения армии охватили с запада части 23-го армейского корпуса противника, оборонявшегося в районе Оленино.

К концу января в полосе фронта обстановка резко изменилась. Противник, воспользовавшись большой растянутостью боевых порядков советских войск, ударами из района Ржева на запад и из района Оленино на восток сумел перекрыть участок прорыва 39-й армии. Заслушав в связи с этим на заседании Военного совета доклад начальника штаба фронта генерала М. В. Захарова, командующий фронтом принял решение восстановить положение нанесением ударов соединениями 29-й армии с юга и частью сил 30-й армии, перегруппированных с левого крыла фронта в район Ржева, — с севера. Для реализации этого замысла требовалась большая организаторская работа. Иван Степанович переместил свой КП в полосу

¹ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 5, л. 154.

предстоящего удара 30-й армии, а член Военного совета фронта корпусной комиссар Д. С. Леонов с группой командиров и политработников вылетел в 29-ю армию.

В последних числах января соединения двух армий перешли в наступление, пробив небольшую горловину между городами Белый и Нелидово. Через нее поддерживалась связь с 29-й и 39-й армиями и 11-м кавалерийским корпусом. 16 февраля по указанию генерала Конева в район боевых действий 29-й армии выбрасывается воздушный десант. Получив подкрепление, ее соединения совместно с 39-й армией предприняли попытку пробиться в северном направлении. Решить эту задачу они не смогли. Фронт стабилизировался на рубеже Холм, Велиж, своим центром охватывая с тыла ржевско-вяземскую группировку немецко-фашистских войск в составе 3-й танковой и 9-й армий. Вместе с тем войска Калининского и левого крыла Северо-Западного фронтов сами находились под угрозой удара немецко-фашистских войск с демянского и ржевского плацдармов в общем направлении на Осташков.

Несмотря на незавершенность Ржевско-Вяземской операции, она сыграла положительную роль. В ходе боев войск Калининского и Западного фронтов был сорван замысел противника дать в течение зимы отдых своим войскам и подготовить их к новым наступательным операциям весной 1942 года. Чтобы спасти армию от катастрофы, гитлеровское командование вынуждено было с декабря 1941 года по апрель 1942 года дополнительно перегруппировать из Германии и оккупированных стран Европы тридцать девять дивизий, шесть бригад и около восьмисот тысяч человек маршевого пополнения¹.

Таким образом, зимой 1941/42 года Советская Армия захватила инициативу на главном стратегическом направлении советско-германского фронта. Победа под Москвой

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 4, с. 323.

знаменовала начало коренного поворота в ходе Великой Отечественной войны. Был развеян миф о непобедимости немецко-фашистской армии.

Зимняя кампания 1941/42 года явилась суровой проверкой военного искусства Советских Вооруженных Сил и их наступательных возможностей. Уже тогда начало выявляться превосходство советской военной стратегии, оперативного искусства и тактики. Росло полководческое искусство командующих, среди которых достойное место занял генерал Иван Степанович Конев. Незаурядные способности будущего маршала начали раскрываться в ходе руководства им оборонительными сражениями, и особенно во время контрнаступления под Москвой. Были, конечно, и промахи, неудачи, просчеты, но были и первые крупные победы над сильным и опытным врагом.

Руководя боевыми действиями войск Калининского фронта в ходе контрнаступления под Москвой и общего наступления на западном стратегическом направлении, Иван Степанович приобрел опыт организации и проведения фронтовых наступательных операций в сложных условиях обстановки: при отсутствии общего превосходства над противником, на окружение, с прорывом глубоко эшелонированной траншейной обороны врага. В этих операциях вырабатывался стиль крупного военачальника, выражающийся в стремлении к смелому массированию сил и средств на направлениях главных ударов, тщательной организации огневого поражения противника, осуществлению перегруппировок войск на те направления, где обозначался наибольший успех, широкому применению подвижных войск в оперативной глубине обороны противника. Свидетельством высокой оценки искусства И. С. Конева в планировании и проведении фронтовых операций стало его награждение Советским правительством учрежденным в июле 1942 года орденом Кутузова I степени.

Летом 1942 года основные события развернулись на

юге страны. Враг рвался на Кавказ и к Сталинграду. Партия и правительство прилагали максимальные усилия, чтобы остановить и разгромить его на этих важнейших стратегических направлениях. Весьма ответственные задачи возлагались и на войска, действовавшие на западном направлении. Еще в июне Ставка ВГК отдала указания командующим войсками Калининского фронта генералу И. С. Коневу и Западным фронтом генералу Г. К. Жукову о возобновлении наступления на ржевско-сычевском направлении с целью активными действиями сковать группу армий «Центр», лишить возможности перегруппировать ее соединения на юг, вынудить фашистское командование направить часть стратегических резервов на этот участок советско-германского фронта.

30 июля 1942 года перешел в наступление Калининский фронт. Наибольший успех был достигнут в полосе 30-й армии. Генерал Конев принял немедленно решение нарастить усилия армии вводом в сражение резерва фронта. 4 августа начал наступление Западный фронт. Его войска прорвали вражескую оборону в полосе до 30 км на глубину до 25 км. Командование группы армий «Центр» под угрозой потери ржевского выступа усилило 9-ю армию тремя танковыми и двумя пехотными дивизиями. Дальнейшие действия советских войск вылились во встречные бои с контрударной группировкой врага. Во второй половине августа соединения 30-й армии Калининского фронта вышли на подступы к Ржеву, а объединения Западного фронта — на рубеж рек Вазуза, Осуга, Гжать. Шли тяжелые бои.

26 августа 1942 года И. С. Конев был назначен командующим войсками Западного фронта, сменив на этом посту Г. К. Жукова, который, вступив в должность заместителя Верховного Главнокомандующего, убыл под Сталинград.

Сложность условий проведения операции, недостаток сил и средств не позволили войскам Калининского и За-

падного фронтов в полной мере решить поставленные боевые задачи. Вместе с тем главная цель была достигнута — ни одно из соединений группы армий «Центр» не было переброшено противником на южный участок советско-германского фронта, где шли ожесточенные бои. Более того, фашистское командование вынуждено было отказаться от проведения подготовленной еще в январе 1942 года крупной наступательной операции на московском направлении.

Тем временем титаническая работа, проведенная Коммунистической партией, Государственным Комитетом Обороны и Ставкой ВГК по мобилизации всех сил страны на отпор врагу, принесла свои плоды. 19 ноября войска Юго-Западного направления перешли в контрнаступление. В результате было нанесено сокрушительное поражение крупнейшей стратегической группировке противника, была окружена и разгромлена 330-тысячная армия генерал-фельдмаршала Паулюса. В битве на Волге армии фашистского блока потеряли полтора миллиона человек, тысячи танков, самолетов, орудий и минометов, примерно четверть всех сил и средств, находившихся на советско-германском фронте¹. Вооруженные силы фашистской Германии и ее европейских союзников вынуждены были перейти на всем советско-германском фронте к стратегической обороне. Инициатива прочно и окончательно перешла в руки советского Верховного Главнокомандования.

Находясь на центральном участке фронта, Иван Степанович Конев внимательно следил за успехами Советской Армии, начавшей массовое изгнание немецко-фашистских захватчиков с советской земли. Он скрупулезно изучал опыт, полученный советскими войсками, чтобы использовать его для достижения победы над противником.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 6, с. 81.

14 марта 1943 года генерал-полковник И. С. Конев был назначен командующим войсками Северо-Западного фронта. Сдав дела генералу В. Д. Соколовскому, Иван Степанович прибыл на командный пункт фронта как раз к началу разбора операции по завершению разгрома демянской группировки противника, проводимой войсками фронта. Делал его бывший командующий Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, который направлялся представителем Ставки на Южный и Юго-Западный фронты. Здесь Конев познакомился с видным политработником Советской Армии Ф. Е. Боковым, который в 30-е годы был начальником Военно-политической академии имени В. И. Ленина, в последующем — комиссаром Генерального штаба, а с мая 1943 года — членом Военного совета Северо-Западного фронта. Судьба свела его и с генералом Ф. И. Толбухиным, в то время командующим 68-й армией, поступившей в подчинение фронта, в дальнейшем — Маршалом Советского Союза, командующим Южным, 4-м и 3-м Украинскими фронтами. Знания и опыт сослуживцев, товарищей по работе, помогли генералу Коневу в последующем успешно решать задачи, поставленные Ставкой ВГК.

— Операцию нужно продолжать, — подчеркнул на прощание маршал Тимошенко. — Ликвидация демянского плацдарма противника, удерживаемого им более полутора лет, продвижение советских войск на рубеж рек Редья и Пашеть севернее Старой Руссы создали благоприятные условия для последующих действий войск на северо-западном стратегическом направлении.

Под руководством генерала Конева Военный совет фронта, штаб, управления начальников родов войск и служб проделали большую работу по подготовке к предстоящему наступлению. Особое внимание командующий уделил созданию ударных группировок, подготовке исходных районов в инженерном отношении, решению вопросов организации огневого поражения противника, ус-

тойчивого управления войсками. Под личный контроль он взял вопросы материального обеспечения боевых действий войск.

Готовившуюся наступательную операцию Коневу, однако, осуществлять не пришлось. 22 июня 1943 года он был вызван в Ставку ВГК. Передав дела прибывшему на Северо-Западный фронт генералу П. А. Курочкину, Иван Степанович срочно вылетел в Москву.

В Генеральном штабе он получил исчерпывающую оперативно-стратегическую информацию.

Военно-политическая обстановка для нашей страны продолжала оставаться сложной. В фашистском логове предпринимались усилия, связанные с «тотальной мобилизацией». Использование ресурсов оккупированных стран Европы обеспечило рост военной промышленности Германии. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровское командование смогло направить вновь мобилизованные людские контингенты на укрепление Восточного фронта.

Как предполагал Генеральный штаб Советской Армии, началом летней кампании станет битва под Курском. Здесь, по данным советской разведки, противник готовил операцию «Цитадель», цель которой заключалась в окружении и разгроме занимавших Курский выступ советских войск Центрального и Воронежского фронтов. Для проведения этой операции фашистским военно-политическим руководством создавались две ударные группировки в составе 50 отборных дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Ставка ВГК приняла решение отразить удары врага преднамеренной обороной, создав тем самым выгодные условия для последующего перехода в наступление. Предусматривалось также, что в случае отказа противника от наступления советские войска перейдут к активным действиям первыми.

— Ваше внимание, Иван Степанович, — подчеркнул генерал С. М. Штеменко, — хотелось бы обратить на то,

что еще весной по решению Ставки в районе Тулы, Ельца и Россоши начали сосредоточиваться крупные стратегические резервы. 15 апреля был образован Степной военный округ, функционирующий по штатам полевого управления фронта. В его составе находятся 24, 27, 46, 47, 53, 66-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии. Сейчас командует округом генерал-полковник М. А. Рейтер, начальник штаба у него генерал-лейтенант М. В. Захаров. Управление округа дислоцируется в Воронеже.

Беседу Конева в Генеральном штабе прервал вызов к Сталину.

Разговор происходил в присутствии Г. К. Жукова, ряда членов Государственного Комитета Обороны.

— Вы, товарищ Конев, назначаетесь командующим Степным военным округом — нашим главным резервом. Задачи доведем директивой. Главное, вы должны подготовить войска к обороне и вместе с тем к тому, чтобы сыграть важную роль в контрнаступлении. Рекомендую побывать на Воронежском фронте, чтобы быть в курсе обстановки, знать направления возможных ударов противника... Сейчас слетайте к семье в Куйбышев. Затем — на фронт. Желаем вам успехов...

Навестив семью, Конев 24 июня прибыл в Воронеж. Начался новый этап в его военной биографии.

Объединения, вошедшие в состав округа, готовились к предстоящим сражениям, интенсивно занимаясь боевой и политической подготовкой, оборудованием оборонительных позиций и полос, различного рода инженерных сооружений. В соединениях и частях проводилась напряженная работа по сколачиванию экипажей, взводов, рот и батальонов. Личный состав стремился максимально использовать имевшееся время для изучения опыта, полученного в предшествовавших боях, требований приказов и наставлений по применению различных родов войск в общевойсковом бою. По инициативе командующего окру-

гом Военный совет и штаб округа, командующие родами войск, начальники служб основное внимание сосредоточили на оказании непосредственной помощи командирам и штабам в решении стоящих задач. Многие дни и ночи провел в войсках командующий. Особенно часто бывал он в 5-й гвардейской танковой армии, которая в начале апреля 1943 года начала сосредотачиваться в районе Острогожска.

Войска округа совершенствовались оборонительные рубежи, части и соединения доукомплектовывались личным составом. Особое внимание уделялось подбору командных кадров. На должности командующих армиями, а также командиров корпусов и дивизий, — отмечает в своих воспоминаниях Иван Степанович, — по указанию Ставки ВГК назначались офицеры и генералы, которые имели не только большой опыт войны, но и опыт подготовки войск в мирных условиях. Это вызывалось тем, что войска, находясь в составе Резервного фронта, должны были пройти усиленную боевую подготовку¹. В решении этих задач большую помощь командующему округом оказывали командующий артиллерией генерал Н. С. Фомин, начальник связи генерал Н. С. Матвеев. Организацию материально-технического обеспечения взяли под неослабный контроль члены Военного совета генералы И. З. Сусайков и И. С. Грушецкий. Много труда в обеспечение боевой готовности войск вложил начальник тыла фронта генерал В. И. Вострухов.

В конце июня Военный совет под председательством И. С. Конева заслушал доклад начальника политического управления генерала А. Н. Тевченкова об итогах выполнения требований постановления ЦК ВКП(б) от 24 мая «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет» и ближайших зада-

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1963, № 8, с. 51.

тах партийно-политической работы. Состоялся большой разговор о делах округа, в котором приняли участие командующие и члены военных советов армий, командиры отдельных соединений и их заместители по политической части. Опытом организации партийно-политической работы поделились многие командиры и политработники. Был решен также вопрос об организации переподготовки политработников низового звена.

Через несколько дней затишье на Центральном и Воронежском фронтах кончилось. Началась грандиозная Курская битва.

Уже первые часы наступления немецко-фашистских войск 5 июля показали, что оно развивается совсем не так, как это планировалось гитлеровским командованием. Несмотря на мощь удара, противнику в первый день удалось вклинуться в оборону советских войск лишь на отдельных участках. Борьба приобрела крайне упорный характер.

9 июля на командном пункте в Короче генерал Конев получил следующую директиву Ставки ВГК:

«Командующему Степным военным округом.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. С 24.00 9 июля переименовать Степной военный округ в Степной фронт.

2. Включить в состав Степного фронта 5-ю гвардейскую, 27-ю армию с 4-м гв. танковым корпусом, 53-ю армию с 1-м мех. корпусом, 47-ю армию с 3-м гв. мех. корпусом, 4-ю гв. армию с 3-м гв. танковым корпусом, 52-ю армию, 5-ю гвардейскую танковую армию, 3, 5, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса, 5-ю воздушную армию, все части усиления и тыловые части и учреждения Степного военного округа.

3. Армии фронта развернуть согласно устным указаниям, данным Генеральным штабом.

4. Передвижение войск совершать только ночью.

5. Командный пункт Степного фронта с 12 июля иметь в районе Горяиново.

6. О ходе перегруппировки доносить ежедневно пифром.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин. А. Антонов»¹.

К 11 июля противник на северном фесе Курского выступа был остановлен. Его потери составили 42 тысячи солдат и офицеров, около 500 танков. На южном фесе, потеряв более 300 танков, враг вышел к армейской оборонительной полосе. Утром 12 июля войска Воронежского фронта нанесли по наступающему противнику в районе Прохоровки контрудар. Основная роль в нем принадлежала 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армиям. Обе они прибыли из Степного фронта. Их действия поддерживались двумя воздушными армиями — Воронежского и Степного фронтов. Произошло самое крупное в истории второй мировой войны встречное танковое сражение. В нем участвовало с обеих сторон около 1200 танков, самоходно-артиллерийских установок и штурмовых орудий. Контрудар советских войск привел к новым громадным потерям танковых войск противника, которые исчислялись в 400 танков². Он заставил их окончательно отказаться от дальнейших попыток прорваться к Курску. 13 и 14 июля И. С. Конев находился на командном пункте командующего Воронежским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина. Здесь же находился и представитель Ставки маршал Г. К. Жуков.

Советское командование сумело правильно оценить назревший кризис немецко-фашистского наступления. Войска левого крыла Западного и Брянского фронтов 12 июля, а армии правого крыла Центрального фронта 15 июля

¹ ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 34, л. 166.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1976, т. 7, с. 154.

перешли в наступление. К 18 августа выходом советских войск к Брянску завершилась Орловская наступательная операция. На южном фланге Курского выступа соединения Воронежского и Степного фронтов отбросили противостоящего противника в исходное положение. Отмечая умелое руководство войсками фронта И. С. Коневым, Советское правительство наградило его вторым орденом Кутузова.

23 июля представитель Ставки маршал Г. К. Жуков уточнил задачу генералу Коневу:

— Войскам вашего фронта следует подготовить удар на смежном крыле Воронежского фронта в южном направлении, прорвать вражескую оборону, рассечь белгородско-харьковскую группировку, во взаимодействии с 57-й армией Юго-Западного фронта уничтожить противника в районе Харькова, освободив Харьковский промышленный район. Далее, Иван Степанович, смотрите на Днепр, — закончил Георгий Константинович. — Вас ждут Полтава и Кременчуг...

На рассвете 3 августа мощной артиллерийской и авиационной подготовкой началось контрнаступление на белгородско-харьковском направлении. Фашистские войска оказывали яростное сопротивление. Однако оборона врага была прорвана. В первой половине дня соединения общевойсковых армий Воронежского и Степного фронтов на направлении главного удара вклинились на глубину 5—6 км. Вскоре в прорыв были введены 1-я и 5-я гвардейская танковые армии под командованием генералов М. Е. Катуква и П. А. Ротмистрова. Это позволило завершить прорыв тактической зоны обороны. Танковые армии и корпуса, активно поддерживавшиеся массированными ударами авиации, ломая сопротивление врага, продвигались на юг.

Утром 5 августа войска Степного фронта вышли к Белгороду. Соединения 69-й армии под командованием генерала В. Д. Крюченкина подошли к окраинам города

с севера. Здесь развернулся наблюдательный пункт фронта, где находился генерал И. С. Конев с группой офицеров штаба. В это время войска 7-й гвардейской армии, которой командовал генерал М. С. Шумилов, форсировав Северский Донец, создали угрозу вражескому гарнизону с юга. Части 1-го гвардейского механизированного корпуса перерезали железную и шоссейную дороги на Харьков. В создавшейся обстановке генерал Конев принял решение с ходу освободить областной центр, сосредоточив основные усилия в южном направлении. Командующему 5-й воздушной армией генералу С. К. Горюнову Иван Степанович Конев поставил задачу «непрерывным воздействием на противника, по его огневым точкам и укрепленному обводу оказать максимальное содействие пехоте и танкам в наступлении на Белгород»¹.

Первыми в Белгород ворвались воины 270-го гвардейского стрелкового полка 89-й гвардейской стрелковой дивизии. В тесном взаимодействии с ними действовали части 305-й стрелковой дивизии. К вечеру город был очищен от противника. В этот же день был возвращен Родине старинный русский город Орел. В Москве в честь советских воинов-освободителей прозвучал первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют. Это был салют победителей, салют надежды и уверенности в полном разгроме врага. Поэт Александр Твардовский, выражая чувства советских людей в тот памятный день, писал:

...И голос праздничный орудий в сердцах взволнованных людей

Был отголоском грозных буден, был громом наших
батарей.

И каждый дом и переулок, и каждым камнем вся
Москва

Распознавала в этих гулах — ОРЕЛ и БЕЛГОРОД —
слова.

¹ ЦАМО, ф. 341, оп. 5312, д. 541, л. 26.

Освободив Белгород, войска Степного фронта устремились на юг. Противник оказывал упорное сопротивление, удачно используя выгодные условия местности.

— В один из тех горячих июльских дней, — вспоминает бывший помощник командующего фронтом генерал М. И. Казаков, — на КП командующего 53-й армией неожиданно появился Иван Степанович. Ничего особенного в этом приезде, конечно, не было: И. С. Конев вообще большую часть времени проводил в войсках, таков его стиль. А тут у нас еще случилась какая-то заминка — темп наступления заметно снижался...

— Перед вами и немцев-то, наверное, давно нет, а вы топчетесь на месте, — недовольно заметил Иван Степанович, выслушав командарма генерала И. М. Манагарова.

«Мы хорошо знали обстановку, и я стал докладывать Коневу о состоянии наших войск, о противнике, об особенностях местности, на которой протекает сейчас бой...

— А ну, поехали в боевые порядки, там лучше во всем разберемся, — перебил меня Конев.

Фронтные сборы недолги. Через несколько минут мы уже сидели в машине...

Хорошо помню неубранное пшеничное поле, на котором были остановлены наши войска. Впереди, километрах в двух, в самый горизонт упирался гребень высот. Там был противник...»¹

Созревшее, исходя из особенностей местности и ее оборудования противником, здесь же решение командующего войсками фронта — вызвать авиацию и подавить вражескую группировку на высотах, протянувшихся более чем на десять километров с востока на запад, — обеспечило дальнейшее продвижение соединений армии. Войска устремились на запад.

¹ См.: Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971, с. 188, 189.

Крупные успехи, достигнутые армиями Воропеевского и Степного фронтов, разрушили прежние представления немецко-фашистского командования о незыблемости своего фронта севернее Харькова. Выход из кризиса гитлеровское командование искало на путях активизации борьбы. Бывший командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Манштейн по этому поводу отмечал, что командование группы решило подтянуть к Харькову 3-й танковый корпус. Он должен был быть использован группой Кемпфа для удара по восточному флангу клина прорыва противника. Одновременно по западному флангу должна была нанести удар 4-я танковая армия силами двух танковых дивизий, возвращенных группой «Центр», и одной мотодивизии.

Несмотря на весьма успешное наступление советских войск, Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая такие важные факты, как переброска гитлеровским командованием в район Харькова крупных танковых резервов, упорное сопротивление противника севернее Харькова, сложность задачи освобождения этого города, пришла к выводу о необходимости объединить руководство всеми войсками, наступавшими на Харьков. 8 августа в состав Степного фронта включается правофланговая 57-я армия Юго-Западного фронта, которой командовал генерал Н. А. Гален. На следующий день для усиления правого крыла Степного фронта ему передается 5-я гвардейская танковая армия, ранее действовавшая в составе Воронежского фронта. Танковой армии Конев приказал развить наступление на Мерефу, перехватить железные дороги Харьков — Полтава, Харьков — Красноград и отрезать пути отхода врага из Харькова на запад и юго-запад. 57-й армии он поставил задачу форсировать Северский Донец и, развивая наступление в западном направлении, выйти в тыл группировке противника, оборонявшейся в районе Харькова.

В последующие дни бои в полосе наступления войск

Степного фронта носили крайне ожесточенный и упорный характер. Противник прилагал максимальные усилия к тому, чтобы остановить наступление и сохранить в своих руках Харьков. Гитлер требовал от командования группы армий «Юг» «при всех обстоятельствах удержать город». Противник цепко держался за подготовленные оборонительные рубежи. Генерал Конев в этих условиях особое внимание уделил организации огневого поражения противника, что обеспечило в итоге последовательный прорыв войсками двух последних оборонительных рубежей. К исходу 11 августа соединения 53, 69 и 7-й гвардейской армий вышли к внешнему харьковскому обводу, проходившему в 8—14 км от города.

Кульминационным пунктом Белгородско-Харьковской операции для войск Степного фронта стал штурм Харькова — крупнейшего промышленного и административного центра Украины. На подступах к нему противник создал сильные рубежи обороны, а вокруг города — укрепленный обвод с развитой системой опорных пунктов. Город был приспособлен также к обороне. Все это предопределяло крайне ожесточенный характер борьбы. Это прекрасно понимал командующий фронтом.

«Мы начали тщательно готовиться... Вместе с командующим артиллерией фронта, танкистами, авиаторами... изучали наиболее выгодные подступы к городу... прикидывали, откуда и какими силами лучше нанести удар. Оценивая местность, характер укреплений противника, намечали маневр своими войсками, место, где целесообразно сосредоточить главную ударную силу артиллерии, где удобнее нанести танковый удар, куда нацелить авиацию... Требовалось учесть все положительное и отрицательное, найти верный ключ к успеху... я наконец пришел к окончательному решению: наиболее выгодное направление для нанесения главного удара является северо-западное, где находится 53-я армия... Здесь наилучшие

подступы к городу, лес, командные высоты, с которых хорошо просматривается весь Харьков»¹.

На основе замысла командующего детализировался план операции. Шла интенсивная подготовка войск и штабов. В подразделениях и частях проводилась партийно-политическая работа. Прошли партийные собрания. На повестке дня стоял вопрос — задачи коммунистов в бою. Участником одного из них стал командующий войсками фронта И. С. Конев. Оно проходило в стрелковом батальоне 89-й гвардейской стрелковой дивизии. «Долг партийной организации и членов партбюро, — сказал, выступая на нем, парторг майор Татульян, — состоит в том, чтобы разъяснить каждому воину значение нашей боевой задачи, внушить веру в успех нашего дела, решимость драться самоотверженно, самим показать образец дисциплины и воинского мастерства». Коммунистам быть впереди — такова суть постановления партийного собрания, на котором поделился своим опытом с коммунистами и Иван Степанович.

Напряженность обстановки нарастала. К исходу 22 августа 5-я гвардейская танковая и 53-я армии охватили Харьков с юго-запада и запада, а 7-я гвардейская армия продолжала сжимать кольцо с востока и юго-востока. В распоряжении противника, который к этому времени подвел из резерва две дивизии, оставались лишь железная и шоссейная дороги, идущие из Харькова на юг.

О проблемах, вставших в эти завершающие часы сражения за Харьков перед командованием Степного фронта, писал в своих воспоминаниях И. С. Конев: «Можно было, конечно, бросить силы, достаточные для того, чтобы перерезать этот коридор, окружить врага в городе и там его добивать... Уничтожение такой крупной группировки в укреплённом городе потребовало бы много времени и

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1945, М., 1981, с. 32—33.

жертв. Могло быть и второе решение — штурмовать город, выбить из него противника и довершить разгром остатков вражеских соединений за городом. Мы знали, что у немецко-фашистского командования уже не было надежд на длительное удержание города, так как в это время весь немецко-фашистский фронт трещал по швам»¹.

Бесперспективность дальнейшей борьбы за город, опасность окружения харьковской группировки были настолько очевидны, что единственным шансом на ее спасение от полного истребления было быстрое отступление на юг. Во второй половине дня 22 августа немецко-фашистское командование было вынуждено начать отход из района Харькова. Чтобы не дать врагу возможности вывести из-под ударов свои войска и не допустить полного разрушения города, командующий войсками Степного фронта генерал Конев отдал приказ о ночном штурме Харькова.

Всю ночь на 23 августа в городе шли уличные бои. Войска фронта умело обходили опорные пункты врага, просачивались в его гарнизоны с тыла. Шаг за шагом советские воины очищали Харьков от фашистских захватчиков. Ворвавшиеся в город части 183-й стрелковой дивизии успешно наступали по Сумской улице и первыми вышли на центральную площадь. Воины 89-й гвардейской стрелковой дивизии по Ключковской улице устремились к зданию исполкома и водрузили над ним Красное знамя. К 11 часам 23 августа Харьков был освобожден. Часть группировки, оборонявшей город, была уничтожена. Остатки ее отступили. Москва вновь салютовала советским воинам.

Освобождением Харькова и Харьковского промышленного района завершилось контрнаступление Советской Армии на белгородско-харьковском направлении. Войска Воронежского и Степного фронтов разгромили здесь до

¹ Военно-исторический журнал, 1963, № 8, с. 59—60.

15 дивизий противника, продвинулись в глубину на 140 километров, расширив полосу наступления до 300 километров. Воронежский и Степной фронты нависли над всем южным крылом фронта противника, заняв выгодное положение для освобождения Левобережной Украины и важнейшего промышленного центра страны — Донбасса.

26 августа «Правда» писала: «Немцы сами назвали Харьков восточными воротами на Украину, замком на дверях Украины, ключом к Украине. Победа Красной Армии взломала немецкий замок, распахнула ворота и открыла просторы украинской земли перед советским освободительным оружием. Под Харьковом разгромлены отборные немецкие дивизии, потерпел крушение гитлеровский план использования Украины как базы для снабжения разбойничьей немецкой армии. Заря освобождения Украины ярко разгорается над Днепром. Чутко прислушиваются измученные, исстрадавшиеся советские люди и на левом, и на правом его берегах к радостным вестям, идущим с Востока».

В ходе оборонительного сражения, а затем контрнаступления Советская Армия разгромила до тридцати отборных вражеских дивизий. Даже по данным противника, за пятьдесят дней напряженной борьбы немецко-фашистские войска потеряли убитыми, пропавшими без вести и тяжелоранеными более полумиллиона солдат и офицеров. Кризис людских резервов в фашистской Германии стал еще более острым. Особенно тяжелое поражение понесли ее танковые войска. Из двадцати танковых и моторизованных дивизий врага, участвовавших в битве под Курском, семь было разгромлено, остальные понесли тяжелые потери. Высокие морально-боевые качества советских людей в этой битве проявились во всем величии. Самоотверженное служение Родине, способность преодолевать тяжелые испытания, готовность к подвигу стали нормой поведения сотен тысяч советских людей. Свыше ста тысяч воинов было награждено орденами и медалями, более

180 из них удостоено звания Героя Советского Союза. Среди отмеченных правительственными наградами был и генерал армии¹ Иван Степанович Конев — ему был вручен орден Суворова I степени.

Итак, для объединений Степного фронта открывался путь к Днепру. Однако противостоящая ему группировка противника оказывала упорное сопротивление. Командование вермахта стремилось во что бы то ни стало остановить наступление советских войск, выиграть время для создания новых резервов за счет мобилизации. Исходя из этого, им был отдан приказ об ускорении строительства стратегического оборонительного рубежа — так называемого Восточного вала. Он проходил от Нарвы, восточнее Чудского озера, Пскова, Невеля, Витебска, вдоль Западной Двины, далее на Полоцк, Витебск, Могилев, по западному берегу среднего течения Днепра, реке Молочная и по восточному побережью Крымского полуострова. Здесь гитлеровское командование надеялось в оборонительных боях обескровить Советскую Армию.

В этих условиях важно было не дать врагу времени оправиться от ударов, пополнить свои войска и стабилизировать линию фронта. Поэтому Центральный, Воронежский и Степной фронты, находившиеся на направлении главного удара стратегического наступления, должны были использовать результаты победы под Курском и нанести сокрушительное поражение ослабленной группировке врага. На подготовку к наступлению отводилось немногим более десяти дней. До этого войска уже в течение почти полутора месяцев вели тяжелые бои. Требовалось, таким образом, в короткий срок перегруппировать силы, подтянуть тылы, накопить боеприпасы и горючее. Эти задачи, несмотря на большие трудности, были успешно решены.

¹ Воинское звание генерала армии было присвоено И. С. Коневу 26 августа 1943 года.

В начале сентября Ставка Верховного Главнокомандования дала указания фронтам о форсировании Днепра с ходу и захвате плацдармов на его правом берегу. Основные усилия Центрального и Воронежского фронтов сосредоточивались на киевском, Степного — на полтавско-кремenchугском, Юго-Западного — на днепропетровском и запорожском направлениях. Войскам Южного фронта предстояло выйти к низовьям Днепра и к Крыму. Из резерва Ставки Степному фронту передавалась 37-я армия под командованием генерала М. Н. Шарохина, прошедшего путь от красногвардейца до заместителя начальника Генерального штаба, начальника штаба Северо-Западного и Волховского фронтов. Из Воронежского фронта в подчинение генерала Конева возвратилась 5-я гвардейская армия. Ею командовал генерал А. С. Жадов. С Алексеем Семеновичем, ветераном 1-й Конной армии, И. С. Конев вместе учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе, служил на Северном Кавказе, воевал под Москвой.

По замыслу командующего войсками Степного фронта, форсирование Днепра намечалось в полосе 130 км. 20 сентября соединения 5-й гвардейской и 53-й армий подошли к Полтаве, городу, преграждавшему путь к Днепру. Данные разведки свидетельствовали, что враг готовится упорно обороняться. Гарнизон Полтавы был увеличен вдвое. По правому берегу реки Ворсклы заблаговременно готовились оборонительные позиции, подступы к которым были насыщены различными инженерными сооружениями. В Полтаве каменные здания приспособлялись к круговой обороне.

21 сентября, — вспоминает командующий 5-й гвардейской армией А. С. Жадов, — на КП армии приехал генерал армии И. С. Конев. Для изучения сложившейся обстановки непосредственно на месте Иван Степанович вместе с ним выехал в 33-й гвардейский стрелковый корпус. На наблюдательном пункте командира 95-й гвардейской стрелковой дивизии с генералом Н. С. Пн-

китченко отработали все детали предстоящего штурма Полтавы... проехали и в 97-ю гвардейскую стрелковую дивизию, где заслушали решение ее командира полковника И. И. Анциферова.

«Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание в первую очередь на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях... требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи»¹.

Поздно вечером на заседании Военного совета был уточнен план разгрома противника. Штаб фронта совместно со штабом командующего артиллерией спланировал организацию огневого поражения противника. Большое внимание было уделено вопросам достижения согласованных действий. Генерал Конев заслушал доклады командующих армиями о готовности. На следующий день после артиллерийской подготовки при поддержке авиации решительной атакой и обходным маневром город, превращенный фашистами в мощный опорный пункт обороны, был освобожден. Первыми ворвались в него штурмовые отряды 95-й гвардейской стрелковой дивизии. Разведчик 84-й стрелковой дивизии рядовой И. Белых водрузил Красное знамя на старинном памятнике участникам исторической битвы под Полтавой 1709 года —obeliske Славы. Полтава обрела свободу. Потрепанная группировка врага отходила к Днепру.

Вечером 22 сентября генерал Конев, хорошо понимая важность своевременного использования достигнутого успеха, отдал новую директиву войскам фронта. В ней ставилась армиям задача «энергично преследовать противника... Операцию по выходу и форсированию Днепра, — подчеркивал Иван Степанович, — провести со всей настой-

¹ См.: Ж а д о в А. С. Четыре года войны. М., 1978, с. 121, 122.

чивостью и решительностью. Обратить особое внимание на смелое, дерзкое применение подвижных отрядов и захват войсками на плечах противника переправ на реке. Переправочные средства подтянуть и иметь при войсках»¹.

По приказу командующего штаб фронта совместно с начальником инженерных войск разработал план маскировочных мероприятий: в светлое время наплавные части мостов убирались в укрытые места, отдельные участки переправ задымлялись, в зоне наблюдения противника имитировался спуск на воду переправочных средств, войска рассредоточивались на большой площади за естественными масками. Проверяя выполнение отданных указаний, генерал Конев отметил организованную работу штаба 5-й гвардейской армии. По его приказу опыт гвардейцев был обобщен и доведен до остальных войск.

Мероприятия по введению противника в заблуждение дали положительный результат. Так, ложным спуском на воду понтонных средств в восточной части острова Бородаевский (в полосе 7-й гвардейской армии) удалось заставить противника вести артиллерийский огонь по пустому месту в течение нескольких суток, а переправа осуществлялась в другом районе. В 57-й армии все внимание противника было привлечено к трем ложным переправам, имитирующим основной район форсирования. Поверил противник и дезинформации, проводимой штабом 5-й гвардейской армии о сосредоточении усилий в районе Кременчуга, куда на короткое время выводилась значительная часть армейской и приданной артиллерии².

Одним из первых форсировали Днепр части 25-го гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии, которой командовал генерал М. С. Шумилов. В ночь на

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 751, л. 18.

² ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 37, л. 16; д. 448, л. 32—36.

25 сентября через реку переправился передовой отряд в составе стрелкового батальона, усиленного артиллерийскими дивизионами, тапковой ротой и саперными подразделениями. Такие отряды по решению Военного совета Степного фронта создавались во всех дивизиях первого эшелона. Вслед за ним при поддержке орудий сопровождения и огня артиллерии с левого берега Днепра на плацдарм вступил полк первого эшелона 72-й гвардейской стрелковой дивизии. Преодолев ожесточенное сопротивление противника, советские воины к исходу дня расширили плацдарм до полутора километров по фронту и до двух километров в глубину.

— Сначала форсирование шло успешно, — вспоминал И. С. Конев. — Но на второй день рано утром позвонил генерал М. С. Шумилов и доложил, что войска несут большие потери, не выдерживают вражеского натиска. Примерно через сорок минут на самолете По-2 я подлетел к его наблюдательному пункту. С правого берега нас обстреляла неприятельская зенитная артиллерия. Самолет приземлился на обратном скате небольшой высоты у берега Днепра. «Встретили меня командарм, член Военного совета армии З. Т. Сердюк, командиры авиационных корпусов: 1-го штурмового — генерал В. Г. Рязанов и 4-го истребительного — генерал И. Д. Подгорный. Обстановка действительно была грозная. В воздухе непрерывно висели неприятельские «хейнкели» и волнами, совершенно свободно бомбили плацдарм и переправы. На плацдарме артиллерийско-минометная канонада, танковая стрельба, снаряды рвались и на земле, и на воде. Положение переправившихся войск М. С. Шумилова было очень тяжелым. Нужно было срочно принимать меры по сохранению плацдарма и в первую очередь прикрыть войска с воздуха...

...Я высказал неудовольствие командиру корпуса истребителей И. Д. Подгорному и потребовал от него обеспечить непрерывное патрулирование над плацдар-

мом, перехватывать и уничтожать вражеские бомбардировщики в воздухе. В. Г. Рязанову приказал массированными ударами штурмовиков с противотанковыми бомбами волна за волной штурмовать немецкие танки, атакующие наши войска на плацдарме. М. С. Шумилу поставил задачу ориентировать командиров корпусов и дивизий, ведущих бой на плацдарме, о мерах, принятых с нашей стороны, для отражения наземных и воздушных атак немцев. Затем я приказал стянуть артиллерию... для отражения танковых атак врага. Вскоре положение начало понемногу выправляться»¹.

К 30 сентября соединения 7-й гвардейской армии объединили захваченные плацдармы в один. Командующий войсками фронта, учитывая исключительно важное значение захвата переправ у Кременчуга, выдвинул на это направление две закаленные в сражениях армии — 5-ю гвардейскую под командованием генерала А. С. Жадова и 53-ю, которой командовал генерал И. М. Мапагаров. Это решение генерала Конева обеспечило срыв попытки командующего группой армий «Юг» контрударами восстановить положение, способствовало быстрому освобождению Кременчуга. В первой декаде октября войска Степного фронта во всей полосе наступления вышли к Днепру, очистили от врага его левый берег, создав плацдармы северо-западнее Днепродзержинска, юго-восточнее Кременчуга и в районе Верхнеднепровска. Своевременно введенный в сражение второй эшелон фронта — 37-я армия под командованием генерала М. Н. Шарохина сумела закрепить и развить успех армий первого эшелона.

15 октября войска Степного фронта (с 20 октября он был переименован во 2-й Украинский) вновь перешли в наступление. Главный удар наносился в направлении Кривого Рога. Для наращивания удара и завершения прорыва обороны врага генерал Конев ввел в сражение

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1945, с. 65—66.

5-ю гвардейскую танковую армию. Прибыв на командный пункт генерала Ротмистрова, он поставил задачу «обходным маневром с юго-запада и юго-востока овладеть Кривым Рогом... отрезать пути отхода днепропетровской группировке противника»¹.

Решением Ставки ВГК фронт был усилен 1-м механизированным и 20-м танковым корпусами. Генерал Конев немедленно ввел их в сражение, оперативно подчинив им две авиационные дивизии. К 23 октября корпуса при поддержке авиации прорвались к Кривому Рогу и в район Митрофановки (30 км восточнее Кироваграда), создав угрозу окружения шести дивизий только что сформированной фашистским командованием 8-й армии группы армий «Юг». В тот же день перешли в наступление армии правого крыла соседнего 3-го Украинского фронта, которые при содействии части сил 2-го Украинского фронта освободили Днепропетровск. 6 ноября войсками 1-го Украинского фронта была освобождена столица Украины — Киев. Наступление советских войск успешно развивалось.

В начале декабря генерал Конев направил в войска обращение:

«Всем командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и полков!

В ознаменование великого праздника Дня Конституции народов Советского Союза приказываю напяречь свои богатырские силы... решительным ударом всей мощи огня, смелым маневром смять врага и к исходу дня освободить города Знаменка, Александрия и Новая Прага.

Вперед, воины 2-го Украинского фронта! Воинской доблестью за Родину прославьте себя новыми боевыми успехами!»²

Поставленная командующим войсками фронта задача была успешно решена. К середине декабря они отбросили

¹ ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 65, л. 5.

² ЦАМО, ф. 240, оп. 14668, д. 2, л. 108.

противостоящую 8-ю армию противника от Днепра на 30—100 км, создав условия для последующего наступления на киевоградском направлении.

Таким образом, в течение четырех месяцев Советские Вооруженные Силы на юго-западном стратегическом направлении разгромили основные силы группы армий «Юг». Сокрушение обороны немецко-фашистских армий на Днепре опрокинуло расчеты правителей рейха на ведение длительной позиционной оборонительной борьбы.

В битве за Днепр советские войска проявили массовый героизм, мужество, отвагу, воинское мастерство. Наиболее отличившиеся солдаты, сержанты и офицеры всех родов войск были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Многие части и соединения получили почетные наименования и стали гвардейскими.

Битвой за Днепр заканчивался 1943 год, год завершения коренного перелома в Великой Отечественной войне и второй мировой войне в целом. Стратегической инициативой прочно овладели Советские Вооруженные Силы. На советско-германском фронте во втором периоде войны было разгромлено 218 дивизий противника, в том числе 75 дивизий, перегруппированных с запада.

Советские войска продвинулись на запад на 500—1300 км, освободив более половины оккупированной врагом территории¹.

Для Ивана Степановича Конева проведенные операции под Москвой, под Курском и на Днепре, как и для многих других советских военачальников и командиров, стали школой воинского мастерства, мужания его военного таланта. Он научился бить врага, бить искусно, наверняка. Но впереди еще были новые сражения, тяжёлые, с сильным и опытным противником, сражения на пути к окончательной победе.

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1977. т. 8, с. 11.

НА ПУТИ К ПОБЕДЕ

Новый, 1944 год для 2-го Украинского фронта стал годом крупных наступательных операций, в ходе которых во взаимодействии с другими фронтами юго-западного направления была решена задача освобождения Украины. Советские войска перешли государственную границу и приступили к выполнению своей интернациональной освободительной миссии.

Первой операцией наступившего года для войск 2-го Украинского фронта стала Кировоградская, завершившая предшествующие действия войск фронта на правом берегу Днепра по расширению плацдармов и подготовке условий для освобождения Правобережной Украины.

— Командование фронта, — отмечал Иван Степанович Конев, — ясно представляло себе, что при дальнейшем разворачивании операций в западном направлении серьезным препятствием явится важнейший узел железных и шоссейных дорог, промышленный центр Правобережной Украины — город Кировоград. Придавая большое значение его удержанию, противник направлял туда значительные пехотные и танковые резервы. А в последних числах декабря даже предпринял попытку нанести от Кировограда удар против центра нашего фронта в направлении па Знаменку, Новгородку. Но эта попытка наступления успеха не имела¹.

¹ См.: Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944. М., 1972, с. 82.

Исходя из оценки обстановки, командующий войсками фронта принял решение нанести два удара по сходящимся направлениям с целью окружения и уничтожения кировоградской группировки врага. Бить противника в открытом поле — такова суть идеи, заложенной в решении генерала армии И. С. Конева.

С севера эта задача решалась войсками 53-й и 5-й гвардейской армий совместно с 5-м гвардейским и 7-м механизированными корпусами. С юга должны были обойти Кировоград соединения 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий. Сухопутные войска поддерживались авиацией 5-й воздушной армии. Учитывая, что фронт не располагал сколько-нибудь значительным превосходством над противником, Иван Степанович решил в полосе 80 км (общий фронт наступления составлял около 230 км) сосредоточить тридцать стрелковых дивизий, т. е. более 50 процентов общего их числа, а также пять механизированных и танковых корпусов (не считая двух корпусов, находившихся в резерве фронта), около 60 процентов артиллерии.

На участок в 55 км, что составило 25 процентов полосы наступления, были нацелены двадцать одна стрелковая дивизия, четыре танковых и механизированных корпуса, 40 процентов имевшейся во фронте артиллерии. Благодаря этому 5-я гвардейская армия превосходила противника по пехоте в пять раз, по орудиям в два и по минометам в пять раз, а 7-я гвардейская армия — по пехоте в три раза, по орудиям в восемь и по минометам в семь раз.

Операция готовилась в сжатые сроки. Это требовало большого напряжения в деятельности командования, штабов, политорганов и войск. Генерал Конев особое внимание уделил плановости подготовки операции, лично отработав календарный план работы основных отделов и управлений фронта. По его указанию штаб фронта под руководством генерала М. В. Захарова составил комплекс-

ный план контроля подготовки войск и штабов к предстоящим действиям.

Готовя войска к предстоящим боям, генерал Конев, штаб и политуправление фронта стремились максимально использовать полученный боевой опыт в предшествующих операциях. Исходя из практики Белгородско-Харьковской операции, внимание командиров соединений и частей привлекалось к подготовке передовых отрядов. С личным составом проводились занятия по теме «Бой ночью». Политическое управление фронта издало памятку-инструкцию по организации взаимодействия пехоты, артиллерии, танков и авиации на период атаки и боя в глубине вражеской обороны.

Были намечены мероприятия по оперативной маскировке. Перегруппировку танков и артиллерии решено было осуществлять только ночью, тщательно укрывать и маскировать войска и технику в новом районе. Особое внимание Конев обратил на скрытие марша и района сосредоточения 5-й гвардейской танковой армии. По его указанию ее штаб определил районы ложного сосредоточения, разработал мероприятия по их созданию и «оживлению». В районе имитации устанавливалось около ста пятидесяти макетов различных образцов техники, готовились ложные огневые позиции, склады горючего и боеприпасов. Как показали последующие события, демонстративные мероприятия по имитации направления главного удара фронта вполне себя оправдали.

Начало операции планировалось на 5 января 1944 года. В директиве, отданной генералом И. С. Коневым за три дня до наступления войскам ударной группировки, приказывалось:

«1. Исходное положение передовыми батальонами и артиллерией занять в ночь с 3 на 4 января. Провести самоокапывание пехоты, установить связь и организовать наблюдательные пункты. С 4 на 5 января занять исходное положение всем боевым порядком.

2. День 4 января полностью использовать для организации взаимодействия в звене рота, батарея, батальон, артиллерийский дивизион. Отработать на местности направления и объекты атаки, взаимодействие с соседями, установить характер обороны противника и его укреплений, особенно командирам рот и батальонов, командирам батарей и командирам дивизионов.

3. Провести общую разведку для окончательного уточнения переднего края, системы огня противника и характера инженерных укреплений»¹.

Наступал холодный рассвет 5 января. Густой туман плотной пеленой стлался над землей. С наблюдательного пункта командующего войсками фронта едва просматривались ближние траншеи и ходы сообщения. Туман и радовал и огорчал Ивана Степановича и его ближайших помощников. Радовал потому, что противник не мог вести прицельный огонь с дальних дистанций. Огорчал и вызывал озабоченность тем, что авиация в этих условиях не сможет выполнить в полном объеме свои задачи, а танкистам генерала П. А. Ротмистрова будет трудно ориентироваться на местности и выдерживать заданное направление.

В 8 часов 10 минут тонны металла и взрывчатки обрушились на фашистские позиции. 50 минут бушевал шквал огня над вражеской обороной, после чего войска устремились в атаку. Противник оказал им ожесточенное сопротивление. В 12 часов генерал Конев, учитывая относительно низкие темпы прорыва, отдал приказ на ввод в сражение главных сил танковой армии². Сам командующий с группой офицеров и генералов полевого управления фронта выехал на командный пункт 5-й гвардейской танковой армии, откуда продолжал руководить операцией.

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 881, л. 11.

² ЦАМО, ф. 332, оп. 4948, д. 291, л. 2.

К исходу первого дня северная ударная группировка прорвала оборону противника в полосе более чем двадцать километров и продвинулась на глубину от четырех до двадцати четырех километров. В тактической зоне обороны врага образовалась брешь. К югу от Кировограда достичь успеха в тот день не удалось. Введенная в сражение 5-я гвардейская танковая армия отражала сильные контрудары противника и несла большие потери в технике. Требовались решительные меры для достижения перелома в создавшейся обстановке. В 21 час 5 января генерал И. С. Конев отдал боевое распоряжение на перегруппировку войск фронта. В нем говорилось: «Командующему 5-й гвардейской танковой армией к 8.00 6 января передать 8-й мехкорпус в подчинение командующего 5-й гвардейской армией, а командарму 5-й гвардейской армии — развить энергичное наступление 7-м и 8-м механизированными корпусами в обход Кировограда с северо-запада и запада... с целью перерезать пути, ведущие из Кировограда на запад и северо-запад, и во взаимодействии с войсками 5-й гвардейской танковой армии овладеть Кировоградом»¹.

Последующие события подтвердили своевременность и правильность решения командующего о переносе основных усилий в полосу, где обозначился успех наступления — к исходу второго дня участок прорыва расширился до 70 км. Утром 7 января группировка противника в составе двух дивизий была окружена соединениями 7-го и 8-го механизированных и 18-го танкового корпусов. На следующий день войска фронта освободили Кировоград, продвинувшись на запад еще на 15—20 км. Командующий группой армий «Юг» генерал Веллер, опасаясь глубокого охвата своей группировки с юга, удерживавшей каневский выступ на Днепре, перегруппировал в полосу 2-го Украинского фронта три танковые дивизии. Для от-

¹ ЦАМО, ф. 240, оп. 2779, д. 1130, л. 12.

ражения контрудара противника войска левого крыла 2-го Украинского фронта по приказу Конева перешли к обороне, одновременно приступив к подготовке нового удара па Корсунь-Шевченковский с севера.

Итак, еще одно сражение, проведенное войсками под руководством генерала И. С. Конева, завершилось победой над сильным, опытным и коварным врагом.

Полководческий талант И. С. Конева с новой силой проявился в операции, развернувшейся в январе — феврале 1944 года в среднем течении Днестра в районе Корсунь-Шевченковского.

Придавая важное стратегическое значение удержанию Правобережной Украины, гитлеровское командование сосредоточило там наиболее боеспособные соединения — 91 дивизию, в том числе 18 танковых и 4 моторизованные. В Корсунь-Шевченковском выступе, образовавшемся на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов, обострялась группировка немецко-фашистских войск, включавшая 9 пехотных, танковую дивизию и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й армий¹.

Готовясь к упорной обороне, противник тщательно укреплял свои позиции. Ставка ВГК поставила 19 января задачу двум Украинским фронтам встречными ударами под основание Корсунь-Шевченковского выступа «окружить и уничтожить вражескую группировку смыканием левофланговых частей 1-го Украинского фронта и правофланговых частей 2-го Украинского фронта. Такое соединение войск 1-го и 2-го Украинских фронтов, — подчеркивалось в директиве Ставки, — даст им возможность развить ударную силу для выхода на р. Южный Буг»². Начало операции определялось для войск 1-го Украин-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 8, с. 62, 71.

² ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 36, л. 8—9.

ского фронта 26 января, для 2-го Украинского — 25 января. Разница в сроках перехода в наступление обуславливалась тем расстоянием, которое должны были преодолеть ударные группировки фронтов до Шполы — района их соединения.

Планируя фронтовую операцию, генерал Конев учитывал прежде всего то, что после завершения Кировоградской операции район западнее и северо-западнее Кировограда был наиболее плотно занят противником. Логично было предположить, что фашистское командование именно здесь ожидает дальнейшего наступления советских войск. Принимая это во внимание, командующий после обмена мнениями с членами Военного совета пришел к выводу о целесообразности нанести главный удар севернее Кировограда смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий, силами четырнадцати стрелковых дивизий при поддержке авиации фронта. После прорыва обороны противника на 19-километровом участке эти армии должны были, по мысли Конева, развивать наступление на Шполу, Звенигородку. При этом 4-я гвардейская армия под командованием генерала А. И. Рыжова (с 3 февраля в командование армией вступил генерал И. К. Смирнов) нацеливалась на внутренний, а 53-я армия, которой командовал генерал И. В. Галанин, — на внешний фронт окружения, 5-ю гвардейскую танковую армию, имевшую в своем составе 218 танков, 18 самоходно-артиллерийских установок, планировалось ввести в сражение в полосе 53-й армии. Ее задача, по замыслу генерала Конева, — завершить прорыв обороны противника, стремительно развивая наступление, к исходу второго дня выйти к район Шполы, в дальнейшем овладеть Звенигородкой, соединившись с подвижными войсками 1-го Украинского фронта, замкнуть кольцо окружения и вместе с 53-й армией образовать его внешний фронт.

Характерно, что кроме главного удара предполагалось нанести и два вспомогательных. Эта задача решалась ча-

стью сил 5-й и 7-й гвардейских армий генералов А. С. Жадова и М. С. Шумилова в районах западнее и юго-западнее Кировограда, а силами 52-й армии, которой командовал генерал К. А. Коротеев, наступлением в направлении на Городище. Делалось это в основном для того, чтобы отвлечь часть сил и средств врага от направления, где сосредоточивались основные усилия фронта.

Подготовка операции осуществлялась в условиях непрекращавшихся боевых действий. Все перегруппировки происходили ночью с жестким регулированием движения, по строго определенным маршрутам и в точном соответствии с графиком, разработанным штабом фронта. Одновременно решалась задача дезинформации противника: создавались ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировались передвижения войск и техники. Отмеченные задачи решались многими отделами и управлениями фронта. Их усилия объединял опытный начальник штаба М. В. Захаров. Судьба свела его с Иваном Степановичем Коневым на Калининском фронте, куда он прибыл начальником штаба в январе 1942 года. Вместе решали задачи они и под Курском в оборонительном сражении, а также в Белгородско-Харьковской наступательной операции. «...Матвей Васильевич относится к той школе оперативных работников, — писал о нем Конев, — которые в совершенстве постигли методы управления войсками крупных объединений»¹.

Важной областью подготовки войск к операции стала партийно-политическая работа. Ее организаторами были соратники Ивана Степановича по битве под Курском — член Военного совета фронта генерал Иван Захарович Сусайков и начальник политического управления генерал Александр Николаевич Тевченков. Оба политработника имели большой боевой опыт, пользовались высоким ав-

¹ Военно-исторический журнал, 1968, № 7, с. 43.

торитетом в войсках. По своему обыкновению серьезное внимание уделял этому вопросу и сам Иван Степанович Конев. Он посоветовал, в частности, в связи с приближением двадцатой годовщины со дня смерти В. И. Ленина возможно шире разъяснить воинам ленинские заветы. Во всех соединениях вышли специальные номера красноармейских газет, боевые листки, в которых пропагандировались идеи Владимира Ильича Ленина о защите социалистического Отечества. Особое внимание командующий потребовал уделить работе с пополнением, прибывшим главным образом из освобожденных районов. Ветераны славных битв под Москвой, Сталинградом, Курском, участники форсирования Днепра щедро делились с молодежью своим боевым опытом. Тогда же по рекомендации командующего фронтом были организованы митинги боевого сотрудничества солдат и сержантов — представителей различных родов войск.

Наступление началось 24 января. По предложению командующего артиллерией генерала Н. С. Фомина генералом Коневым было решено вначале провести мощный, но короткий артиллерийский налет и сразу же начать наступление передовыми батальонами. В случае их успеха в сражение планировалось ввести главные силы ударной группировки фронта. Такой метод прорыва вражеской обороны оказался эффективным. Атака передовых батальонов, начавшаяся на рассвете, стала внезапной для противника, и они продвинулись на глубину до шести километров. Командующий войсками фронта дал приказ на развитие успеха. За 5—6 часов боя главные силы преодолели первую полосу вражеской обороны. В сражение вступила 5-я гвардейская танковая армия.

Большую выдержку и боевую зрелость, — отмечал Конев, — проявил командующий армией генерал-полковник танковых войск П. А. Ротмистров. «Когда я прибыл на его командный пункт, располагавшийся на высоте у Оситняжки, то убедился, что обстановка сложилась не из

приятных. Гремела артиллерийская канонада, рядом слышались автоматные и пулеметные очереди, всюду рвались снаряды и свистели пули. И в этой тревожной обстановке он четко руководил действиями подчиненных ему соединений и частей, трезво оценивал ситуацию и принимал обоснованные решения. Ввод в бой второго эшелона (18-й танковый корпус) помог быстро расчистить прорыв, обеспечить фланги и продолжать наступление в направлении Звенигородки. Кроме того, для устранения прорыва противника на флангах мной были введены свежие силы из резерва фронта.

Неоценимую помощь нашим наземным войскам оказала авиация 1-го штурмового авиационного корпуса генерала В. Г. Рязанова и истребительного авиационного корпуса генерала А. В. Утина»¹.

28 января в районе Звенигородка произошло соединение передовых бригад 5-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского и 6-й танковой армии 1-го Украинского фронтов. В Корсунь-Шевченковском котле оказались управления 11-го и 42-го армейских корпусов, семь пехотных и танковая дивизии, моторизованная бригада, отдельные части еще одной пехотной дивизии — около 80 тыс. солдат и офицеров врага. Чтобы выручить окруженные дивизии, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн начал стягивать крупные танковые силы. Исходя из создавшейся обстановки, танковые армии обоих фронтов по приказу Ставки ВГК перешли к обороне.

Тем временем противник, перегруппировав к внешнему фронту окружения 8 танковых и 6 пехотных дивизий, попытался осуществить прорыв в узкой полосе в направлении на Лисянку. Ценой больших потерь ему удалось вклиниться в оборону на участке 47-го стрелкового корпуса 1-го Украинского фронта. Для локализации кризис-

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944, с. 102.

ной обстановки сюда из резерва Ставки ВГК выдвигается 2-я танковая армия. Ряд дополнительных мер принимает и командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Н. Ф. Ватутин. В результате все атаки врага были отбиты. 8 февраля советское командование во избежание ненужного кровопролития предъявило окруженным войскам противника ультиматум с требованием сложить оружие. Однако гитлеровские генералы отклонили это гуманное предложение. Бои возобновились с новой силой. Немецко-фашистские войска не только не прекратили сопротивление, но и с еще большим ожесточением на отдельных участках стали бросаться в атаки. Гитлеровцы во что бы то ни стало пытались выбраться из котла. В это же время на внешнем фронте шли тяжелые бои с крупными танковыми силами противника, стремившимися соединиться по кратчайшему направлению с окруженными.

Оценивая создавшуюся обстановку и перспективы развития последующих событий, И. С. Конев 10 февраля принял решение вывести с внешнего фронта окружения в коридор прорыва к району Лисянки 5-ю гвардейскую танковую армию с задачей не допустить выхода окруженной группировки из котла на стыке двух фронтов и соединения ее с танковой группировкой врага, наступавшей с внешнего фронта. Этот маневр был необходимым, но в то же время и рискованным. Дело в том, что к моменту начала вывода войск 5-й гвардейской танковой армии массированные танковые атаки противника на внешнем фронте не ослабевали, а все больше усиливались. Однако командующий войсками фронта учитывал следующие обстоятельства: во-первых, на участке, где действовала танковая армия, были оставлены стрелковые дивизии, усиленные большим количеством артиллерии и средствами инженерных заграждений. Для контроля и оказания необходимой помощи войскам на этот участок по приказу Конева направлялись командующий артиллерией фронта генерал Н. С. Фомин и начальник инженерных войск

фронта генерал А. Д. Цирлин. Во-вторых, в ходе предшествующих боев наступавшие танковые дивизии противника достигали темпа продвижения не более четырех километров в сутки. Расчеты, следовательно, показывали, что для соединения с окруженной группировкой в полосе фронта противнику потребовалось бы минимум десять суток напряженных боев, так как расстояние между населенными пунктами Вязовок (котел) и Юрковка (внешний фронт) было в пределах сорока километров. Предполагалось, что за это время советские войска сумеют разбить и пленить окруженную группировку противника.

Ход последующих действий со всей очевидностью показал целесообразность маневра танковой армии, осуществленного по решению генерала И. С. Конева. Это был замысел, сорвавший попытку командующих 1-й танковой и 8-й армиями гитлеровских генералов Хубе и Крейзенга выручить свои соединения.

Кульминационный момент операции наступил утром 12 февраля, когда командующий окруженными войсками генерал Штеммерман, создав ударную группировку, нанес удар на участке 27-й армии 1-го Украинского фронта. Враг с отчаянием обреченного, не считаясь с потерями, бросился в бой. Расстояние между окруженной группировкой и войсками противника, наступавшими на внешнем фронте, сократилось до десяти — двенадцати километров. Создалась угроза выхода врага из кольца окружения. В этой обстановке Ставка ВГК возложила на командующего войсками 2-го Украинского фронта полную ответственность за ликвидацию окруженной группировки противника. Фронту передавалась 27-я армия¹.

«Получив директиву, — вспоминает Иван Степанович, — решил... немедленно вылететь на командный пункт 4-й гвардейской армии, который находился в коридоре прорыва, для встречи с ее командующим генералом

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 17062, д. 16, л. 84.

И. К. Смирновым, чтобы тут же на месте принять необходимые меры и не допустить выхода противника из кольца, а также для того, чтобы связаться с 27-й армией.

...Шел мокрый снег, дороги и поля раскисли, и хотя мой По-2 и стоял на лужайке, готовый к вылету, меня убеждали, что лететь нельзя. Я позвонил командарму Смирнову и передал, что вылетаю к нему не на командный, а на наблюдательный пункт, который в то время находился на окраине села Толстое... и тут же вылетел к нему на двух По-2: на одном — я, на другом — адъютант А. И. Соломахин. В пути адъютант отстал и сделал вынужденную посадку, его атаквали «мессеры». Я продолжал полет. Самолет благополучно сел... И. К. Смирнов встретил меня на машине, на которой мы добрались... до узла связи армии. С этого наблюдательного пункта до конца Корсунь-Шевченковской операции я руководил действиями войск. Отсюда же выезжал в войска, находившиеся в горловине прорыва и на внешнем фронте, — в 5-ю гвардейскую танковую, 4-ю гвардейскую, 53-ю и 52-ю армии»¹.

В селе Толстое организуется передовой командный пункт фронта. На нем развертывался узел связи и все необходимые средства управления. Ближайшим помощником генерала Конева на нем был начальник оперативного управления штаба фронта генерал-майор В. И. Костылев². Именно здесь произошла первая встреча И. С. Конева с руководством созданного в июле 1943 года на территории СССР Национального комитета «Свободная Германия» (НКСГ).

К утру 17 февраля с противником было покончено. В ходе боев он потерял 55 тысяч солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 18 тысяч пленными, а также большое количество боевой техники и вооружения. Кроме

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944, с. 123.

² См. там же.

того, советские войска нанесли поражение еще 15 дивизиям (в том числе 8 танковым), действовавшим против внешнего фронта окружения.

Когда Корсунь-Шевченковская операция пришла к победному концу и по разбитым, раскисшим дорогам двинулись бесконечные вереницы пленных, глубокой ночью в деревне Толстое, где после доклада в Москву командующий прилег отдохнуть, раздался мелодичный звонок высокочастотного телефона. Вот отрывок из разговора, который тогда произошел:

«Сталин. Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев. Благодарю, товарищ Сталин.

Сталин. Ну, хорошо, отдыхайте, устали, наверное?»¹

Устал! Конев еле держался на ногах. Ведь в решающие моменты сражения он не раз выезжал на те направления, где назревали особенно острые ситуации. И вот теперь, даже как следует и не пережив радостной вести, он тотчас же уснул.

Наутро самолет доставил на фронт свежие газеты. Там был приказ Верховного Главнокомандующего от 18 февраля, посвященный победному сражению. В нем, в частности, говорилось: «...За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам 2-го Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунью, а также лично генералу армии Коневу, руководившему операцией по ликвидации окруженных немецких войск». Когда в войсках читались эти газеты, по радио уже передавали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении командующему 2-м Украинским фронтом звания Маршала Советского Союза. Этим самым давалась высокая оценка действий воинов фронта, полководческого искусства его

¹ См.: Полевой Б. Полководец, с. 82.

командующего, организаторских способностей возглавляемого им коллектива генералов и офицеров.

Вечером из Москвы прилетел самолет. В нем заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков прислал своему коллеге в подарок маршальские погоны. Их вручили Ивану Степановичу Коневу в деревне Моренцы — на родине Тараса Григорьевича Шевченко, великого украинского кобзаря. Здесь разместился к тому времени фронтовой командный пункт. Именно сюда прибыли и корреспонденты ряда зарубежных газет. Момент этот весьма выразительно запечатлен в книге С. Дангулова «Кузнецкий мост»:

«Он (т. е. И. С. Конев — *Р. П.*) стоял... чуть сощутив глаза, легко раскачиваясь, охватив кожу ремня большими руками, будто подбоченясь. Широконосый, чуть скуластый, с остро глядящими, улыбчивыми и хитроватыми глазами. Он пребывал в отличном состоянии духа и не хотел скрывать этого — в конце концов, трудных дней и раньше было предостаточно.

— Корсунь даст нам такую силу разбега, какую мы давно не имели,— произнес он и посмотрел в окно, казалось, он видел уже движение армий.— Именно разбега, а это в наступлении важно...— Он протянул руку корреспонденту английской «Таймс». Рука у него была жестковатой, ощутимо твердой, в руке была энергия действия... Да, он так и сказал: «Корсунь даст нам... силу разбега...» — и, надев кожанку, пошел через заснеженный двор к танку, что, казалось, стоял наготове, ожидая его»¹.

Действительно, прошло менее двадцати дней, и вновь войска фронта под командованием Маршала Советского Союза И. С. Конева устремились вперед. Цель — стремительный выход к государственной границе с Румынией. Началась Уманско-Ботошанская наступательная операция с задачей разгрома противостоящей группиров-

¹ Дангулов С. Кузнецкий мост. М., 1979, с. 33.

И. С. Конев. 1920 г.

Участники конференции политработников НРА ДВР. И. С. Конев — первый слева в первом ряду. Чита, 1921 г.

Командный состав 17-й стрелковой дивизии. И. С. Конев — во втором ряду второй справа. 1924 г.

И. С. Конев (пятый справа) на занятиях КУВНАС Военной академии имени М. В. Фрунзе. 1926 г.

И. С. Конеv — командир и
военком 50-го стрелкового пол-
ка. 1928 г.

Командующий 2-й ОКДВА
И. С. Конеv на учениях 1939 г.

И. С. Конеv (в тре-
тьем ряду в цент-
ре) на отдыхе в
Сочи. 1934 г.

И. С. Конеv (справа) и М. Г. Ефремов (слева), 1939 г.

Командующий 19-й армией
И. С. Конеv. Лето 1941 г.

Командующий войсками Западного фронта И. С. Конеv.
Сентябрь 1941 г.

И. С. Конев с группой писателей. Западный фронт. Сентябрь 1941 г.

И. С. Конев с бойцами пополнения.
Калининский фронт.
Январь 1942 г.

И. С. Конев при вручении боевых наград. Вышний Волочек, весна 1943 г.

Справа налево: Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. М. Манагаров. Лето 1943 г.

И. С. Конев перед вылетом на командный пункт фронта. 22 февраля 1944 г.

Разгромленная колонна противника в районе Корсунь-Шевченковского. Февраль 1944 г.

И. С. Конеv на наблюдательном пункте К. С. Москаленко (слева).
Сентябрь 1944 г.

И. С. Конеv выступает на митинге в
освобожденном
Львове. 28 июля
1944 г.

И. С. Конев и Н. П. Пухов на наблюдательном пункте. Апрель 1945 г.

И. С. Конев вру-
чает орден Суво-
рова О. Брэдли
Май 1945 г.

В освобожденной Праге. Май 1945 г.

И. С. Конев во главе сводного полка
1-го Украинского
фронта на Параде
Победы. 24 июня
1945 г.

И. С. Конев. 1946 г.

И. С. Конев — главнокомандующий Центральной группой войск и Верховный комиссар Австрии. 1946 г.

Группа советских полководцев. И. С. Конеv — первый слева. 1945 г.

И. С. Конеv на учениях Центральной группы войск. Октябрь 1946 г.

Рота почетного караула при прибытии И. С. Конева в Народную Республику Болгария. 1959 г.

И. С. Конев, И. Х. Баграмян и М. И. Казаков на сессии Верховного Совета СССР. Май 1960 г.

Г. К. Жуков и И. С. Конев (второй слева) на учениях «Днепр». Сентябрь 1967 г.

И. С. Конев с первым космонавтом Ю. А. Гагариным

За рабочим столом. 1970 г.

Советские военачальники — депутаты Верховного Совета СССР, И. С. Конеv — четвертый в первом ряду справа. 1965 г.

И. С. Конев и К. М. Симонов на отдыхе. 1967 г.

Г. И. Конева на открытии Дома-музея И. С. Конева. 1981 г.

Дом-музей И. С. Конева и бюст полководца на его родине в с. Ладейно

ки противника в составе 8-й полевой немецкой армии. Операция являлась составной частью стратегического наступления Советской Армии на Правобережной Украине. Ее успешное проведение способствовало также решению войсками соседнего 1-го Украинского фронта задач по разгрому 1-й танковой армии врага.

Директиву Ставки Верховного Главнокомандования на операцию привез Георгий Константинович Жуков. Встреча с ним состоялась на командном пункте 27-й армии в селе Джуренцы, на правом крыле фронта. Сюда же прибыл командующий войсками соседнего фронта генерал армии Н. Ф. Ватутин. Георгий Константинович ознакомил командующих войсками фронтов с общей стратегической обстановкой на советско-германском фронте, планами Ставки ВГК, замыслом наступления, после чего предложил Н. Ф. Ватутину и И. С. Коневу разработать и представить в Генеральный штаб свои соображения на предстоящие действия войск фронтов.

В тот же день штаб 2-го Украинского фронта приступил к планированию операции по разгрому 8-й и части сил 6-й армии немецко-фашистских войск, насчитывавших в общей сложности двадцать дивизий, в том числе шесть танковых и моторизованных. Одновременно Конев с командующими армиями, начальниками родов войск, командирами корпусов и дивизий провел рекогносцировку на местности для определения наиболее целесообразного применения сил и средств в наступлении. В ходе проводимой рекогносцировки зрел замысел на фронтовую операцию.

Учитывая, что вражеская оборона в инженерном отношении была подготовлена слабо, а также невысокий моральный дух противника после его поражения под Корсунь-Шевченковским, командующий решил провести наступательную операцию в форме нанесения двух рассекающих ударов, сосредоточивая основные усилия на уманском направлении. Предполагалось, что здесь будут дей-

ствовать три общевойсковые и три танковые армии, до 60 процентов стрелковых дивизий, до 70 процентов артиллерии, все танковые и механизированные корпуса. В этом столь решительном массировании сил и средств проявлялось искусство полководца советской школы маршала Конева, последовательно претворявшего в жизнь «великий, по оценке Ф. Энгельса, тактический принцип... неравномерного распределения войск по фронту»¹, принцип, обеспечивающий успех в наступлении с прорывом вражеской обороны в условиях относительного равенства сил и средств².

Оригинально был решен в операции вопрос огневого поражения противника. Немалая заслуга в этом принадлежала командующему артиллерией фронта генералу Николаю Сергеевичу Фомину и его штабу. Им было предложено для более надежного подавления противника в его главной оборонительной полосе в период артиллерийской подготовки привлечь на направление главного удара дополнительно артиллерию 40-й и 53-й армий, а также двух танковых армий. Кроме того, для стрельбы прямой наводкой предназначалось выделить до 23 процентов артиллерии, что, вне сомнения, способствовало тесному взаимодействию артиллерии с пехотой и танками с переходом их в атаку. А для того чтобы противник не разгадал момент ее начала, по предложению Н. С. Фомина и по решению И. С. Конева, в отличие от всех предшествующих операций, исключалась пауза между атакой и артиллерийской подготовкой, поэтому в графике не предусматривалось традиционного завершающего залпа гвардейских минометов как сигнала перехода войск в наступление.

¹ Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1936, т. 1, с. 195.

² К началу операции советские войска имели примерно равное с противником количество авиации, превосходили его в 1,5 раза в личном составе и в танках. См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1980, т. 8, с. 195.

Следует подчеркнуть также, что с учетом особенностей вражеской обороны значительная часть артиллерии (до 32 процентов) использовалась для подавления артиллерийских батарей противника.

В тяжелых условиях при подготовке операции работал тыл фронта под руководством генерала В. И. Вострухова, соратника И. С. Конева по Калининскому и Степному фронтам, в период битвы под Москвой командующего 22-й, а затем 31-й армиями. Совсем недавно завершилась Корсунь-Шевченковская операция. Чрезвычайно трудно было выполнить ряд срочных подготовительных работ, особенно связанных с оборудованием дорог и ремонтом автотранспорта. Непролазная грязь на дорогах тормозила перевозки и накопление запасов, подвоз всего необходимого войскам в ходе наступления. Дело осложнилось тем, что во всей полосе фронта не было ни одной шоссейной дороги. И все же тыл сумел обеспечить к началу операции потребность войск в основных материальных средствах и, главное, в боеприпасах. Большую помощь в решении сложных задач оказали тылу работники политуправления фронта во главе с генералом А. Н. Тевченковым.

Постоянное внимание Военный совет уделял политическому обеспечению операции. Войскам фронта предстояло преодолеть ряд рубежей обороны, созданных противником на реках Горный Тикич, Южный Буг и Днестр. Поэтому в период подготовки операции политические органы сосредоточили свои силы на оказании помощи командованию в подготовке личного состава к форсированию рек с ходу. Широко пропагандировался боевой опыт, приобретенный войсками в ходе предыдущих операций, особенно при форсировании Днепра. Политуправление фронта издало листовку-памятку для солдат о форсировании рек. В подразделениях проводились занятия и беседы на тему, как использовать подручные средства для переправы, о преимуществах форсирования рек без пауз, об особенностях боевых действий при захвате плацдармов.

Для первого броска через реку готовились специальные стрелковые подразделения, в которых ядро составляли коммунисты и комсомольцы. Эти подразделения усиливались танками, артиллерией, саперами.

5 марта в 7 часов 50 минут началась атака переднего края обороны противника. Ей предшествовала 56-минутная артиллерийская подготовка, оказавшаяся, как и предполагалось, весьма эффективной. В первый же день наступления вражеская оборона была прорвана. По решению маршала Конева в сражение вводятся 2-я и 5-я гвардейская танковые армии, передовые отряды которых с ходу форсировали Горный Тикич. Инженерные части, находившиеся в боевых порядках войск, быстро навели штурмовые мостики из подручных средств, а с захватом плацдармов построили деревянные низководные мосты, обеспечив тем самым переправу главных сил. За три дня операции глубина продвижения наступавших войск составила более пятидесяти километров. 9 марта «Правда» писала по этому поводу: «Какого высочайшего накала должен быть наступательный порыв, чтобы ежедневно в любую погоду, и днем и ночью, без отдыха идти с боями по грязи, преследовать врага, когда он бежит, ломать его оборону, когда он сопротивляется, и гнать его. Гнать ярочь с нашей земли до Буга, за Буг, за Днестр. Для такого наступательного порыва одного вдохновения и энтузиазма мало. Надо волю иметь большевистскую. Надо силу иметь богатырскую!»

25 марта, спустя двадцать дней после начала прорыва обороны противника на уманском направлении, 40, 27 и 52-я армии передовыми отрядами вышли на государственную границу Советского Союза — реку Прут. На 1009-й день войны пограничную реку форсировала ударная группировка фронта под командованием маршала Конева. Освобожденный участок государственной границы взял под охрану 24-й пограничный полк, подразделения которого приняли здесь бой 22 июня 1941 года. Москва

салитовала героям сражений 24 залпами из 224 орудий. В тот день газета «Известия» передовую статью заканчивала словами: «Близок день, когда на всем протяжении границы могучего Советского государства вновь станут незабываемыми. На долгие времена запомнят наши враги, что посягнуть на советскую землю — значит подписать себе смертный приговор!» Тогда же на основе постановления Государственного Комитета Оборона Военный совет фронта обратился к румынскому народу с воззванием, в котором разъяснил цели Советской Армии, ее освободительную миссию.

К 5 апреля соединения фронта подошли к Кишиневу. Однако попытка с ходу освободить столицу Советской Молдавии не удалась. Сказалось то, что армии прошли с боями от 300 до 400 километров, войска устали, тылы растянулись. Кроме того, противник, перегруппировав на это направление четыре пехотные и танковую дивизии, нанес ряд сильных контрударов, пытаясь отбросить советские части за Прут. В них участвовали 14, 23, 24-я немецкие танковые дивизии, дивизия СС «Мертвая голова» и моторизованная дивизия «Великая Германия». Исходя из создавшейся обстановки, с разрешения Ставки ВГК маршал Конев отдал приказ на переход к обороне¹.

В результате Уманско-Ботошанской операции была разгромлена 8-я армия, а также частично 1-я танковая армия противника, рассечен фронт группы армий «Юг». Десять вражеских дивизий потеряли от 50 до 75 процентов личного состава и почти все тяжелое вооружение. В ходе наступления с 5 марта по 17 апреля войска фронта продвинулись на 200—250 км, освободили значительную территорию Правобережной Украины и Молдавии, вышли в северо-восточные районы Румынии, что оказало непосредственное влияние на внутрисполитическое положение этой страны — одного из союзников фашистской Германии.

¹ ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 36, л. 359.

Спустя месяц решением Государственного Комитета Обороны командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Г. К. Жуков был отозван в распоряжение Ставки ВГК. В командование войсками этого фронта вступил Иван Степанович Конев.

«Что и говорить,— писал он впоследствии,— трудно было расставаться с моими ближайшими помощниками... с командующими армиями, командирами корпусов и дивизий, которых я хорошо знал и высоко ценил... Мы вместе прошли боевой путь от Белгорода до Румынии и хорошо сработались... Проведение ряда крупнейших операций сплотило нас в единый, дружный и организованный коллектив, способный выполнять любые боевые задачи... Вспоминая все пережитое и совершенное солдатами, командирами и политработниками фронта, я хочу поблагодарить их всех за их ратный труд, мужество и героизм»¹.

Всего сутки потребовались Ивану Степановичу, чтобы, проехав по опаленной войной молдавской и украинской земле, прибыть к месту нового назначения — в штаб 1-го Украинского фронта. Он располагался восточнее города Волочиск. Здесь его ждали боевые соратники. Среди встречавших было много знакомых. Член Военного совета К. В. Крайнюков, находившийся в действующей армии с августа 1941 года, — однополчанин Ивана Степановича по боям в Приуралье в 1919 году. С начальником штаба генералом армии В. Д. Соколовским Конев вместе воевал в годы гражданской войны, служил в Белорусском и Московском военных округах в 30-е годы. Он близко знал Соколовского и на посту заместителя начальника Генерального штаба в канун войны, начальника штаба Западного фронта и Западного направления летом и осенью 1941 года. Многие годы службы в Советской Армии неоднократно сводили Ивана Степановича и с другими

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944, с. 221—222.

гепералами — командующим артиллерией Н. Н. Семеновым, командующим бронетанковыми и механизированными войсками Н. А. Новиковым, начальником связи И. Т. Булычевым, начальником тыла фронта Н. П. Анисимовым.

В тот же день с обстановкой на юго-западном направлении и стоящими перед фронтом задачами нового командующего ознакомил заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков. Он отметил, в частности, что после завершения зимних и весенних наступательных операций войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне в полосе более чем 400 км.

Ныне фронту предстоит подготовить и провести наступательную операцию с целью разгрома группы армий «Северная Украина», насчитывавшей до 40 дивизий. В нее входили 1-я немецкая танковая армия, главные силы 4-й немецкой танковой армии, 1-я армия хортистской Венгрии.

Важностью стоящей перед фронтом задачи освобождения западных областей Украины и юго-восточной части Польши, а также наличием сильной группировки противника определялся и состав 1-го Украинского фронта: он включал 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, насчитывая 1 млн. 110 тыс. личного состава, более 16 тыс. орудий и минометов, более 2 тыс. танков и САУ, 3250 боевых самолетов¹.

По своему обыкновению Иван Степанович Конев более детальное знакомство с обстановкой начал с выезда в соединения. Личные встречи с командующими и командирами, солдатами и сержантами, изучение характера обороны противника на местности, по его мнению, давали более полную картину, чем доклады командующих и донесе-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1978, т. 9, с. 77, 84.

ния. Он побывал в армиях генералов В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, П. А. Курочкина, А. А. Гречко, К. С. Москаленко, Е. П. Журавлева, а также в танковых объединениях.

Маршал Конев пришел к выводу, что фронт представляет собой мощный войсковой организм. Он способен решать крупные стратегические задачи в общем плане летней кампании 1944 года. Особенно радовали его люди — бойцы и командиры, беседы с ними убеждали командующего в их высоких боевых и моральных качествах. Присутствуя на командирских занятиях, на учениях, командно-штабных тренировках, Иван Степанович внимательно присматривался к стилю работы руководителей.

Со многими командующими армиями, командирами корпусов и дивизий судьба уже сталкивала Ивана Степановича в прошлом. Вместе с В. Н. Гордовым, к примеру, он учился в Военной академии имени М. В. Фрунзе, воевал на Восточном фронте в годы гражданской войны, на Западном фронте в 1941 году. А. А. Гречко был однопольчанином Конева по службе в Белоруссии в 30-е годы — они командовали там дивизиями. Начальником штаба Калининского фронта в ноябре 1941 года был активный участник гражданской войны Е. П. Журавлев. В разные годы сводила его служба с командирами соединений генералами А. И. Гастиловичем, А. И. Родимцевым, С. В. Соколовым, Д. П. Онуприенко, И. И. Андиферовым и многими другими.

Не первой была встреча маршала Конева и с командующими танковыми армиями — 1-й гвардейской танковой армией командовал М. Е. Катуков — умелый, инициативный организатор танкового боя с превосходящими силами противника. Командующим 3-й гвардейской танковой армией был товарищ И. С. Конев по учебе в академии П. С. Рыбалко. 4-ю танковую армию возглавлял генерал Д. Д. Лелюшенко.

Итогом знакомства нового командующего войсками

фронта с подчиненными войсками стал сбор руководящего состава объединений и отдельных соединений. Он проводился на базе 38-й армии, находившейся в центре оперативного построения фронта. Начали сбор с обсуждения докладов командующих 13-й армией генерала Н. П. Пухова и 38-й армией генерала К. С. Москаленко об итогах проведенных операций. Затем заслушали выводы из оценки обстановки других командующих объединениями, а также командующих родами войск. В результате получился полезный разговор, позволивший четко определить первоочередные задачи, стоящие перед органами управления всех звеньев. Завершилась работа тем, что маршал Конев отдал указания по подготовке войск и штабов. Акцент был сделан на развитие творчества командиров в выборе способов и приемов разгрома противника, в определении наиболее целесообразного, с учетом конкретных условий обстановки, боевого порядка, в организации огневого поражения противника и управления войсками. «Управление боем, особенно при прорыве вражеской обороны,— подчеркнул он,— должно быть до предела централизованным и непрерывным, поэтому штабы должны находиться вблизи войск, ведущих бой»¹.

В начале июня И. С. Конев был вызван в Москву. Состоялся телефонный разговор И. С. Конева с Верховным Главнокомандующим. Ему было предложено разработать план предстоящей фронтовой наступательной операции с целью разгрома противника в Прикарпатье и освобождения Западной Украины.

Исходя из оценки обстановки, учитывая сильный состав противостоящей фронту группировки противника, а также местность, позволявшую фашистскому командованию организовать эшелонированную траншейную оборону, маршал Конев решил прорвать ее на двух участках, удаленных друг от друга на семьдесят километров, сосре-

¹ ЦАМО, ф. 393, оп. 9005, д. 265, л. 144.

доточивая основные усилия на львовском направлении. Тем самым достигалось не только рассеяние группировки противника, но и окружение части его сил в районах Бродов и Львова. Успех прорыва, по мнению командующего, обеспечивался сосредоточением до 90 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок, свыше 77 процентов артиллерии и 100 процентов авиации на участках, составлявших всего 6 процентов полосы, занимаемой фронтом, а развитие тактического прорыва в оперативный — вводом в сражение сразу трех танковых армий и конно-механизированной группы, т. е. максимальным использованием огневых, ударных и маневренных возможностей бронетанковых и механизированных войск. Чтобы скрыть замысел операции и перегруппировку соединений фронта, штаб по указанию командующего разработал план оперативной маскировки. Им предусматривалось имитировать сосредоточение двух танковых армий и танкового корпуса на левом крыле¹.

В середине июня И. С. Конев и К. В. Крайнюков были вызваны в Ставку ВГК для доклада плана предстоящих действий.

— Как нам представлялось, — подчеркивал Иван Степанович, — был это обстоятельно подготовленный и продуманный план. Однако он вызвал возражения со стороны Верховного Главнокомандующего, считавшего нанесение фронтом двух ударов нецелесообразным... Я же отстаивал нашу точку зрения, мотивируя тем, что один удар на львовском направлении даст противнику возможность широко маневрировать танковыми и моторизованными дивизиями, другими резервами, а также привлечь для действий по нашей ударной группировке всю свою авиацию. Кроме того, наступление одной ударной группировкой фронта на львовском направлении вынудит войска преодолевать целый ряд сильных оборонительных рубе-

¹ ЦАМО, ф. 132, оп. 6242, д. 36, л. 381—382.

жей, проходящих по высотам, и штурмовать мощные опорные пункты. Это приведет не к прорыву, а прогнанию обороны... к выталкиванию противника от рубежа к рубежу и не даст больших оперативных выгод... Мои доводы и проявленная настойчивость заставили И. В. Сталина в конце концов согласиться с нашим планом. Помню, как он сказал: «Уж очень вы упрямы. Хорошо, проводите свой план и выполняйте его на вашу ответственность»... Скажу откровенно, в данном случае не упрямство владело мною, а убежденность в своей правоте. Мне был введен фронт, насчитывающий более миллиона человеческих жизней, и я отвечал не только за выполнение плана предстоящей операции, но и за жизнь людей, которых пошлю в бой. Я ставил вопрос открыто и прямо и не мог, не имея права утаивать свои мысли, приспособляться к мнению Верховного... Кстати, И. В. Сталин понимал людей, которые твердо и открыто отстаивали свое мнение в принципиальных вопросах¹.

Приближавшиеся сроки начала операции потребовали активизации организаторской работы Военного совета фронта по подготовке войск к предстоящим боям. По предложению Конева на одном из его заседаний был заслушан доклад начальника политуправления фронта генерал-лейтенанта С. С. Шатилова. При обсуждении вопроса обращалось внимание на то, чтобы партийно-политическая работа велась непрерывно и действенно, активно и целеустремленно, обеспечивая стойкость, дисциплину, организованность, высокий наступательный порыв воинов. На 1 июля в частях фронта находилось 229 тысяч коммунистов и 166 тысяч комсомольцев. Их стремились распределить так, чтобы в каждом стрелковом взводе, танковом экипаже, орудийном расчете были коммунисты и комсомольцы.

В канун наступления Военный совет фронта провел

¹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. 1943—1944, с. 233, 234.

совещание членов военных советов и начальников политотделов армий, отдельных корпусов. Повсеместно проходили семинары политработников, партторгов, комсоргов, агитаторов. Были проведены совещания писателей, работающих в красноармейских газетах, военкоров. В войсках фронта в то время выходило, включая дивизионные, 67 многотиражных газет. Издавалось значительное количество листовок, памяток. Они учили солдат, как уничтожать танки противника артиллерией, противотанковыми ружьями, гранатами, как форсировать водные преграды, как наступать по пересеченной местности, в лесу.

Вечером 12 июля на рава-русском направлении проводилась разведка боем. Она установила, что противник начал отвод войск в глубину, оставив на переднем крае боевое охранение. В связи с этим командующий войсками фронта принял решение немедленно перейти в наступление передовыми батальонами дивизий, находившихся на направлении главного удара 3-й гвардейской и 13-й армий. Вскоре они преодолели главную полосу обороны, продвинувшись на 8—12 км. На львовском направлении прорыв проходил в более напряженной обстановке. 14 июля после полуторачасовой артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации перешли в наступление главные силы 60-й и 38-й армий. Но к исходу дня они продвинулись лишь на 3—8 км, непрерывно отражая удары введенных противником в сражение оперативных резервов в составе двух танковых дивизий. Противнику удалось организовать сильное огневое сопротивление на заранее подготовленной и оборудованной второй полосе обороны.

Ночь на 15 июля ушла на уточнение задач, подтягивание артиллерии и планирование ее огня. Усиленные батальоны стрелковых дивизий первого эшелона провели разведку боем с задачей вскрыть систему обороны, состав и группировку вражеских войск. Артиллерия провела пристрелку целей. Возлагая большие надежды на авиацию, маршал Конев вызвал на наблюдательный пункт

фронта командующего 2-й воздушной армией С. А. Кравцовского. Иван Степанович знал генерала еще по совместной службе на Северном Кавказе в 1940 году, где Кравцовский командовал военно-воздушными силами округа. В дальнейшем их жизненные пути разошлись. Теперь они вновь вместе решали общие боевые задачи.

Удар, нанесенный авиацией утром следующего дня, дал ощутимые результаты. Немецкие танковые дивизии понесли значительные потери, управление вражескими войсками дезорганизовалось. Контрудар противника, таким образом, был отбит. За три дня упорных боев соединения 60-й армии при поддержке передовых бригад 3-й гвардейской танковой армии прорвали вражескую оборону на глубину до 18 км, образовав так называемый колтowski коридор шириной 4—6 км. В него маршал Конев направил 3-ю гвардейскую танковую армию.

Однако опасность повторного вражеского контрудара оставалась. Поэтому из фронтового резерва решением командующего на усиление 38-й и 60-й армий направлялось по одной истребительно-противотанковой бригаде. Позвонив командующему 60-й армией генералу П. А. Курочкину, И. С. Конев предупредил его:

— Вам надо удержать горловину во что бы то ни стало. Иначе задохнемся.

— Понял Вас. Приму все возможные меры. Проход танковых армий обеспечу, — ответил командарм.

16 июля в сражение вступила 3-я гвардейская танковая армия. Вечером генерал П. С. Рыбалко донес И. С. Коневу, что ее корпуса двинулись на соединение с конно-механизированной группой генерала В. К. Баранова. Противник, почувствовав угрозу окружения бродской группировки, с утра 17 июля начал контратаковать, рассчитывая ликвидировать образовавшийся прорыв и перехватить коммуникации 3-й гвардейской танковой армии. В этой напряженной обстановке командующий войсками фронта принял необычное и весьма рискованное реше-

ние — ввести в сражение через узкую горловину прорыва еще одну, 4-ю тапковую армию. Ее командующему генералу Д. Д. Лелюшенко было приказано, не ввязываясь во фронтальные бои за Львов, обойти его с юга и отрезать пути выхода противника на юго-запад и запад¹. Ввод армии обеспечивался действиями двух штурмовых, двух бомбардировочных и двух истребительных авиационных корпусов. Расширение прорыва возлагалось на 106-й стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса. Здесь же разворачивался 31-й танковый корпус. Привлекаемые силы и средства стали непреодолимой преградой на пути контратакующего противника.

Своевременные меры, предпринятые по удержанию колтовского коридора, сыграли в последующем решающую роль в отражении попыток противника деблокировать свои войска, окруженные под Бродами. «Три глубоких клина, вбитых войсками Конева в оборону противника на львовском направлении, слились в один и образовали прорыв до 200 километров по фронту и до 50 километров в глубину,— писала 19 июля «Красная звезда». — Наступление продолжается, советские войска наносят противнику тяжелые потери».

22 июля бродская группировка врага прекратила свое существование. В плен попало 17 тыс. солдат и офицеров во главе с командиром 13-го армейского корпуса генералом Гауффе. Эту замечательную победу войск фронта на первом этапе Львовско-Сандомирской операции трудно переоценить. Восемь фашистских дивизий были исключены из списка группы армий «Северная Украина». Создались условия для более быстрого развертывания наступления на Львов. На это и рассчитывал Иван Степанович Конев. Весь богатый боевой опыт, полководческое искусство командующего сейчас были подчинены решению новых боевых задач.

¹ ЦАМО, ф. 324, оп. 4756. д. 20, л. 7.

Войска шли на Львов. Как бы ни цеплялись гитлеровцы за этот мощный узел обороны, им не устоять перед натиском соединений и частей, направленных сюда волей командующего фронтом.

— Львов! — многозначительно сказал Конев, обращаясь к генералу Соколовскому и задержав карандаш у точки на карте с переплетением многочисленных железных и шоссейных дорог. А затем его взгляд лег на широкую извилистую линию на территории Польши. Красные стрелы, нанесенные на карту, указывали путь движения войск 1-го Украинского фронта к Висле. Это конечная цель. А пока, чтобы отрезать пути отхода противника, командующий войсками фронта принял решение повернуть 1-ю гвардейскую танковую армию на юго-запад, к реке Сан. Командующим двумя другими танковыми армиями были отданы директивы следующего содержания: «Обстановка для стремительных действий сложилась благоприятная. В районе Львова резервов у противника нет... Командарму 3-й танковой не позднее утра 20 июля обходным маневром с севера и северо-запада... Командарму 4-й танковой ударом в обход Львова с юга овладеть Львовом...»¹

Противник, однако, упредил действия танкистов. Он перегруппировал под Львов из района Станислава три дивизии, и попытка освободить город с ходу не удалась. В течение последующих четырех дней на подступах к Львову шли ожесточенные бои. Ими руководил маршал И. С. Конев, находясь на наблюдательном пункте 60-й армии. По его приказу танковые армии совершали глубокий охват города с севера и юга, с востока наносили удар стрелковые соединения 60-й армии.

Вспоминая о событиях тех дней, член Военного совета фронта К. В. Крайнюков подчеркивал:

— И в первые, и в последующие дни наступления я встречал Ивана Степановича чаще всего в войсках, оза-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 1048, л. 146.

боченного, погруженного в раздумье, но всегда бодрого. Меня поражало его глубокое знание обстановки, особенно противника... В ходе наступления, изобиловавшего многими осложнениями и неожиданностями, командующий фронтом не раз обсуждал сложившуюся обстановку с Военным советом фронта. Мы обменивались мнениями и после принятия решения командующим, делали все для того, чтобы в срок и полностью его выполнить...¹

Много войн повидал Львов с тех давних времен, когда основал его князь Даниил Галицкий как передовой форпост на юго-западной окраине Древней Руси. Но такого сражения, как летом 1944 года, он не помнил. Воины 60-й армии проявили в этих боях героизм, носивший массовый характер.

Бессмертный подвиг совершил экипаж танка «Гвардия», которым командовал гвардии лейтенант А. Н. Додонов. Ему было приказано пробиться в тыл противника. Дорогу экипажу должен был показывать старшина Марченко, который до войны работал во Львове и хорошо знал город.

В ночь на 21 июля отважные танкисты приступили к выполнению задачи. Вместе с ними действовал десант автоматчиков, разместившихся на танке. По холмам и оврагам в темноте танк незаметно приблизился к городу. На рассвете автоматчики обнаружили впереди на дороге вражеские танки и пушки, охраняемые часовыми. Десантники, сняв часовых, автоматным огнем отсекали экипажи врага от их машин. Меткими выстрелами гвардейцы подожгли три танка. Удар был настолько внезапным, что противник не успел оказать сопротивления. Подоспевшие части танковой бригады уничтожили остальные вражеские танки. Огнем и гранатами проложил себе путь к львовской ратуше коммунист А. П. Марченко. Водрузив над ней алый стяг, он пал, сраженный вражеской пулей,

¹ Бродовский котел, Львов, 1974, с. 259.

Отличились в боях и командир 63-й гвардейской танковой бригады полковник М. Г. Фомичев, командир взвода старший лейтенант Д. М. Потапов. Их мужество, воинское мастерство были отмечены званием Героя Советского Союза. Иван Степанович поздравил отважных воинов с заслуженной наградой.

Утром 27 июля Львов — областной центр Украины, важный узел дорог, крупный промышленный и культурный центр — был освобожден. На одной из площадей города советские воины увидели указатель-столб литого чугуна со стрелками. На них значилось: Краков — 341 километр, Варшава — 392 километра, Москва — 1408 километров, Берлин — 896 километров. Итак, путь протяженностью почти в полторы тысячи километров был пройден, намного меньше оставалось до столицы фашистской Германии.

28 июля во Львове состоялся митинг жителей, воинов и партизан, принимавших участие в освобождении города от немецко-фашистских захватчиков. Командующий и член Военного совета фронта, выступившие на митинге, говорили о том, как Красная Армия успешно громит гитлеровцев, о героическом труде советского народа, обеспечившего грандиозные исторические победы на фронтах, и о том, что близится час освобождения всей территории западных областей Украины. Жители Львова и области горячо благодарили воинов-освободителей. Описывая встречу населения и армии, «Правда Украины» в те дни писала: «Со всех концов на улицы города устремляются войска. Люди, прятавшиеся в подвалах во время уличных боев, выбегают на тротуары. Идет бесконечной живой стеной грозная армия на танках, самоходках, тягачах, бронетранспортерах... Жители Львова выбегают на мостовые, жмут руки своим освободителям... Бойцы на лету подхватывают букеты, которые летят над их головами»¹.

¹ Правда Украины, 1944, 28 июля.

В результате разгрома противника в районе Львова, а также освобождения Перемышля войска группы армий «Северная Украина» оказались расколотыми на две части: 4-я танковая армия откатывалась к Висле, 1-я немецкая танковая армия и 1-я армия хортистской Венгрии отходили к Карпатам. Разрыв между ними достигал до ста километров. В него по решению маршала Конева устремились конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова, соединения 13-й армии. Оценив сложившуюся обстановку, Ставка ВГК отдала указание: сосредоточив основные усилия фронта на сандомирском направлении, стремительно выйти к Висле и форсировать ее¹. Для реализации этого замысла командующий войсками фронта перегруппировывал на северо-запад 1-ю и 3-ю гвардейские танковые армии. В последних числах июля их соединения совместно с 13-й армией приступили к форсированию одной из крупнейших в Европе водных преград.

Военные советы армий, политорганы, партийные и комсомольские организации соединений проводили огромную работу, мобилизуя бойцов и командиров на образцовое выполнение этой задачи. В связи с предстоявшими боевыми действиями на территории Польши политуправление фронта направило политорганам соединений и в части материалы для докладов и бесед на темы: «Современная Польша», «О советско-польских отношениях». Одновременно было предложено усилить работу среди польского населения, обратив основное внимание на разъяснение политики Советского Союза.

Стремительное выдвижение войск правого крыла фронта к Висле, форсирование ее с ходу и захват плацдарма в районе Сандомира имели большое оперативное значение — противник лишился выгодного оборонительного рубежа, а советские войска получили возможность дальней-

¹ ЦАМО, ф. 132, оп. 6242, д. 36, л. 425.

шего наступления в Польше. Это понимало и немецко-фашистское командование. В течение августа находившиеся на плацдарме соединения фронта отразили контрудары четырнадцати дивизий противника, в том числе семи танковых и моторизованных, подбив и уничтожив около трехсот танков и штурмовых орудий врага. Попытка генерала Гарпе, командующего группой армий «Северная Украина», остановить продвижение советских войск перегруппировкой на это направление дополнительно трех дивизий и четырех бригад штурмовых орудий парировалась вводом в сражение по решению Конева 5-й гвардейской армии. Кроме того, он отдал указание о перегруппировке на сандомирский плацдарм четырех зенитно-артиллерийских дивизий, до десяти отдельных зенитно-артиллерийских полков, а также о перебазировании двух истребительных авиационных дивизий. В результате резко снизилась активность вражеской авиации.

Введенная в сражение 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова в течение трех последующих суток разгромила контрударную группировку противника в составе трех танковых и двух пехотных дивизий, отбросила врага от переправ у Баранува и Коло в южном направлении, значительно расширив сандомирский плацдарм¹. Тем временем соединения центра и левого крыла фронта вышли на рубеж Щуцин, Кросно, обеспечив последующее наступление советских войск на Краков и в Карпаты.

29 августа Львовско-Сандомирская операция завершилась. Войска 1-го Украинского фронта освободили от гитлеровских захватчиков западные области Украины и юго-восточные районы Польши. Родине были возвращены имеющие большое экономическое значение Львовский и Дрогобычский промышленные районы с крупными административными центрами Львов, Дрогобыч и Борислав.

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 13315, д. 32, л. 25.

Подводя итоги Львовско-Сандомирской операции на конференции руководящего состава 1-го Украинского фронта в сентябре 1944 года, маршал Конев особо отметил, что в ней участвовало с обеих сторон около 1,8 млн. человек, свыше 20 тыс. орудий и минометов, 3,1 тыс. танков и самоходных орудий, более 3,5 тыс. самолетов. За время боевых действий советские войска нанесли поражение главным силам немецко-фашистской группы армий «Северная Украина», в составе которой принимали участие свыше 56 дивизий, в том числе десять танковых и моторизованных, и шесть пехотных бригад. Восемь ее дивизий были уничтожены, а тридцать две потеряли от 50 до 70 процентов личного состава. Важнейшим оперативно-стратегическим итогом операции стало сокрушение вражеской обороны на Висле, форсирование этой водной преграды на фронте 75 км и захват крупного плацдарма в районе Сандомира, с образованием которого были созданы предпосылки для нанесения ударов на силезском направлении. Существенная особенность операции заключалась и в том, что цель достигалась усилиями одного фронта.

Подвиг воинов 1-го Украинского фронта был высоко оценен Советским правительством. За отличное выполнение задач, проявленное при этом мастерство, доблесть и мужество 325 соединений и частей были награждены боевыми орденами, 228 — получили почетные наименования, более 123 тысяч воинов отмечено орденами и медалями, а 160 — удостоено звания Героя Советского Союза. Среди них был и командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. Полковники И. И. Якубовский, В. С. Архипов, майор А. В. Ворожейкин были награждены второй медалью «Золотая Звезда», а прославленный летчик полковник А. И. Покрышкин получил эту высокую награду в третий раз.

В последний день августа Иван Степанович Конев получил письмо от члена Политбюро ЦК ВКП(б), Предсе-

дателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина. «За образцовое выполнение боевых заданий Верховного Главнокомандования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, проявленные при этом отвагу и героизм, — писал он, — Президиум Верховного Совета СССР Указом от 29 июля 1944 года присвоил Вам звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Посылаю Вам орден Ленина, медаль «Золотая Звезда», а также грамоту о присвоении звания Героя Советского Союза. Крепко жму Вашу руку».

Успешное завершение Львовско-Сандомирской операции свидетельствовало о возросшем уровне военного искусства командующих и командиров, штабов всех степеней. В операции нашли отражение многие черты стиля руководства маршала Конева как полководца советской школы: массирование сил и средств на избранных для главных ударов направлениях, решительность и целеустремленность в достижении поставленных задач, быстрая реакция на все изменения обстановки, многообразие форм ведения боевых действий с применением широкого маневра, особенно танковыми войсками.

Разгром советскими войсками в ходе Львовско-Сандомирской операции крупной группировки противника, их выход к границам Чехословакии активизировали антифашистское движение в Словакии. Во главе сил Сопротивления встал Словацкий Национальный Совет, созданный по инициативе Коммунистической партии Словакии. Угроза народного восстания вызвала панику среди фашистских правителей. 29 августа министр обороны марионеточного правительства Словакии Тисо объявил по радио о вступлении в страну немецких войск для «восстановления порядка». В тот же день Словацкий Национальный Совет обратился к населению с призывом начать вооруженное выступление за национальное и социальное освобождение. Коммунистическая партия Словакии опубликовала воззвание «К рабочим, крестьянам и трудящейся интел-

лигенции». В открытую схватку с врагом поднялись восемнадцать районов страны.

Основной ударной силой повстанцев стали партизанские отряды, насчитывавшие до 17 тысяч человек. Руководитель заграничного центра КПЧ Клемент Готвальд, глава чехословацкой военной миссии Г. Пика обратились к Советскому правительству с просьбой о помощи. Советский Союз, верный своему интернациональному долгу, решил оказать помощь словацкому народу. Ставка ВГК дала указания войскам 1-го Украинского и 4-го Украинского фронтов о подготовке и проведении наступательной операции, нанося главный удар на стыке этих фронтов в общем направлении на г. Прешов с целью прорыва обороны противника в Восточных Карпатах, преодоления перевалов и соединения со словацкими патриотами¹. Войскам 2-го Украинского фронта ставилась задача овладеть Трансильванскими Альпами и этим оказать помощь войскам 4-го Украинского фронта в преодолении Карпат, овладении районом Ужгород, Чоп, Мукачево.

Ранним утром 1 сентября командующий войсками 1-го Украинского фронта принял группу офицеров словацкой армии во главе с начальником оперативного отдела штаба Восточно-Словацкого корпуса полковником В. Тальским, который сообщил о начавшемся восстании в Словакии, о плане присоединения к восставшим словацкой регулярной армии. Оценив создавшуюся обстановку и обменявшись мнением с командующим 4-м Украинским фронтом генералом И. Е. Петровым, маршал Конев направил Верховному Главнокомандующему донесение. В нем отмечалось, в частности, что «для соединения со словацкими частями и партизанским движением Словакии, если будет ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта... 1-й Укра-

¹ См.: Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 375.

инский фронт может привлечь для этого четыре стрелковые дивизии 38-й армии и 1-й гвардейский корпус. Направление удара — Кросно, Дукля, Тылява. На этом же направлении желательно привлечь и 1-й чехословацкий корпус. Операцию можно начать через семь дней»¹.

Ставка ВГК, рассмотрев предложения Военного совета фронта, одобрила их и утвердила отработанный к 3 сентября штабом план наступательной операции. Ее целью определялся выход на словацкую границу и соединение с повстанцами. Основная роль во фронтовой операции отводилась 38-й армии генерала К. С. Москаленко. Членом Военного совета армии был генерал А. А. Епишев, штаб армии возглавлял генерал В. Ф. Воробьев.

Обстановка в связи с восстанием в Словакии требовала подготовить операцию в короткие сроки. В то же время армия нуждалась в отдыхе и пополнении — позади были полтора месяца напряженных боев. Была и еще одна сложность — советским войскам предстояло наступать через Восточные Карпаты, представлявшие собой горную цепь высотой до 700 м, протянувшуюся с северо-запада на юго-восток. Противник подготовил к этому времени две полосы. Первая полоса состояла из двух позиций, включавших систему опорных пунктов, оборудованных на выгодных в тактическом отношении высотах и в населенных пунктах. Ее занимали три пехотные дивизии 1-й немецко-фашистской танковой армии. Широко использовались противником минно-взрывные заграждения, «сюрпризы» из мин и фаустпатронов.

Эти особенности наложили существенный отпечаток на работу Военного совета фронта, командующего и штаб 38-й армии. По решению маршала И. С. Конева на усиление армии передавался 25-й танковый и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, 1-й Чехословацкий армей-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 56, л. 454.

ский корпус, 17-я артиллерийская дивизия прорыва, несколько отдельных артиллерийских и две танковые бригады. Для поддержки армии выделялись истребительный и штурмовой авиационные корпуса. В каждой дивизии первого эшелона формировалось по два штурмовых батальона. Они усиливались танками непосредственной поддержки пехоты. Большое внимание было уделено организации огневого поражения доведением плотности орудий и минометов до 200 единиц на 1 км участка прорыва и выделением армии почти трех боекомплектов снарядов и мин. Характерно, что основная масса артиллерии сосредоточивалась в полковых и дивизионных артиллерийских группах, что должно было обеспечить самостоятельность действий частей и соединений, столь необходимую при наступлении в горно-лесистой местности.

Огромную по масштабам и содержанию деятельность в короткий период подготовки к операции развернули политсостав, партийные и комсомольские организации под руководством начальника политического управления фронта генерала С. С. Шатилова.

Операция началась 8 сентября. Ранним утром на НП армии выехали И. С. Конев, К. С. Москаленко и А. А. Епишев. Погода благоприятствовала действию авиации и артиллерии. Артиллерийская и авиационная подготовка началась в намеченное время и продолжалась 2 часа 5 минут. Воины 38-й армии, воодушевленные тем, что они идут на выручку словаков, поднявшихся на борьбу против гитлеровцев, дружно пошли в атаку. Прорыв обороны противника в первый день операции прошел успешно. Войска продвинулись на главном направлении на глубину до 14 км. В центре наступления были прорваны обе полосы вражеской обороны. Это позволило оценивать результаты боевых действий как положительные и обещающие успех.

Однако никакой информации от группы полковника В. Тальского не поступало. Противник же оказывал упор-

ное сопротивление. По решению Конева в сражение вводится 25-й танковый корпус, на направление главного удара перегруппировывается 1-й Чехословацкий армейский корпус.

Но именно в это время в штаб фронта пришло известие от одного из командиров партизанского отряда о трагедии Восточно-Словацкого корпуса. Когда гитлеровцы обрушились на словацких повстанцев, его командир генерал Малар, забыв свой долг, бросил подчиненные войска на произвол судьбы, чем не замедлило воспользоваться гитлеровское командование и разоружило словацкие дивизии.

Так противнику удалось устранить из замысла маршала Конева на Восточно-Карпатскую операцию одно из важных звеньев, от которого во многом зависел ее успех. Дело в том, что по согласованию руководителей словацкого восстания с командованием Восточно-Словацкого корпуса он должен был захватить важные горные перевалы и обеспечить проход через них советских войск. Сейчас же для вражеского командования создалась возможность перегруппировать в полосу 38-й армии дополнительные силы. Это были части 78-й пехотной дивизии, отдельный армейский штурмовой полк. На марше находились также 8-я танковая и 101-я горнострелковая дивизии. Завершала сосредоточение 357-я пехотная дивизия. Учитывая происшедшие изменения в обстановке, командующий войсками фронта передал из фронтового резерва 38-й армии 4-й гвардейский танковый корпус. Несмотря на это, противник за счет подходивших соединений уже достиг равенства в силах, а в танках и пулеметах превосходил советские войска более чем в два раза.

Развернулись тяжелые бои. Противник контратаками пытался восстановить утраченные позиции. Темпы наступления резко снизились. Тогда маршал Конев, который, как отмечает К. С. Москаленко, «большую часть времени находился в нашей армии и хорошо видел всю

сложность обстановки»¹, принимает смелое решение — он переносит главный удар на левый фланг армии, где оборона противника, по оценке разведки, была слабее. Во исполнение этого решения в армию из резерва фронта включались 31-й танковый корпус, 14-я гвардейская и 359-я стрелковые дивизии, 37-я истребительно-противотанковая бригада. К 18 сентября на левом фланге армии была создана группировка в составе двух танковых и стрелкового корпусов. Она получила задачу прорваться через горный проход южнее Сенява, наступать во фланг и тыл дуклинской группировке врага. Днем раньше И. С. Конев и К. С. Москаленко выехали в район предстоящих действий, чтобы помочь командирам соединений организовать бой, согласовать их усилия с огнем артиллерии и ударами авиации.

В первый же день наступления на новом направлении оборона врага была прорвана. Танкисты по узкому горному проходу вышли в глубь фашистской обороны, вынудив противника начать отход с дуклинского рубежа. 20 сентября 4-й гвардейский танковый корпус подошел к Дукле. Одновременно перешел в наступление 1-й Чехословацкий армейский корпус, в составе которого вместе с чехами и словаками сражались пятьсот советских офицеров, сержантов и рядовых бойцов. В итоге ожесточенных боев Красный флаг взвился над Дуклинским перевалом. В донесении Военному совету 1-го Украинского фронта начальник политуправления генерал-лейтенант С. С. Шатилов сообщал: «6 октября в 8 часов утра части генерала Свободы совместно с 67-м стрелковым корпусом Красной Армии овладели Дуклинским перевалом и, продвигаясь дальше на юг, заняли село Выжнии Комарник... На границе имеется пограничный столб, но чехословацкий герб с него сорван. Чехословацкие офицеры устано-

¹ Москаленко К. С. На юго-западном направлении. 1943—1945 гг. М., 1972, с. 464.

вили новый герб и через дорогу вывесили полотнище. Справа около него — государственный флаг СССР, слева — чехословацкий флаг. На полотнище сделана надпись на русском и чешском языках: «Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей. Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!» За этим полотнищем на словацкой земле другое, на нем надпись на словацком языке: «Красной Армии — освободительнице — наздар!»¹

В тот же день командир Чехословацкого корпуса Людвик Свобода направил донесение командующему войсками фронта. «В исторический момент перехода границы Чехословацкой республики, — отмечалось в нем, — примите, господин маршал, пламенный боевой привет от всех офицеров, унтер-офицеров и солдат 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР. Мы счастливы, что в составе войск 1-го Украинского фронта под Вашим командованием первые из состава чехословацкой заграничной армии вступили на родную землю. Мы вступили на родину плечом к плечу со славными воинами Красной Армии, которых наши народы встретили как освободителей от ненавистного фашистского ига... Чехословацкий народ вечно будет чтить память тех, кто отдал свою жизнь за его свободу, за счастье его сынов»².

Ныне на Дуклинском перевале, где в 1944 году гремели ожесточенные бои, возвышается величественный монумент, олицетворяя нерушимую дружбу братских народов, скрепленную кровью их воинов. Вступление Чехословацкого корпуса на родную землю возвестило о рождении новой армии, а корпус стал ядром будущих вооруженных сил свободной Чехословакии. Советские воины также отметили это замечательное событие. Сильный дождь и

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 18, л. 171.

² Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1961, с. 202.

холодный ветер не помешали солдатам и офицерам 70-й гвардейской стрелковой дивизии собраться на стихийно возникший митинг у пограничных столбов. На нем говорилось о торжественности события, о великой дружбе славян, о том, что советский солдат, несмотря на все трудности, дойдет и до логова фашизма — до Берлина.

Первый этап Восточно-Карпатской операции завершился. Освободив значительную часть Словакии и оттянув на себя около восемнадцати дивизий противника, советские войска оказали прямую помощь Словацкому национальному восстанию. Они нанесли поражение крупной вражеской группировке — многие дивизии армейской группы «Хейнрици» были разбиты и их остатки сведены в боевые группы. Противник вынужден был ввести в сражение в полосе 38-й армии около 18 дивизий, в том числе те, которые могли быть использованы для подавления восстания. Советско-чехословацкие соединения овладели карпатскими перевалами, лишив гитлеровцев стратегического рубежа, прикрывавшего Чехословакию с востока. В ходе проведенных сражений и боев воины-освободители проявили массовый героизм, приобрели большой опыт действий в сложных условиях горно-лесистой местности. Советская помощь — военная, политическая и моральная — была решающим фактором, позволившим словацкому народу выстоять в открытой борьбе в течение двух месяцев против превосходящих гитлеровских армий¹, отметил позднее один из руководителей Словацкого восстания, ныне Генеральный секретарь ЦК КПЧ и президент Чехословацкой Социалистической Республики Густав Гусак.

В конце октября Иван Степанович Конев убыл на командный пункт фронта для подготовки Висло-Одерской операции. Ставка ВГК передала 38-ю армию в состав 4-го Украинского фронта. В связи с этим ее командующий ге-

¹ См.: Правда, 1974, 30 авг.

перал К. С. Москаленко отмечает: «...жаль было расставаться со ставшим родным 1-м Украинским фронтом... Маршал И. С. Конев — обладатель богатого опыта планирования и проведения крупных, глубоких фронтовых операций с участием огромных войсковых масс, оснащенных первоклассным вооружением и техникой, полководец большого размаха. У него было чему поучиться и в области практики, и по части теории»¹.

Завершался 1944 год, год, зримо приблизивший Победу советского народа в войне против фашистской Германии и ее союзников. Советская Армия приступила к решению задач великой освободительной миссии в Европе. Год 1944-й стал для Маршала Советского Союза И. С. Конева периодом его окончательного становления как полководца, военного организатора государственного масштаба. В сражениях на Правобережной Украине, в Львовско-Сандомирской и Восточно-Карпатской операциях ярко проявились лучшие его качества военачальника, обладающего знаниями основополагающих принципов военного искусства и умеющего их творчески применять в конкретных условиях ведения вооруженной борьбы.

¹ Москаленко К. С. На юго-западном направлении. 1943—1945 гг., с. 490, 491.

ПОБЕДНЫЙ ГОД

В середине ноября 1944 года Иван Степанович Конев был вызван в столицу. Верховный Главнокомандующий в присутствии членов ЕКО заслушал доклады командующих войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов маршалов И. С. Конева и Г. К. Жукова. После этого И. В. Сталин сформулировал политическую цель предстоящей Висло-Одерской операции — полное освобождение Польши от гитлеровской тирании. Она достигалась разгромом группы армий «А» противника, насчитывавшей до 560 тыс. личного состава, около 5 тыс. орудий и минометов, более 1200 танков и штурмовых орудий, более 600 самолетов и прикрывавшей жизненно важные центры фашистской Германии. Решение задачи обеспечивалось нанесением ударов войсками 1-го Белорусского фронта в направлении на Познань, а 1-го Украинского фронта — на Бреслау (Вроцлав). Замыслом стратегической операции предусматривался взлом обороны противника на широком фронте, рассечение его на части с одновременным развитием наступления в высоких темпах на оперативно-стратегическую глубину. Решению задач содействовали войска левого крыла 2-го Белорусского и правого крыла 4-го Украинского фронтов.

Гитлеровское командование придавало большое значение удержанию крупных промышленных районов Польши. Через Польшу проходил кратчайший путь к центру фашистской Германии, а Вислу гитлеровцы рассматрива-

ли как последний, наиболее выгодный естественный рубеж для организации обороны. Все это заставляло командование вермахта спешно проводить мероприятия по подготовке войск к отражению наступления Советской Армии в Польше.

По данным, известным маршалу Коневу, противник в полосе предстоящего наступления фронтов подготовил семь оборонительных рубежей, эшелонированных на глубину 300—500 км. Никогда еще в ходе второй мировой войны немецко-фашистское командование не создавало столь глубокой, насыщенной инженерными сооружениями обороны. Для повышения ее устойчивости, особенно в противотанковом отношении, широко использовались реки Висла, Бзура, Одер, Нида, Пилица, Варта. В систему оборонительных рубежей включались подготовленные к длительной обороне многочисленные города, такие, как Варшава, Радом, Кельце, Краков, Лодзь, Познань, представлявшие мощные опорные пункты и узлы сопротивления.

Плотным насыщением фортификационными сооружениями отличался вислинский рубеж. Он был занят войсками на глубину до 30—70 км и имел густую сеть траншей, ходов сообщения, противотанковых рвов, проволочных и минных заграждений, блиндажей и огневых позиций. Особые надежды гитлеровское командование возлагало на Померанский вал и Мезеритцкий укрепленный район, подготовленные вдоль польско-германской границы. Достаточно сильным являлся рубеж обороны и по реке Одер (Одра), в систему которого входили модернизированные старинные крепости и узлы обороны Кюстрин, Франкфурт-на-Одере, Глогау (Глогувек), Бреслау (Вроцлав), Ратибор (Рацебуж). Предполагалось, что в случае вынужденного оставления позиций на Висле отходившие войска и выдвигаемые резервы будут последовательно занимать следующие оборонительные рубежи. Такой метод ведения обороны должен был, по замыслу

гитлеровского командования, обескровить Советскую Армию и надолго затянуть войну.

Отмеченные особенности в обороне противника предопределили решение маршала Конева на применение сил и средств в операции: восьми общевойсковых, двух танковых и воздушной армий, четырех танковых и механизированных, кавалерийского корпусов, нескольких артиллерийских дивизий и корпусов прорыва. Главный удар наносился с сандомирского плацдарма в полосе сорок километров. Его замыслом предусматривалось также два вспомогательных удара. В главную группировку включались 13, 52 и 5-я гвардейская армии, 4-я и 3-я гвардейская танковые армии. Обеспечение правого ее фланга возлагалось на 3-ю гвардейскую и 6-ю армии, левого — на 60-ю армию. Во втором эшелоне находились 59-я и 21-я армии. Они предназначались для наращивания усилий на главном направлении и при освобождении Кракова. В резерве оставались 1-й гвардейский кавалерийский и 7-й гвардейский механизированный корпуса¹. Большая первоначальная ширина прорыва, как обосновано считал маршал Конев, позволяла сразу же привести в движение крупные силы.

Готовя наступательную операцию, командующий войсками фронта серьезное внимание уделял тщательной рекогносцировке местности. Бойцы и командиры с большим уважением относились к тому, что маршал Конев вместе с командармами, командирами корпусов и дивизий часто появлялся на переднем крае. В этом они видели залог успеха операции. «Мы, старшие военачальники, перед наступлением должны весь передний край сами ползком обползать, — учил Конев подчиненных командиров... — Нужно все своими глазами увидеть, взвесить, оценить объекты атаки... Иные говорят, такая черновая работа на местности дело командиров низшего тактического звена.

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 340, л. 5—6.

Чепуха, вредная чепуха!.. Визуальная разведка прекрасно сочетается с оперативным искусством»¹.

Другим весьма важным вопросом подготовки операции стала организация огневого поражения противника. Высокая ее эффективность, по глубокому убеждению маршала Конева, в первую очередь создавала условие для достижения цели при прорыве глубоко эшелонированной вражеской обороны. Поэтому после проведенных рекогносцировок Военный совет фронта обстоятельно рассмотрел план артиллерийского наступления. Было решено артиллерийскую подготовку спланировать продолжительностью сто семь минут. За сорок пять минут до ее окончания намечались действия взводов демонстрации атаки, а за пятнадцать минут следовал последний огневой налет. Существенной особенностью графика артиллерийской подготовки стало наличие семиминутного огневого налета, в котором весь огонь обрушивался на артиллерию, минометы и пункты управления противника. Поддержка атаки пехоты и танков предусматривалась двойным огнем валом на глубину до трех километров и сопровождением их последовательным сосредоточением огня на глубину главной полосы обороны. В последующем артиллерия, плотность которой на участках прорыва достигала 230—250 орудий и минометов на 1 км, должна была обеспечить огнем наступающие войска на всю глубину операции.

Важные задачи возлагались на авиацию. За два часа до начала наступления она должна была нанести удары по командным и наблюдательным пунктам, а также узлам связи противника с целью нарушения управления его войсками. После этого усилия авиации переключались на поддержку и прикрытие войск при прорыве ими тактической зоны вражеской обороны, обеспечение ввода в сражение танковых армий, сопровождение и поддержку

¹ Из материалов разбора показательного учения маршалом Коневым 10 декабря 1944 г. ЦАМО, ф. 236, оп. 2673; д. 354, л. 17.

войск при действиях в оперативной глубине. Все вопросы организации авиационного наступления тщательно отрабатывались командующим 2-й воздушной армией генералом С. А. Красовским и его штабом на командно-штабных учениях, штабных тренировках и учениях с боевым бомбометанием.

Исключительно важная задача решалась танковыми объединениями и соединениями фронта. На совещании руководящего состава 3-й гвардейской танковой армии Конев отмечал:

— Командующий армией генерал Рыбалко и начальник штаба генерал Бахметьев уже изложили вам план операции и предполагаемых действий. Вполне согласен с ними... Артиллерию, Павел Семенович, поставьте в голову колонны. Это вопрос принципиальный. Надо, чтобы танки были свободны в своих действиях, а не скованы, не втянуты в бой передовыми силами противника. Если артиллерия будет в голове, она скует действия противника, даст возможность своевременно развернуться нашим танкам, под прикрытием артиллерии они смогут выбрать уязвимый фланг и бить противника по частям. Кроме того, артиллерия, будучи ближе к голове, сможет лучше поддерживать своим огнем атаку танков...

«— Мы с вами стоим на пороге фашистской Германии. Необходим еще оди́н прыжок на пути к полной победе. Нам выпала большая честь одними из первых ворваться в пределы этой страны. Чем ближе к заветной цели, тем ожесточеннее будет борьба. Задача эта нам по плечу. Наш 1-й Украинский фронт располагает огромной ударной и огневой силой. Танковые армии... механизированные и танковые корпуса... нацелены на запад. Им предстоит вырваться вперед, с ходу захватить водные преграды Ниду, Пилицу, Вислу и Одер, овладеть оборонительными рубежами, крупными железнодорожными узлами Кельце, Радомско, Ченстохов, Краков, парализовать тылы врага, расстроить управление войсками...

— Не ввязывайтесь в мелкие стычки, обходите узлы сопротивления, не задерживайтесь в городах, выходите на оперативные просторы, не оглядывайтесь по сторонам... Танковые войска — это стальная стрела, которая должна успешно проникнуть в глубь Германии»¹.

Командующий войсками фронта, решив дезинформировать противника в отношении действительного сосредоточения войск и направления нанесения главного удара еще 21 декабря 1944 года, приказал «до начала активных действий... создать ложные сосредоточения танковой армии и танкового корпуса на левом крыле фронта, на участке 60-й армии... Силами армии оперативную маскировку провести в самые короткие сроки (не более 5—7 дней), для чего на 2—3 дня привлечь 4-й гвардейский танковый корпус с последующей рокировкой его в район действительного сосредоточения, а также оставлением макетов танков и артиллерии в районах временного расположения этого танкового корпуса. Оперативные маскировочные мероприятия должны отличаться исключительной правдоподобностью, для чего требуется привлечение на короткие сроки танковых соединений, используя попутное их движение. Демонстрация ложных сосредоточений должна быть комбинированной и непосредственно связанной с действительным сосредоточением»². Эти указания маршала Конева легли в основу плана оперативной маскировки фронта, отработанного штабом совместно с командующими родами войск (специальных войск) и начальниками служб.

Прорыв глубоко эшелонированной вражеской обороны предполагал тщательную организацию инженерного обеспечения предстоящих действий. Первостепенная роль в решении этой задачи отводилась начальнику инженерных войск фронта генералу И. П. Галицкому. Строились

¹ Драгунский Д. А. Годы в броне. М., 1983, с. 213—214.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 21075, д. 1, л. 2.

колонные пути и дороги, оборудовались переправы через Вислу и исходные районы на плацдармах. Готовились подвижные отряды заграждения. Осуществлялись мероприятия по маскировке.

Командующий и штаб фронта много внимания уделяли разведке противника. С этой целью широко применялись ночные поиски, засады, организовывалось круглосуточное наблюдение и подслушивание. В результате на всем участке будущего прорыва для каждого командира батареи и командира роты впервые были изготовлены карты-бланковки с нанесенными на них инженерными сооружениями противника, системой огня и объектами атаки. Разведка в оперативной глубине осуществлялась авиацией и агентурой. Чтобы исключить проведение артиллерийской и авиационной подготовки по оставленным или слабо укрепленным позициям противника, было решено перед атакой главных сил осуществить разведку боем передовыми батальонами.

«Разведка боем — дело известное и не новое, — подчеркивал Иван Степанович. — Однако мы учитывали, что уже сложился известный шаблон, к которому противник привык и против которого нашел «противоядие». Шаблон заключался в том, что разведку боем проводили обычно за сутки до наступления... На этот раз мы решили поступить иначе... Нанести по неприятелю короткий сильный артиллерийский удар, сразу вслед за этим бросить в разведку боем передовые батальоны и, если обнаружится, что противник остался на месте, не оттянул свои войска, тут же обрушиться всей мощью артиллерии на неприятельские позиции»¹.

Действия советских воинов за пределами Родины обуславливали особенности партийно-политической работы. Приходилось учитывать тот факт, что операция готовилась на территории Польши, народ которой с востор-

¹ Конев И. С. Сорок пятый, с. 18.

гом встречал воинов Советской Армии, освобождавшей его от иноземного гитлеровского ига, и всячески стремился помочь советским воинам выполнить их интернациональный долг. В то же время часть населения была подвержена влиянию идеологии буржуазного общества. Люди в течение пяти лет подвергались усиленному воздействию фашистской пропаганды, которая стремилась опорочить советский государственный строй, разжечь национальную вражду к народам Советского Союза.

Среди молодых воинов фронта было немало призванных из освобожденных западных областей УССР, многие годы оторванных от нашего государства. Перед военными советами, политорганами фронта и армий встали задачи, связанные с необходимостью усиления партийно-политической работы с этой категорией военнослужащих. Руководствуясь требованиями директивы Главного политического управления «О воспитательной работе с призванными из освобожденных районов западных областей УССР», партийно-политический аппарат фронтов и армий знакомил молодых бойцов с жизнью советских людей, разъяснял им положения Конституции СССР, сущность советского общественного и государственного строя, политику Коммунистической партии и Советского правительства. В центре внимания оставалось воспитание пополнения в духе единства народов СССР и их воинов, верности воинской присяге. К началу операции почти во всех ротах и батареях и равных им подразделениях были восстановлены партийные и комсомольские организации. На 1 января 1945 года в войсках 1-го Украинского фронта насчитывалось 166,2 тысячи членов партии, 80,2 тысячи кандидатов в члены партии и 180,6 тысячи членов ВЛКСМ¹.

Значительное место в работе политорганов занимали вопросы обеспечения боевой подготовки войск. Закален-

¹ ЦАМО, ф. 32, оп. 11289, д. 1768, л. 15.

ные в боях ветераны оказывали всестороннюю помощь молодым воинам в изучении оружия, освоении тактических приемов наступательного боя. В повышении боевого мастерства солдат и офицеров большую роль сыграли также памятки и листовки, выпускавшиеся политуправлением фронта и политотделами объединений. В них доходчиво излагались важнейшие положения общевойскового боя, тактико-технические данные различных видов оружия, способы организации взаимодействия. Пути достижения высокого уровня боеспособности войск обсуждались на партийных и комсомольских собраниях, где присутствовали члены Военного совета фронта К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко, начальник политуправления Ф. В. Яшечкин. На трех таких собраниях коммунистов выступил и Иван Степанович Конев.

В итоге напряженной работы командования и военных советов, штабов и политорганов, партийных и комсомольских организаций объединений, соединений и частей наступление было тщательно спланировано и подготовлено, а воины преисполнены решимости выполнить боевую задачу. Глубокое понимание ими исторического значения предстоящих сражений по завершению освобождения Польши являлось залогом успеха советских войск. «Создается полная уверенность, — докладывал маршал Конев в Ставку ВГК, — что боевые задачи войсками будут успешно решены»¹.

По плану Ставки ВГК переход фронтов в наступление был определен на 20 января. Учитывая, однако, сложное положение союзников на Западе, где немецко-фашистское командование проводило Арденнскую наступательную операцию с целью нанести поражение американско-английским войскам и изменить обстановку в Западной Европе, советское Верховное Главнокомандование по

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 21075, д. 6, л. 18.

просьбе У. Черчилля дало указание фронтам ускорить подготовку операции.

«...Пришло и 12 января 1945 года. С ночи я выехал на плацдарм, на наблюдательный пункт фронта,— вспоминал спустя годы командующий. — Помимо естественного желания видеть своими глазами начало наступления я приехал на наблюдательный пункт фронта и для того, чтобы на месте принять необходимые решения... Могла возникнуть ситуация, при которой мне, как командующему фронтом, пришлось бы принимать срочные решения, желательно с проверкой на местности, чтобы тут же... дать соответствующие указания»¹.

В 5 часов передовые батальоны стрелковых дивизий после 15-минутного огневого налета внезапно атаковали противника. Они уничтожили его боевое охранение и овладели первой, а в некоторых местах и второй траншеей. Встретив упорное сопротивление вражеских войск, батальоны закрепились. Свою задачу они выполнили: уточнили расположение основных опорных пунктов и артиллерийские позиции противника, что позволило внести коррективы в план артиллерийской подготовки. В 10 часов по вражеским войскам и укреплениям тысячи орудий и минометов открыли ураганный огонь, который продолжался около двух часов. Из-за ограниченной видимости авиацию использовать не удалось. Артиллерийская же подготовка атаки главных сил фронта отличалась высокой эффективностью. Противник понес огромные потери. Управление его войсками нарушилось. Захваченный в плен командир полка 304-й пехотной дивизии на допросе показал: «Я был поражен тем, как точно русские знали расположение штабов, командных и наблюдательных пунктов. Мой полк был полностью парализован»².

¹ Конев И. С. Сорок пятый, с. 17, 18—19.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 339, л. 340.

Перешедшие в наступление соединения ударной группировки фронта, поддержанные двойным огнем валом, к середине дня овладели двумя позициями главной полосы обороны. Однако в дальнейшем темп наступления замедлился. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Чтобы быстрее завершить прорыв вражеской обороны, маршал Конев решил ввести в сражение 4-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии, а также 25, 31 и 4-й гвардейский танковые корпуса. Танковые армии и корпуса, имевшие более двух тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, увеличили силу удара. Сломив сопротивление врага, войска фронта прорвали его оборону на 35-километровом участке и к исходу дня продвинулись в глубину до двадцати километров. По мере улучшения погоды вступала в сражение 2-я воздушная армия. В этот день она совершила почти пятьсот самолето-вылетов.

Немецко-фашистское командование, стремясь не допустить продвижения советских войск, предприняло контрудар силами 24-го танкового корпуса из района севернее Хмельника. Маршал Конев возложил задачу его отражения на 4-ю танковую и 13-ю армии. С утра 13 января развернулось ожесточенное встречное сражение. В напряженных боях соединения двух армий, действуя согласованно и решительно, нанесли поражение танковым дивизиям противника, отбросив их к исходу дня в район Кельце. Утром следующего дня главные силы ударной группировки при активной поддержке фронтовой авиации развернули преследование противника.

Глубокий прорыв советских войск на направлении действий соединений 1-го Украинского фронта и начавшееся 14 января наступление войск 1-го Белорусского фронта поставили гитлеровские войска, оборонявшиеся вдоль Вислы, перед угрозой окружения. Командующий 4-й танковой армией генерал Грезер отдал приказ об отводе 42-го армейского корпуса, усилив сопротивление в районе Кельце с целью прикрытия его отхода. Разгадав

замысел противника, маршал Конев приказал генералу Д. Д. Лелюшенко, совершив марш, обойти Кельце с юго-запада. Крупный промышленный и административный центр Польши был освобожден, противник разбит и обращен в бегство. Особенно отличились в этих боях 62-я гвардейская танковая бригада под командованием полковника С. А. Денисова, сформированная в 1943 году из добровольцев Пермской области, и 200-я легкая артиллерийская бригада, которой командовал со дня ее формирования и до конца войны полковник И. Н. Козубенко. Командирам обеих бригад здесь же, на поле боя, командующий войсками фронта И. С. Конев вручил награды — ордена Красного Знамени.

Вместе с 4-й танковой армией 13-я армия, совершив за два дня наступления сорокакилометровый бросок, к исходу 17 января форсировала Пилицу — заранее подготовленный рубеж, где противник пытался остановить наступление советских войск. Используя успешные действия 3-й гвардейской танковой армии, 52-я и 5-я гвардейская армии освободили Радомско и Ченстохову. Быстрое продвижение наступавших войск зачастую не оставляло гитлеровцам времени разрушать города, заводы и фабрики — в Ченстохове продолжали работать электростанции и водопровод. Сохранился благодаря своевременно принятым мерам саперами фронта и знаменитый Ясногурский монастырь. Польское население восторженно приветствовало своих освободителей. В Ченстохове встреча переросла в митинг, на котором присутствовало до 20 тысяч жителей¹.

3-я гвардейская и 6-я армии, преследуя 42-й армейский корпус противника, 18 января соединились с войсками 1-го Белорусского фронта. Учитывая возможность выхода противника из островцевого выступа на реку Пилица, маршал Конев приказал командующему 4-й танко-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 339, л. 340.

вой армией одним корпусом отрезать врагу пути отхода. К 4 часам приказ был выполнен. Разгромив штаб вражеского корпуса, советские танкисты пленили многих его офицеров, в том числе начальника штаба, а польские партизаны во взаимодействии с советскими войсками взяли в плен командира корпуса генерала Г. Рекнагеля. Полному разгрому подверглась также 10-я немецкая моторизованная дивизия.

Ожесточенные бои шли и на краковском направлении. Гитлеровское командование предпринимало все меры для организации обороны Кракова, прикрывавшего пути в Силезский промышленный район. 59-я и 60-я армии, отражая контратаки противника, к исходу 17 января вышли на дальние подступы к городу. Еще 15 января южнее Ясло перешли в наступление войска 4-го Украинского фронта. Враг оказал упорное сопротивление, по соединения 38-й армии под командованием генерала К. С. Москаленко прорвали его оборону и начали охватывать правый фланг 17-й армии. Под ударами двух фронтов, опасаясь окружения, противник вынужден был отойти.

За первые шесть дней наступления войска 1-го Украинского фронта разгромили основные силы 4-й немецкой танковой армии и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом нанесли серьезное поражение 17-й армии врага. На направлении главного удара ближайшая задача была выполнена на четыре-пять дней раньше намеченного срока.

18 января войска ударной группировки 1-го Украинского фронта продолжали стремительное преследование противника. Маршал И. С. Конев потребовал от них помешать врагу закрепиться на польско-германской границе, форсировать реку Одер северо-западнее Бреслау. К исходу следующего дня 3-я гвардейская танковая, 5-я гвардейская и 52-я армии передовыми частями пересекли границу. Как большой праздник отмечали войска вступ-

ление на территорию гитлеровской Германии. Выступая на митингах, солдаты и офицеры клялись с еще большим упорством бить врага. Все рвались в бой. Тем временем командование вермахта перегруппировало сюда часть свежих сил. Из Карпат прибыли две дивизии, а из Германии — одна пехотная. С западного фронта двигались две пехотные дивизии.

Германское командование стремилось во что бы то ни стало удержать Силезию — мощную военно-промышленную базу. Здесь было сосредоточено до двенадцати пехотных и танковых дивизий¹. На подступах к Силезскому промышленному району разгорелись напряженные бои, в результате чего продвижение армий левого крыла 1-го Украинского фронта резко замедлилось. В создавшейся обстановке командующий фронтом решил ударом 3-й гвардейской танковой армии в тыл силезской группировки сломить ее сопротивление. В ночь на 21 января армия была повернута на юг в направлении на Оппельн (Ополе), чтобы во взаимодействии с 5-й гвардейской армией уничтожить противника между Одером и Ченстоховой, обеспечить выход советских войск на левый берег Одера. Нанеся стремительный удар вдоль его правого берега, 3-я гвардейская танковая армия 23 января овладела Оппельном. Появление советских танков в глубоком тылу ошеломило противника, и он начал поспешно отходить. 5-я гвардейская армия вышла на Одер южнее Бреслау. К реке выдвинулась и 52-я армия. На следующий день передовые отряды 4-й танковой армии тоже вырвались к Одеру и приступили к его форсированию севернее Бреслау.

Тем временем соединения 59-й и 60-й армий подходили к Кракову. С наблюдательного пункта командующего 59-й армией генерала И. Т. Коровникова маршалу

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945. М., 1979, т. 10, с. 77.

Коневу открывался вид на этот древний, красивейший город Польши. Оценив вместе с командующим армией обстановку, он принял решение направить 4-й гвардейский танковый корпус в обход Кракова с запада. В сочетании с действиями 60-й армии, выходившей в это время к юго-восточным и южным окраинам города, этот маневр грозил вражескому гарнизону окружением.

— Для нас было самым важным добиться стремительности действий войск, — отмечал на разборе проведенной операции Конев. — Мы хотели освободить Краков, не допустив разрушения его зданий и улиц. Поэтому командование фронта отказалось от ударов артиллерии и авиации по городу, но укрепленные подступы к городу, на которые опиралась вражеская оборона, в то утро подверглись сильному артиллерийскому огню.

Угроза окружения, созданная стремительными действиями 4-го гвардейского танкового корпуса, надежное огневое поражение вражеской обороны парализовали решимость противника удерживать город. Он начал отход по единственной дороге на юг, в горы. Здесь его встретили огнем танкисты генерала П. П. Полубоярова, однополчанина Ивана Степановича еще в годы гражданской войны. Летом 1942 года он руководил бронетанковыми и механизированными войсками Калининского фронта, а с августа того же года возглавлял 17-й танковый корпус, в январе 1943 года ставший гвардейским. Корпус участвовал в контрнаступлении под Сталинградом, в битве под Курском, в Житомирско-Бердичевской, Проскуровско-Черновицкой, Львовско-Сандомирской и Карпатско-Дуклинской операциях. Пришел день, когда танкисты-герои Сталинграда вступали в древнюю столицу Польши.

Освобождение Кракова открыло путь в Верхнюю Силезию. Продолжая наступление, 59-я и 60-я армии охватили Силезский промышленный район с юга, 21-я армия совместно с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом обходила его с севера. 27 января над силезской группой

ровкой противника нависла успешно перегруппировавшаяся 3-я гвардейская танковая армия.

Конев выехал в тот же день на командный пункт генерала Рыбалко. Сейчас создавалась реальная возможность завершить окружение врага и уничтожить его в очередном котле. Но указание Ставки было ясным — взять Силезский промышленный район, не допустив его разрушения, т. е. придется выпустить фашистов из полуокружения и добить их в открытом поле. Нелегко было ему, профессиональному военному, отказаться от того, к чему стремится любой военачальник и командир, — окружить и уничтожить врага. Это было трудное психологическое состояние. Положение усугублялось тем, что 3-ю гвардейскую танковую армию необходимо было еще раз поворачивать на новое направление, изменяя ей боевую задачу. И Конев принял решение для сохранения Силезского промышленного района выпустить из него немецко-фашистскую группировку. Тогда же командующему 3-й гвардейской танковой армией был отдан приказ изменить направление удара. Под сильным натиском советских войск с фронта гитлеровцы были вынуждены поспешно отходить. Преследуя противника, соединения фронта 28 января овладели центром Верхней Силезии городом Катовице, а затем в лесах уничтожили отошедшие вражеские войска. «Второй Рур», «кочегарка и кузница фатерланда», как его именовали в Германии, Силезский промышленный район возвращался польскому народу.

Выходом войск к Одеру, овладением оперативными плацдармами на этой крупнейшей водной преграде Европы севернее и южнее Бреслау 3 февраля завершилась Сандомирско-Силезская наступательная операция 1-го Украинского фронта — составная часть Висло-Одерской стратегической наступательной операции, в ходе которой тридцать пять вражеских дивизий было уничтожено, а двадцать пять потеряли от 50 до 70 процентов своего состава. В плен было взято 147 400 фашистских солдат и

офицеров, захвачено около 14 тысяч орудий и минометов, до 1400 танков и штурмовых орудий¹.

Противник вынужден был перегруппировать в Польшу около 40 дивизий с Запада, из глубины Германии и с других участков советско-германского фронта. «В этом наступлении в Польше... русское командование особенно искусно использовало имеющиеся силы», — отмечал верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе Д. Эйзенхауэр². Премьер-министр Великобритании в послании И. В. Сталину писал: «Мы восхищены вашими славными победами над общим врагом и мощными силами, которые Вы выставили против него. Примите нашу самую горячую благодарность и поздравление по случаю исторических подвигов»³. Особую признательность Советской Армии выражал польский народ. Польское правительство в те дни телеграфировало советскому Верховному Главнокомандованию: «Польский народ никогда не забудет, что он получил свободу и возможность восстановления своей независимой государственной жизни благодаря блестящим победам советского оружия и благодаря обильно пролитой крови героических советских бойцов»⁴.

На митинге в освобожденных Катовицах И. С. Конев говорил: «Мы, воины 1-го Украинского фронта, можем гордиться, что стали участниками исторических событий, возрождения Польши, новой народной Польши...»

В первых числах февраля, когда на правом крыле фронта шли ожесточенные бои по уничтожению окружен-

¹ См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 85.

² The papers of Eisenhower. The war years. London, 1970, p. 1245.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1976, т. 1, с. 358.

⁴ Цит. по: Коммунистическая партия в период Великой Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1961, с. 655.

ной двадцатитысячной группировки противника южнее Рюттцена, Военный совет 1-го Украинского фронта приступил к подготовке Нижне-Силезской наступательной операции. Ее цель — выход на рубеж реки Нейсе, чтобы занять выгодные исходные позиции для последующих ударов на берлинском, дрезденском и пражском направлениях. Командующий понимал, конечно, что войска фронта, ослабленные в предшествовавших боях, испытывали значительные трудности — коммуникации оказались растянутыми более чем на пятьсот километров. Однако обстановка настоятельно требовала продолжения активных боевых действий — нельзя было допустить, как отмечал И. С. Конев, выступая на Военном совете, чтобы отходящие войска 4-й танковой и 17-й полевой армий, а также армейской группы «Хейнрици», насчитывавшие в общей сложности более тридцати дивизий, создали подготовленную в инженерном отношении оборону.

По плану, представленному на утверждение в Ставку ВГК, предусматривалось на направлении главного удара сосредоточить максимум имевшихся сил и средств. Чтобы достичь в столь сложных условиях обстановки сильного первоначального удара, Иван Степанович решил иметь один оперативный эшелон. Все армии, за исключением 13-й, также строились в один эшелон. Одноэшелонный боевой порядок имело большинство стрелковых корпусов. Районы сосредоточения танковых армий назначались за стрелковыми соединениями, в полосах которых они готовились к совместному прорыву вражеской обороны. В последующем на танкистов возлагалась задача развития успеха в оперативной глубине. Наносимый удар севернее и южнее Бреслау преследовал цель окружить этот сильно укрепленный город, в последующем уничтожить его гарнизон.

После произведенной перегруппировки войск утром 8 февраля объединения правого крыла фронта начали операцию. Враг встретил наступавших организованным

огнем. Борьба приняла напряженный характер. Соединения 3-й гвардейской армии по приказу Конева обходным маневром окружили город-крепость Глогау (Глогувек), численность гарнизона которого составляла около восемнадцати тысяч человек. Оставив часть сил для его блокады, армия развивала наступление в северо-западном направлении и вышла на правый берег реки Бобер (Бобжа). К этому времени соединения 52-й армии освободили Бунцлау, где в 1813 году скончался М. И. Кутузов и где на обелиске в центре города была высечена надпись: «До сих мест довел князь Кутузов-Смоленский победоносные российские войска... Он спас отечество свое, он открыл путь к избавлению народов...»

Командующий войсками фронта маршал Конев отдал приказ:

«В ознаменование светлой памяти фельдмаршала Кутузова приказываю:

1. Коменданту города Бунцлау учредить почетный караул у памятника фельдмаршалу Кутузову.

2. Всем войсковым частям и отдельным военнослужащим при прохождении мимо памятника фельдмаршала Кутузова отдавать воинские почести.

3. Приказ зачесть во всех ротах, батареях, эскадронах, эскадрильях, командах»¹.

Продолжая наступать на запад, советские войска составляли у себя в тылу окруженные группировки противника. Это было новым явлением в советском военном искусстве. В беседе с корреспондентами газет «Правда» и «Красная звезда», встретивших Ивана Степановича на одной из переправ через Одер, маршал так объяснял причины избранной формы борьбы с врагом: «У противника сейчас появилась... новая тактика обороны. Он то ли уже из-за недостатка времени, то ли из-за нехватки сил отказался от строительства укрепленных районов. Даже

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 171, л. 14.

здесь вот, на Одере, мы не дали ему возможности закончить сплошные, глубоко эшелонированные рубежи. Он теперь, как в средние века, вынужден делать ставку на укрепленные города. На города-крепости с двойными, внутренним и внешним, обводами, и гарнизоны этих городов получают задания ни в коем случае не сдаваться, держаться насмерть. Представляете себе, сколько сил, средств, войск потребовалось бы, чтобы, скажем, штурмовать такой город, как Бреслау? ...Так вот на этот яд мы, кажется, нашли хорошее противоядие. Войска обходят эти города, выставив достаточные заслоны, и двигаются дальше. Так гарнизоны выводятся из активной борьбы... Немецкие генералы люди опытные и хитрые. Атакуя внешнее кольцо, окружающее Бреслау, они делают вид, что хотят выручить его гарнизон. Не в этом, однако, их главная задача. Они хотят связать как можно больше наших войск осадой городов-крепостей, связать нам руки, вымотать нас, а главное, замедлить продвижение в глубь страны. Но мы нынче тоже хитрые. И не пугливого десятка. Мы их блокируем и продвигаемся на запад»¹.

К середине февраля обстановка в полосе наступления, однако, вновь осложнилась. Дело в том, что в связи с поворотом 6-й армии на юго-восток для наступления на Бреслау левый фланг ударной группировки фронта оказался слабо обеспеченным. К тому же нелетная погода сократила возможности использования авиации. Этим воспользовался противник, резко активизировав свои действия. Исходя из создавшихся условий, маршал Конев развернул на юг соединения 52-й армии. Сюда же перегруппировываются 5-я гвардейская армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Бросок с разворотом на 180 градусов с запада на восток совершает 3-я гвардейская танковая армия. Способность соединений генерала

¹ Полевой Б. До Берлина — 896 километров. М., 1973, с. 135—136.

П. С. Рыбалко к стремительному маневру была известна Коневу по ряду предшествовавших операций, и он был полностью уверен, что за Павлом Семеновичем дело не станет. Действительно, внезапный удар сломил сопротивление вражеских соединений. Сорокатысячный гарнизон Бреслау оказался окруженным. Решив эту важную задачу, танковая армия вновь развернулась на запад, начав наступление на герлицком направлении. На 6-ю же армию была возложена блокада и уничтожение окруженной группировки врага¹.

Так благодаря своевременно принятым мерам был достигнут крупный оперативный успех. Наступление в Нижней Силезии завершилось выходом войск к 28 февраля на реку Нейсе. Противник, отброшенный от Одера, лишился важных военно-промышленных районов, снабжавших вермахт боевой техникой, синтетическим горючим и боеприпасами.

16 февраля 1945 года маршал Конев докладывал Верховному Главнокомандующему:

«Первое. Войска фронта, перейдя в наступление, прорвали глубоко эшелонированную оборону немцев, окружили и уничтожили кельце-радомскую группировку противника, овладели Верхне-Силезским промышленным районом, форсировали р. Одер, окружили и блокировали г. Бреслау с его гарнизоном и полевыми войсками... За месяц наступления войска фронта (правое крыло и центр) прошли с напряженными боями до 550 км...

Второе. Учитываем, что:

а) левое крыло фронта сильно отстало, фронт растянулся на 520 км;

б) ...войска оторвались от баз снабжения на сотни километров, подвоз боевых видов питания находится на пределе, войскам с большим напряжением подается го-
лодная норма боеприпасов и горючего;

¹ ЦАМО, ф. 48, оп. 4, д. 153, л. 607.

в) войска фронта понесли значительные потери в людях, танках и САУ... стрелковые дивизии в среднем имеют около 4600 человек, танковые войска имеют в строю танков 1289, в среднем и текущем ремонте 529, в капитальном ремонте 597;

г) распутица, лесисто-болотный характер местности стесняют маневр танковых войск;

д) аэродромы раскисли, авиация фронта используется в крайне ограниченных размерах;

е) противник непрерывно усиливается переброской резервов за счет других фронтов.

В связи с этим на ближайший период считаем возможным выполнение фронтом следующих задач:

1. Главной группировкой фронта... выйти на р. Нейсе, овладеть плацдармами на западном берегу и прочно закрепиться; армией Рыбалко овладеть районом Герлиц, подтянуть туда часть армии Жадова и тоже закрепиться.

2. Армиями левого крыла — Гусева, Коровникова, Курочкина, 4 и 31 тк, при содействии части сил армии Жадова, продолжать наступление с целью отбросить противника в Судетские горы...

3. Армией Глуздовского овладеть г. Бреслау.

4. Одновременно подвезти и накопить в войсках боеприпасы, горючее, отремонтировать боевую материальную часть, привести тыл в нормальное состояние...»¹

Ставка ВГК утвердила план Военного совета фронта. По решению маршала Конева создавались две ударные группировки: оппельнская (северная) и ратиборская (южная). С севера соединения 21-й и 4-й танковой армий получили задачу нанести удар в общем направлении на Нейштадт, где и соединиться с южной группировкой, завершив тем самым окружение противника в оппельском выступе. 34-й гвардейский корпус 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус должны были

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 168, л. 28—30.

наступать в западном направлении. Маршал Конев предусматривал, что с юга соединения 59-й и 60-й армий, а также 7-го гвардейского механизированного корпуса нанесут удар с плацдарма севернее Ратибора навстречу войскам оппелънской группировки и соединятся с последней на третий день операции. 2-я воздушная армия, по замыслу командующего войсками фронта, должна была массированными ударами подавить оборону противника, воспрепятствовать подходу его резервов, прикрыть наступавшие войска, особенно танковые, с воздуха и обеспечить непрерывную разведку вражеской обороны. В итоге, по решению Конева, в состав ударных группировок включались тридцать одна стрелковая дивизия, более пяти с половиной тысяч орудий и минометов, около тысячи танков и самоходно-артиллерийских установок. Воздушная армия насчитывала почти 1800 боевых самолетов.

Военный совет фронта имел в виду и определенные сложности предстоящего наступления. Численный состав многих стрелковых дивизий был невысок. Обеспеченность войск боеприпасами по отдельным видам артиллерийского вооружения составляла менее одного боекомплекта. В полосе предстоявших боевых действий оборонялась крупная вражеская группировка в составе до 15 дивизий, имевших около полутора тысяч орудий и минометов, ста танков и штурмовых орудий. Здесь же располагались основные оперативные резервы армейской группы «Хейнрици» и группы армий «Центр». Они насчитывали пять дивизий и до 60 отдельных батальонов. Эти силы представляли серьезную опасность при ведении войсками фронта боевых действий в оперативной глубине.

Планируя Верхне-Силезскую операцию, маршал Конев определил направление главного удара северной группировки по наиболее уязвимому месту противника — стыку 17-й армии и армейской группы «Хейнрици». Для достижения быстрого успеха при взломе вражеской обороны он решил сосредоточить в ударных группи-

ровках армий большую часть сил и средств; на участки прорыва, составлявшие менее 9 процентов полосы наступления, нацеливалось более половины стрелковых войск, 60 процентов артиллерии, 90 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок. Такое распределение сил и средств позволяло на километр участка прорыва иметь в среднем одну стрелковую дивизию, почти 200 орудий и минометов, более 40 танков. На второстепенных же направлениях на дивизию приходилось в среднем до 15 км.

Наступление фронта началось утром 15 марта. Оно развивалось сравнительно медленно. Одной из причин этого явилось массированное применение противником относительно нового и эффективного противотанкового средства — фаустпатронов. Из-за начавшейся распутицы советские танки не могли свободно маневрировать и вынуждены были продвигаться лишь по дорогам с твердым покрытием. Противник перегруппировал на этот участок фронта моторизованную и танковую дивизии, непрерывно контратакуя соединения фронта. В этих условиях маршал Конев отдал приказ на активизацию ночных действий и поставил задачу командующему воздушной армией с утра 17 марта нанести массированный авиационный удар. В результате к исходу третьего дня операции тактическая зона обороны противника была прорвана.

Днем 18 марта 10-й гвардейский танковый корпус 4-й танковой армии, которым командовал генерал Е. Е. Белов, в районе Нейштадта соединился с 7-м гвардейским механизированным корпусом под командованием генерала И. П. Корчагина. Тем самым был реализован замысел командующего войсками фронта на окружение четырех пехотных дивизий, части сил моторизованной дивизии, нескольких отдельных полков и батальонов врага. Вечером следующего дня, будучи на наблюдательном пункте командующего 21-й армией генерала Д. Н. Гусева, маршал Конев отдал приказ: «...комбатам, командирам пол-

ков и дивизий 21-й армии. Окруженный противник пытается прорваться в направлении Штейнау... До ночи выходящие группы противника уничтожить или пленить. Всем сержантам и офицерам дерзко и смело атаковать врага...»¹ В итоге 20 марта оппельнская группировка противника была ликвидирована: фашисты потеряли убитыми около 30 тысяч человек, 15 тысяч солдат и офицеров сдались в плен. Чтобы ускорить продвижение войск, действовавших против ратиборской группировки, Иван Степанович перегруппировал на это направление часть сил 4-й танковой армии, к этому времени ставшей гвардейской. Ввод в сражение больших масс танков положительно сказался на темпах наступления соединений 60-й армии. Они овладели крупнейшим промышленным центром Верхней Силезии — Ратибором. Противник был отброшен в предгорья Судет. Угроза флангового удара по войскам 1-го Украинского фронта была предотвращена. Фашистская Германия испытала и крупное экономическое потрясение. С потерей Верхней Силезии она, по заявлению министра вооружения Шпеера, лишилась четвертой части военного производства².

Силезские операции войск 1-го Украинского фронта стали примером проведения последовательных операций в сложной обстановке несколькими группировками одного фронта после кратковременных оперативных пауз. Фронтовое командование осуществляло крупные перегруппировки соединений и объединений на большие расстояния, а в ходе боевых действий — смелый маневр 5-й гвардейской, 6-й и 3-й гвардейской танковой армиями для окружения немецко-фашистских войск в Бреслау, 4-й гвардейской танковой армией — для ликвидации войск противника в районе Ратибора.

1 апреля 1945 года командующие войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов были вызваны в

¹ ЦАМО, ф. 416, оп. 10437, д. 949, л. 11.

² См.: История второй мировой войны 1939—1945, т. 10, с. 158.

Ставку ВГК. На ее заседании присутствовали члены Государственного Комитета Обороны, начальник Генерального штаба и начальник Главного оперативного управления. Дав оценку сложившейся военно-политической обстановке на театрах войны, Верховный Главнокомандующий сделал вывод о необходимости начать в ближайшее время наступление на Берлин. Он потребовал от Г. К. Жукова и И. С. Конева подготовить планы действий войск на берлинском направлении и доложить о них Ставке ВГК.

— Работали мы в Генштабе, — рассказывал Конев, — работал каждый отдельно, но некоторые возникшие и требовавшие согласования вопросы обсуждали вместе с руководящими работниками Генштаба... 2 апреля утром мы явились в Ставку с готовыми для доклада планами. Начальник Генерального штаба А. И. Антонов доложил стратегический замысел Берлинской операции, в соответствии с которым задача разгрома берлинской группировки противника возлагалась на войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и авиацией Дальнего действия. После этого был рассмотрен план 1-го Белорусского фронта. Никаких существенных замечаний Сталин не высказал. Потом я доложил план операции 1-го Украинского фронта. По нему тоже не было особых замечаний. Окончательным сроком пачала операции было установлено 16 апреля.

Как отмечает Г. К. Жуков, Верховный Главнокомандующий не согласился с одним — разграничительной линией между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтами, обозначенной на карте Генштаба. Он затушевал границу от Нейсе до Потсдама и прочертил линию только до Люббена, что 60 км юго-восточнее Берлина. Тут Сталин указал маршалу Коневу:

— В случае упорного сопротивления противника на восточных подступах к Берлину, что наверняка произой-

дет, и возможной задержки наступления 1-го Белорусского фронта 1-му Украинскому фронту быть готовым нанести удар танковыми армиями с юга на Берлин¹.

На следующий день состоялось подписание директивы на операцию войск 1-го Украинского фронта. «Ставка Верховного Главного Командования приказывает:

1. Подготовить и провести наступательную операцию с целью разгромить противника в районе Котбус и южнее Берлина. Не позднее 10—12 дня операции овладеть рубежом Беелитц-Виттенберг и далее по реке Эльба до Дрездена. В дальнейшем, после овладения Берлином, иметь в виду наступать на Лейпциг.

2. Главный удар силами пяти общевойсковых армий и двух танковых армий нанести из района Трибель в общем направлении на Шпремберг — Бельциг. На участок прорыва привлечь шесть артиллерийских дивизий прорыва, создав плотность не менее двухсот пятидесяти стволов на один километр.

3. Для обеспечения главной группировки фронта с юга силами 2-й армии Войска Польского и частью сил 52-й армии нанести вспомогательный удар из района Кольфурт в общем направлении Бауцен — Дрезден...»²

Оценивая полученные разведывательные данные и мысленно становясь в положение командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ф. Шернера, Иван Степанович приходит к выводу, что наиболее сильное сопротивление противник окажет на двух рубежах, проходящих по рекам Нейсе и Шпрее. Это подтверждалось и тем вниманием, которое уделяло фашистское командование их инженерному оборудованию. Мобилизовав местное население и иностранных рабочих, оно принимало все возможные меры к подготовке трех, а местами и четырех оборонительных полос на каждом из них. На важ-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 324—325.

² ЦАМО, ф. 132, оп. 2642, д. 13, л. 231.

нейших направлениях устанавливались 75-мм пушки и переносные стальные огневые точки типа «Краб». Траншеи прикрывались проволочными и противотанковыми препятствиями. Густая сеть траншей, большое количество опорных пунктов и узлов сопротивления были серьезным препятствием для наступающих войск.

Вернувшись на фронт и обменявшись мнениями со своими ближайшими помощниками, маршал И. С. Копев на заседании Военного совета в присутствии командующих армиями и командиров отдельных корпусов довел замысел на фронтовую наступательную операцию, определив ее целью разгром группировки, сосредоточенной южнее Берлина. Главный удар наносился силами 3-й гвардейской, 13-й и 5-й гвардейской, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий в направлении на Шпремберг. Для вспомогательного удара на Дрезден с задачей обеспечить действия ударной группировки с юга привлекались 2-я армия Войска Польского и часть сил 52-й армии. Второй эшелон составляли две армии — 28-я и 31-я, выдвигавшиеся из резерва Ставки ВГК. Подвижная группа фронта — две танковые армии — по решению Конева вводилась в сражение с задачей развития тактического успеха в оперативный и нанесения удара на Берлин с юга. Резерв фронта составлял 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала В. К. Баранова¹.

В те дни, когда уточнялись многие вопросы решения на операцию, маршала Конева часто видели в войсках. Он трижды вызывал командующих армиями — генералов В. Н. Гордова, Н. П. Пухова, А. С. Жадова, П. С. Рыбалко, Д. Д. Лелюшенко, К. А. Коротева и с каждым из них выезжал на местность. С возвращением в штаб в план вносились коррективы на картах, разыгрывались варианты возможных действий противника и своих войск по этапам предстоящего наступления. Особое внимание уде-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 2059, л. 8—10.

лялось достижению согласованности действий стрелковых войск с артиллерией, танками и авиацией, а также четкости уяснения задач инженерного обеспечения, последовательного форсирования двух водных преград.

С получением боевых задач приступили к подготовке предстоящих боевых действий войск командующие армиями. Штаб фронта, начальником которого вместо уби́вшего па 1-й Белорусский фронт генерала В. Д. Соколовского стал генерал И. Е. Петров, включился в конкретную организаторскую работу. И хотя Иван Ефимович только что вступил в новую для себя должность, его богатый боевой опыт позволил в короткие сроки успешно решить возложенные на него задачи.

«Иван Ефимович, — отмечал Колев, — был человеком с хорошей военной подготовкой и высокой общей культурой... Сработались мы довольно быстро. У меня было полное доверие к нему, так же как и у Петрова ко мне, я это чувствовал... Опираясь... на очень слаженный, хорошо организованный штабной коллектив, Петров не испытывал в своей работе каких-либо существенных затруднений»¹.

В центре внимания Военного совета и штаба фронта стал вопрос создания сильных ударных группировок. По решению командующего на участке, составлявшем 13 процентов полосы наступления, перегруппировалось около половины стрелковых дивизий, 75 процентов орудий и минометов, 73 процента танков и самоходно-артиллерийских установок. Массирование значительных сил и средств на направлениях главного удара давало возможность достичь существенного превосходства над противником, создавать глубокое оперативное построение войск, что обеспечивало наращивание сил в ходе операции и развитие ее в высоких темпах. Эту задачу нужно было решить в короткие сроки и скрытно от противника.

¹ 9 мая 1945 года. М., 1970, с. 151.

Не менее важной проблемой, находившейся в центре внимания командующего, являлся вопрос организации эффективного огневого поражения вражеской группировки. Под руководством штаба создавались группировки артиллерии: с 4 по 12 апреля с левого крыла фронта на правое на расстояние 350—400 км совершили марш 7 артиллерийских дивизий прорыва, 4 зенитные артиллерийские дивизии, гвардейская минометная дивизия, 15 отдельных бригад и полков РВГК. Это обеспечило сосредоточение на направлении главного удара до 270 орудий и минометов на километр.

По плану, утвержденному маршалом Коневым, общая продолжительность артиллерийской подготовки предусматривала 145 минут: в течение 40 минут артиллерия обеспечивала выход войск к реке, 60 минут — ее форсирование, 45 минут — атаку пехоты и танков за рекой. Учитывая закрытый характер местности, наличие лесных массивов, И. С. Конев, посоветовавшись с командующим артиллерией, отдал приказ значительную часть артиллерии РВГК, в том числе и 203-мм гаубицы, передать в дивизионные и полковые артиллерийские группы. Кроме того, до 20 процентов орудий выделялось для ведения огня прямой наводкой. Предусматривалось также, что с началом форсирования на восточный берег реки Нейсе выйдут танки и самоходно-артиллерийские установки, поддержат своим огнем действия стрелковых войск.

Весьма искусно планировались мероприятия, направленные на достижение внезапности и организованности атаки переднего края вражеской обороны. Предусматривалось, что 2-я воздушная армия перед форсированием установит дымовую завесу на всем фронте наступления. Подобная же задача возлагалась на артиллерию и Днестровскую речную флотилию. Инженерные войска для стремительного форсирования реки заготовили 2440 деревянных лодок, 750 погонных метров штурмовых мостиков и более ста метров элементов деревянных мостов под

грузы от 16 до 60 тонн. За два дня до начала наступления все переправочные средства сосредоточились в ближайших к реке укрытиях. В каждом пункте переправы организовывалась комендантская служба.

Обменявшись мнениями, члены Военного совета пришли к выводу, что при организации политического обеспечения предстоящей операции необходимо учитывать следующие основные положения: историческую важность задач, стоящих перед Советскими Вооруженными Силами, величайший моральный подъем личного состава фронта, прибытие значительного числа молодого пополнения. Особенностью партийно-политической работы являлось и то, что военные действия проходили на немецкой территории.

С учетом этих факторов и развернулась партийно-политическая работа в соединениях и частях фронта.

Организационно укреплялись первичные и ротные партийные и комсомольские организации. К 10 апреля было создано более тысячи новых ротных партийных организаций, включавших от 8 до 20 коммунистов. К началу операции во фронте насчитывалось 7339 первичных, 12 139 ротных партийных организаций, 6231 первичная и 10 900 ротных комсомольских организаций¹.

При политотделах армий создавался резерв парторгов рот численностью до 40 человек. Большое внимание уделялось подготовке внештатных агитаторов. В связи с 75-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина были прочитаны лекции, проведены беседы о жизни и деятельности вождя партии и основателя Советского государства. С воспоминаниями о встречах с Владимиром Ильичем в соединениях 5-й гвардейской и 3-й гвардейской танковой армий выступил и Иван Степанович Конев.

Большая и разнообразная работа велась с прибывшим пополнением. Командиры и начальники политотделов ди-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2675, д. 194, л. 22.

визий, как правило, сами встречали личный состав, организовывали с ними беседы, знакомя новых воинов с боевым путем частей, где они будут служить. В торжественной обстановке пополнение принимало военную присягу, бойцам вручалось оружие, в том числе и павших в боях солдат.

С учетом конкретных условий организовывалось и изучение оружия и техники противника. Активное участие в решении этой задачи приняли политорганы. Значительная часть выпускаемых политуправлением фронтовых листовок посвящалась вопросам борьбы с фаустпатронами, а также использования этого оружия, взятого в качестве трофеев. Издавались материалы о тактике ночного боя, ведении боевых действий в составе штурмовой группы в крупном городе.

Большого напряжения политико-воспитательная работа достигла в последние дни и часы, предшествовавшие переходу войск в наступление. Особое внимание командиров и политработников обращалось на доведение в ночь на 16 апреля до каждого солдата обращения Военного совета фронта, в котором наряду с другими вопросами четко излагалась позиция по отношению к гражданскому немецкому населению, его имуществу, к материальным ценностям, брошенным врагом. В частях и подразделениях прошли короткие митинги. Перед овеянными славою знаменами, которые проносили по траншеям, командиры и бойцы клялись до конца выполнить свой воинский долг перед Родиной, партией и народом.

Ранним утром 13 апреля командующий войсками фронта на Военном совете заслушал доклады командующих армиями и начальников родов войск о готовности к операции. С подробной информацией выступил начальник тыла фронта генерал-лейтенант Н. П. Анисимов. Присутствующие на совещании военачальники выразили полную уверенность в успехе предстоящего сражения.

В ночь перед наступлением маршал Конев по своему обыкновению выехал на одно из направлений предстоящих действий войск, на наблюдательный пункт командующего 13-й армией генерала Н. П. Пухова. Это был небольшой, но хорошо оборудованный блиндаж и рядом щель, оснащенные приборами наблюдения, расположенные на опушке соснового леса. Прямо перед ним — крутой обрыв к реке, за обрывом — Нейсе и берег противника, обозреваемый на довольно большое расстояние. Здесь командующий войсками фронта через начальника разведки еще раз уточнил данные о противнике, проверил готовность войск, заслушав по ВЧ доклады командармов, командиров корпусов, начальников родов войск и служб.

Мощная артиллерийская подготовка и мастерски поставленная летчиками и моряками флотилии дымовая завеса создали для противника большие затруднения в управлении войсками, расстроили его систему огня, резко ослабили устойчивость вражеской обороны. В шесть часов пятьдесят пять минут 16 апреля под прикрытием дымов передовые батальоны дивизий первого эшелона начали форсирование Нейсе. Часть артиллерии перетаскивалась через реку на канатах. Основная же ее группировка вела интенсивный огонь по опорным пунктам врага. Продуманное инженерное обеспечение действий войск способствовало тому, что в течение первого часа на плацдармы переправились главные силы соединений. Через четыре-пять часов по наведенным мостам вперед устремились танки. В итоге, несмотря на яростные контратаки противника, прорыв первой оборонительной полосы как на главном, так и на дрезденском направлениях, по оценке Конева, прошел успешно. В сражение вступили передовые бригады танковых армий.

Утром следующего дня войска фронта прорвали вторую оборонительную полосу и устремились к третьей полосе, к реке Шпре.

Впервые, вероятно за все время Великой Отечественной войны, войскам под командованием маршала Конева пришлось без какой-либо оперативной паузы форсировать крупную водную преграду и вслед за этим прорывать глубоко эшелонированную оборону противника с хорошо развитой системой огня, инженерных сооружений, укреплений и минных полей, затем прорывать вторую полосу обороны и, наконец, третью — опять-таки с форсированием реки. Это требовало искусных действий войск, твердости и гибкости управления ими.

Маршал Конев стремился к личному контакту с подчиненными, требовал этого и от командующих родами войск. Для достижения более согласованных действий с наземными войсками в воздушной армии были созданы три оперативные группы. Офицеры наведения авиации выделялись во все передовые отряды. В ходе боев активно велась партийно-политическая работа. Выпускались листовки-призывы, отличившимся воинам вручались письменные поздравления и благодарности, широко популяризировались героизм и воинское мастерство солдат, сержантов и офицеров, в том числе и в боевых листках, дивизионных и армейских газетах. По рекомендации Ивана Степановича политуправление фронта направило на котбусское и дрезденское направления специальные группы фронтовых политработников.

Успешное наступление войск фронта создало для противника угрозу глубокого обхода его берлинской группировки с юга. Понимая это, гитлеровское командование сосредоточивало основные усилия на удержании рубежа реки Шпрее. Сюда направлялись резервы группы армий «Центр» и отходящие соединения 4-й танковой армии. Однако попытка генерал-фельдмаршала Шернера изменить ход сражения не дала желаемого результата. Произошло это вследствие того, что по указанию Ставки ВГК уже в ночь на 18 апреля маршал Конев поставил задачу командующим 3-й и 4-й гвардейскими танковыми

армиями генералам П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко с ходу форсировать Шпрее и развивать наступление на Берлин с юга. «На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперед, — подчеркивалось в директиве командующего войсками фронта. — Города и крупные населенные пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои»¹. Тогда же было отдано указание командующему воздушной армией генералу С. А. Красовскому о сосредоточении большей части авиации на обеспечении действий танковых армий. Одновременно штаб фронта получил распоряжение о подготовке передового командного пункта и его развертывании в районе предполагаемой переправы 3-й гвардейской танковой армии. Отсюда маршалом Коневым в последующие дни осуществлялось управление войсками.

Танковые армии немедленно приступили к осуществлению маневра с целью окружения во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта основной вражеской группировки, оборонявшейся на берлинском направлении. 19 апреля соединения 3-й гвардейской танковой армии продвинулись в северо-западном направлении и перерезали коммуникации 9-й немецкой армии. Все попытки противника прорваться к переправам через Шпрее и выйти в тыл войск фронта отражались соединениями 3-й и 5-й гвардейских армий, надежно прикрывавших действия танкистов, которые на следующий день с боями прошли еще 45—60 км. «Мы шли вперед, — писал вскоре после войны П. С. Рыбалко в своих воспоминаниях «Удар с юга», — в то время как позади нас оставались еще недобитые немецко-фашистские дивизии. Но мы не боялись за наши коммуникации, так как знали, что фронтовым командованием принимаются все необходимые меры. Фланги и тыл в продолжение всей операции были надежно прикрыты». Этими словами генерал отдавал должное

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 359, л. 24.

штабу фронта, его командующему, командующим общевойсковыми армиями.

К исходу 20 апреля группа армий «Центр» была отсечена от группы армий «Висла». Вражеские войска в районах Котбуса и Шпремберга оказались в полукольце. В этот день в дневнике верховного главнокомандования вермахта появляется запись: «Для высших командных инстанций начинается последний акт драматической гибели германских вооруженных сил... Все совершается в спешке. Уже слышно, как вдали из пушек ведут огонь русские танки...»¹ Действительно, воины 3-й гвардейской танковой армии к этому времени подошли к Вюнсдорфу. Оставалось десять километров до Цоссена, где в подземных убежищах размещались штаб оперативного руководства вооруженных сил и генеральный штаб сухопутных войск фашистской Германии. Высшее военное руководство вермахта вынуждено было спешно перебраться в Потсдам.

Прошли еще одни сутки крупнейшей операции войны.

Продолжая наступление в северо-западном направлении, танковые армии 1-го Украинского фронта вплотную подошли к внешнему обводу Берлинского оборонительного района. Учитывая предстоящий характер боевых действий в таком крупном городе, как Берлин, командующий войсками фронта решил усилить 3-ю гвардейскую танковую армию 10-м артиллерийским корпусом и 25-й артиллерийской дивизией прорыва, а также 23-й зенитной артиллерийской дивизией и 2-м истребительным авиационным корпусом. Кроме того, по решению Конева на автотранспорте в район боевых действий танкистов генерала П. С. Рыбалко перегруппировывались две стрелковые дивизии 28-й армии, введенной в сражение из второго эшелона фронта.

¹ Служебный дневник пачальника генерального штаба сухопутных войск Германии. ВНУ ГШ, кн. 7, с. 126.

С утра 22 апреля 3-я гвардейская танковая армия, развернув все три корпуса в первом эшелоне, начала атаку вражеских укреплений. Соединения армии прорвали внешний оборонительный обвод Берлинского района и к исходу дня завязали бои в южной части столицы Германии. На северо-восточную ее окраину еще накануне ворвались войска 1-го Белорусского фронта. Действовавшая левее 4-я гвардейская танковая армия также успешно продвигалась вперед. В Трёйенбритцене танкисты вызволили из фашистской неволи около 1600 военнопленных различных национальностей: англичан, американцев, датчан и норвежцев, в том числе бывшего командующего норвежской армией генерала О. Рюге. Спустя несколько дней воины этой же армии освободили из концлагеря в пригороде Берлина бывшего премьер-министра Франции Эдуара Эррио — известного государственного деятеля, еще в 20-х годах активно выступавшего за укрепление франко-советских отношений. Конев, несмотря на напряженность этого дня, выкроил время для встречи с ним. Разговор был непродолжительным, так как маршал отлично понимал состояние своего собеседника, истощенного до крайности. Специальным самолетом Э. Эррио был отправлен в Москву¹.

Используя успех танкистов, войска 13-й и 5-й гвардейской армий быстро продвигались в западном направлении. Стремясь затормозить наступление ударной группировки 1-го Украинского фронта на Берлин, командующий 17-й армией генерал Хассе предпринял контрудар из района Герлица по соединениям 52-й армии. Создав на этом направлении значительное превосходство в силах, враг пытался выйти в тыл ударной группировке фронта. Здесь развернулись ожесточенные бои. Противнику удалось вклиниться в расположение советских, а затем и польских войск на глубину до 20 км. Тогда на помощь

¹ См.: Конев И. С. Сорок пятый, с. 200.

2-й армии Войска Польского и 52-й армии по приказу И. С. Конева были перегруппированы часть сил 5-й гвардейской армии и 4-й гвардейский танковый корпус, перенацелены удары до четырех авиационных корпусов. В результате врагу был нанесен большой урон. К исходу 24 апреля его продвижение было приостановлено.

Активные и высокоманевренные действия войск фронта одновременно на нескольких направлениях создавали большие трудности в их управлении. Продолжались бои за Котбус на севере. В центре войска наступали па Берлин и выходили к Эльбе. Часть сил фронта юго-восточнее Берлина вела бои с 200-тысячной группировкой 9-й армии под командованием генерала Буссе, пытавшейся выйти на соединение с 12-й армией генерала Венка. На левом крыле фронта шла борьба за Дрезден. В глубоком тылу все еще оказывала сопротивление группировка противника, окруженная в Бреслау.

Конев установил порядок, в соответствии с которым к исходу очередных суток каждый командующий армией докладывал обстановку ему лично. Тогда же намечался план последующих действий. Затем штаб фронта дублировал устные указания в соответствующих распоряжениях по телеграфу, по радио, а если эти средства почему-либо отказывали, то самолетами или офицерами связи, отправляемыми на машинах. Неоценимую помощь командующему в управлении войсками оказывали члены Военного совета К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко, начальник штаба И. Е. Петров, начальник политического управления Ф. В. Ящечкин, командующие родами войск, начальники специальных войск. С командующим постоянно находились начальник оперативного управления генерал В. И. Костылев и начальник разведывательного отдела генерал И. Т. Ленчик. Генерал Костылев, как отмечал И. С. Конев, очень настойчивый в выполнении приказов и всегда превосходно знающий обстановку, кроме того, неоднократно направлялся командующим на

дрезденское направление для координации усилий действовавших там войск. Огромную организаторскую работу на протяжении всей операции осуществляли офицеры управления тыла во главе с генералом Н. П. Анисимовым.

Особого ожесточения бои достигли 23 и 24 апреля. Фашистское командование в эти дни предприняло наступление снятой с западного фронта 12-й армией, в штаб которой Гитлер направил фельдмаршала Кейтеля. Однако, хотя темпы продвижения советских войск несколько снизились, врагу не удалось остановить их. Намерение противника предотвратить окружение и расчленение берлинской группировки было сорвано своевременным наращиванием усилий и нанесением массированного авиационного удара. Войска двух фронтов, соединившись юго-восточнее Берлина, отсекли от города главные силы 9-й и часть сил 4-й танковой армий противника. На следующий день завершилось окружение собственно берлинской группировки войск.

26 апреля «Правда» писала: «Берлин окружен советскими войсками. Эта весть молнией облетит весь земной шар, вызовет новую волну восхищения доблестью и искусством Красной Армии, породит в сердцах советских людей чувство еще большей благодарности своей армии-освободительнице. Раздавшийся вчера в Москве радостный салют явился торжественным отзвуком грохота тысяч советских орудий, разящих врага вокруг Берлина и на улицах германской столицы. Берлинская операция вызывает изумление современников, она будет привлекать самое пристальное внимание историков. Красная Армия на протяжении последних лет поражает мир невиданными еще по размаху и эффекту военными операциями. Поход к Берлину венчает золотой список побед советского оружия... Окружение Берлина решает судьбу обороняющей его группировки. Берлинский гарнизон обречен, никакая сила не сможет пробить стальное кольцо советских войск. Окружение Берлина наносит германской армии страш-

ный удар не только военного, но морального и политического значения. Этим ударом Германия разрезается на куски. Советские войска схватили фашистскую Германию за горло».

В тот же день соединения 3-й гвардейской танковой армии прорвались к центру города. По приказу Конева в оперативное подчинение генерала П. С. Рыбалко передается еще одна стрелковая дивизия 28-й армии. Ее частями усиливались создаваемые в танковых соединениях штурмовые отряды. 4-я гвардейская танковая армия совместно с 47-й армией 1-го Белорусского фронта приступила к ликвидации 20-тысячной группировки противника на острове Ванзее. В последующие два дня 3-я гвардейская танковая армия развернула наступление на район Тиргартена. 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии под командованием полковника С. Ф. Пушкарева к этому времени овладел Потсдамом и нацелился на Бранденбург.

Как и в предшествовавших операциях, советские воины в сражении за Берлин проявляли массовый героизм. Командующий 28-й армией генерал А. А. Лучинский при очередном докладе сообщил И. С. Коневу о подвиге командира орудия 53-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка сержанта К. И. Малинина. Отбивая яростные атаки противника, его расчет уничтожил до 40 солдат врага. Тринадцатую по счету атаку в течение получаса Малинин отбивал один. Уничтожив до десятка фашистов, он сам получил тяжелое ранение. Подоспевшие товарищи спасли его, доставив в госпиталь. Вскоре Иван Степанович посетил раненого воина и от души поздравил его с присвоением звания Героя Советского Союза.

Еще 25 апреля в 13 часов 30 минут, как доложил Коневу командующий 5-й гвардейской армией генерал А. С. Жадов, на Эльбе, в районе Стрела, северо-западнее Ризы, воины 173-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с командиром

роты гвардии старшим лейтенантом Г. С. Голобородько встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии. В 23 часа представители советской дивизии прибыли в штаб 69-й дивизии союзников, который находился в 40 км западнее Эльбы¹.

На следующий день произошла встреча советских войск с американскими в районе Презитца. Это событие было отмечено в приказе Верховного Главнокомандующего: «Войска 1-го Украинского фронта и союзные нам англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли фронт немецких войск и 25 апреля в 12 часов 30 минут соединились в центре Германии, в районе города Торгау. Тем самым немецкие войска, находящиеся в Северной Германии, отрезаны от немецких войск в южных районах Германии...» Вечером Москва в ознаменование одержанной победы и в честь такого исторического события от имени Родины салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта и союзным нам англо-американским войскам двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трехсот двадцати четырех орудий. Спустя сутки в соприкосновение с английскими войсками вошли соединения 2-го Белорусского фронта под командованием маршала К. К. Рокоссовского.

28 апреля на командном пункте 1-го Украинского фронта неподалеку от Торгау маршал И. С. Конев встретился с командующим 12-й армейской группой американских войск генералом О. Бредли. Сохранилась краткая запись тостов, которыми обменялись полководцы союзных армий.

«Конев: ...Мы приходим к великой нашей победе через такие испытания в боях, каких не доводилось еще испытывать ни одной армии мира... Наша победа будет желанной победой. Народ наш заплатил за нее миллионами жизней, но наша Красная Армия выходит из этой пе-

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2675, д. 170, л. 308.

человечески трудной войны еще более могущественной, чем она была в ее начале... Большую роль в исторической победе антигитлеровской коалиции сыграл американский президент Франклин Делано Рузвельт, имя которого с уважением произносится в нашей стране. И за этим столом я хотел бы с особым уважением упомянуть имя этого великого антифашиста, немало сделавшего для победы войск антигитлеровской коалиции, и выразить надежду, что его преемник продолжит дело Рузвельта и укрепит дружбу наших народов, рожденную боевым братством в дни войны.

Бредли: ...Для меня большая честь встретиться за этим столом со славным предводителем войск группы Первого Украинского фронта. Наш народ всегда с восхищением следил за боями и победами славной Красной Армии, и мои солдаты и офицеры стремились подражать боевому примеру, который подавали им войска Первого Украинского фронта... Сейчас, когда победа близка, можно лишь выразить сожаление по поводу внезапной и безвременной кончины президента Рузвельта, который столько сделал для достижения победы войск антигитлеровской коалиции... Ваш пример доблести и мужества — огромный вклад в нашу общую победу над армиями нацизма»¹.

1 мая И. С. Конев получил директиву Ставки ВГК. Войскам фронта, который он возглавлял, предписывалось, завершив ликвидацию окруженной вражеской группировки южнее Берлина и передав занимаемую полосу войскам 1-го Белорусского фронта, во взаимодействии со 2-м и 4-м Украинскими фронтами приступить к разгрому девятисоттысячной группировки немецко-фашистских войск в Чехословакии. Оценив обстановку, командующий определил замысел операции. Его сущность заключалась в том, что «армиям правого крыла фронта перейти в на-

¹ Цит. по: Полевой Б. До Берлина — 896 километров, с. 218—219.

ступление по обоим берегам реки Эльба в общем направлении на Прагу, разгромить дрезденско-герлицкую группировку противника и на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии»¹. Главный удар маршал Конев решил нанести силами 13, 3 и 5-й гвардейских, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий, двух танковых и кавалерийского корпусов при поддержке авиации фронта из района Ризы вдоль Эльбы и Влтавы на Прагу. Второй удар с целью рассеять оборону противника по его решению наносили соединения 28-й и 52-й армий, из района северо-западнее Гёрлица в направлении на Циттау, Прага. Для нанесения третьего удара в обход Дрездена с юго-востока привлекалась 2-я армия Войска Польского с 1-м польским танковым корпусом.

Военный совет 1-го Украинского фронта издал директиву, в которой разъяснялось, что Советская Армия вступила на территорию дружественной Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить страну от фашистского ига. Военный совет требовал не допускать вмешательства во внутренние дела Чехословацкой Республики, не тактичного отношения к установившимся в стране национальным, бытовым или религиозным традициям, обрядам. Одновременно директива обращала внимание всего личного состава на необходимость повышения бдительности и ведения беспощадной борьбы с гитлеровской агентурой в Чехословакии и предателями народа, помогавшими фашистам².

На следующий день, когда в Москве прозвучал салют трехсот двадцати орудий в честь победителей — воинов 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, завершивших к этому времени разгром гарнизона Берлина, в соответствии с принятым командующим решением войска 1-го

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 71455, д. 17, л. 57.

² ЦАМО, ф. 236, оп. 2675, д. 165, л. 167.

Украинского фронта приступили к перегруппировке на новое направление. Она осуществлялась скрытно от противника, только в ночное время. Вместе с танковыми и стрелковыми соединениями эту задачу решали 10-й артиллерийский корпус прорыва, три отдельные артиллерийские дивизии прорыва, целый ряд артиллерийских и минометных бригад (полков). Созданием сильных артиллерийских группировок планировалось обеспечить эффективное огневое поражение противника.

Планомерность подготовки наступательной операции была нарушена сообщением, полученным по радио, о начале 4 мая в Праге вооруженного восстания чехословацкого народа. В призывах к Советской Армии восставшие жители чехословацкой столицы просили о немедленной помощи в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами. Дорог был каждый час. Еще более обострилась обстановка, когда командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Шернер отдал войскам приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами»¹. В Прагу устремились гитлеровские войска. Танковая фашистская дивизия СС «Райх», мотодивизии «Викинг», «Валленштайн» двигались к городу с трех сторон. Вражеская авиация получила приказ бомбить Прагу.

В этих условиях с выходом главных сил немецкой группы армий «Центр» в район Праги город мог подвергнуться разрушению, а население — истреблению. Учитывая сложившуюся обстановку, маршал Конев решил ввести танковые армии в сражение одновременно с общевойсковыми соединениями, с тем чтобы как можно быстрее пробить вражескую оборону на всю ее глубину. Такой способ применения танковых войск обеспечивал сокрушительный первоначальный удар и высокие темпы наступления.

¹ 9 мая 1945 года, с. 124

«Меня, как командующего фронтом, в эти дни беспокоило не столько сопротивление мощной группировки противника, — отмечал впоследствии Иван Степанович, — и даже не прочность его укреплений, сколько сочетание всего этого с горным рельефом местности. Ведь операция была рассчитана на быстроту... Надо было всерьез подумать о том, как бы не застрять в горах»¹. Пригодился опыт, полученный в Восточно-Карпатской операции осенью 1944 года. С учетом его в соединениях и частях создавались передовые и обходящие отряды. Их действия обеспечивались на всех направлениях через Рудные горы ударами авиации. На нее возлагалась задача поддержки вырвавшихся через перевалы на оперативный простор танков.

4 мая в штаб фронта на совещание были вызваны командующие армиями и члены военных советов. Указания командующего были лаконичны. Первое — боевые действия организовать с учетом главного фактора — времени. Второе — действовать стремительно и дерзко, учитывая, что штабы немецко-фашистских войск, морально надломленные падением Берлина, уже не в состоянии оценивать и охватывать взглядом все происходящее с той точностью, с которой обычно они это делали. Третье — танковым армиям, не ввязываясь в бои за города, смело вырваться вперед, общевойсковым армиям в максимальной мере использовать весь наличный автотранспорт. От командиров и штабов требовалось осуществлять управление войсками в основном по радио, находясь ближе к подразделениям, ведущим бой.

6 мая, на сутки раньше намеченного срока, перешли в наступление войска главной ударной группировки фронта. Для преодоления Судетских гор соединения первого эшелона фронта были максимально насыщены инженерными средствами. Это позволило расчистить путь танко-

¹ Конев И. С. Сорок пятый, с. 231.

вым войскам, действовавшим вместе с атакующими частями пехоты.

Несмотря на трудные условия горной местности, наступление развивалось в высоких темпах. Уже 8 мая войска фронта преодолели Рудные горы и вступили на территорию Чехословакии. В этот же день танкисты 5-го гвардейского механизированного корпуса в районе Яромержа разгромили штаб фельдмаршала Шернера. Управление немецко-фашистскими войсками было нарушено. В ночь на 9 мая танковые армии, совершив стремительный 80-километровый марш, почти одновременно с частями 6-й гвардейской танковой армии 2-го Украинского фронта прорвались к Праге. При активной поддержке боевых дружин восставших они полностью очистили город от немецко-фашистских захватчиков. В течение 10 и 11 мая советские войска, добивая противника, вошли в соприкосновение с 3-й американской армией. В ходе Пражской операции было взято в плен около 860 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, захвачено 9500 орудий и минометов, 1800 танков и штурмовых орудий, 1100 самолетов.

Вся страна, жители ее столицы восторженно встречали своих освободителей — воинов Советской Армии. Спустя многие годы первый заместитель Министра национальной обороны ЧССР генерал В. Вало дал следующую оценку деятельности Ивана Степановича Конева, а в его лице всем советским воинам, принесшим освобождение народам Чехословакии.

«Маршал Конев навсегда останется в благодарной памяти народов братских социалистических стран как пламенный патриот и интернационалист, выдающийся организаторский и полководческий талант которого был отдан великому делу защиты социализма. Его имя вечно будет чтить чехословацкий народ. Он никогда не забудет его заслуг в нашем освобождении...»¹

¹ Красная звезда, 1973, 24 мая.

Пражская наступательная операция стала еще одним ярким свидетельством проявления интернационализма советских людей, искренности политики Коммунистической партии Советского Союза в отношении своих друзей, свидетельством высоких организаторских способностей полководцев, военачальников, командиров, политработников, офицеров штабов, замечательного воинского мастерства бойцов Советской Армии, тысячи из которых за свой ратный труд получили ордена и медали, наиболее отличившимся было присвоено звание Героя Советского Союза. Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев за успешное руководство войсками в заключительных операциях Великой Отечественной войны был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

Подписанный 8 мая 1945 года в Берлине Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии положил конец второй мировой войне в Европе. На следующий день в освобожденной Праге Иван Степанович Конев стал участником стихийно возникшей пресс-конференции. После вручения ему средневековых атрибутов и грамоты, удостоверяющей его почетное гражданство столицы Чехословакии, корреспондент одной из американских газет, как свидетельствует Б. Н. Полевой, спросил командующего войсками фронта:

— Господин маршал, чем вы объясняете столь убедительные успехи ваших войск в особенности в последний год войны?

— Успехи фронтов, которыми мне посчастливилось командовать, — ответил Конев, — неотделимы от общих успехов Красной Армии. А эти ее успехи я объясняю, в свою очередь, тем, что мы, советские люди, идя через нечеловеческие испытания и трудности, познали ни с чем не сравнимое счастье бороться за дело Ленина, беззаветно служить социалистической Родине и Коммунистической партии. Мы, советские труженики в солдатских шинелях, всеми своими помыслами связаны со своим народом, жи-

вом его жизнью, боремся за наши идеи... В этом наша сила. Была. Есть. И будет ¹.

Салют в честь освобождения Праги стал предпоследним салютом войны на Западе. Последний весенний салют — салют Победы, данный из тысячи орудий, прозвучал в Москве через несколько часов. Его слушал по радио и командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев. Вместе с ним на командном пункте фронта находились его боевые соратники — члены Военного совета, командующие родами войск и начальники служб, генералы и офицеры полевого управления.

Итак, заканчивался 1480 день войны с фашистской Германией, войны, которая явилась великим уроком для человечества, тяжким испытанием для советского народа. Это была священная народная война, говоря словами поэта Александра Трифоновича Твардовского, «не ради славы, ради жизни на земле». В этой войне победил советский народ, доказавший несокрушимость своего передового общественного строя, великую значимость ленинских идей. Мир был избавлен от коричневой чумы фашизма. Это сделали в первую очередь советские солдаты. С первого и до последнего дня войны шел в их строю Иван Степанович Конев.

¹ См.: Полевой Б. Полководец, с. 7.

ПОЧЕРК ПОЛКОВОДЦА

Марксизм-ленинизм исходит из того, что личность всегда играла значительную роль в историческом процессе, ускоряя или замедляя ход событий, облегчая или затрудняя решение стоящих задач. Данное положение в полной мере относится и к личности полководца, т. е. военачальника, владеющего искусством подготовки и осуществления операций оперативно-стратегического масштаба, умеющего творчески использовать опыт прошлого, быть оптимальным в выборе тех способов и форм ведения вооруженной борьбы, которые наилучшим образом соответствуют данным условиям и с наибольшим эффектом могут быть применены в конкретной обстановке военных действий. Выдвижение личности в условиях войны, с одной стороны, определяется общественной потребностью, с другой — способностью, одаренностью людей, нужных обществу в данный момент. Высокие личностные качества обуславливают авторитет военного руководителя, который способствует объединению и сплочению людей, поддержанию организованности масс, их дисциплине¹.

Полководец — это творец, создатель военных планов, он же — организатор и руководитель. А руководство войсками — чрезвычайно сложный вид деятельности, в до-

¹ См.: Энгельс Ф. Об авторитете. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 302—304.

стижении целей которой большое значение имеет познание определенных принципов военного искусства, отражающих объективно действующие законы вооруженной борьбы. Воплощение же их в жизнь осуществляется через соответствующие приемы и методы практической деятельности, что выражает стиль руководства войсками.

Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу довелось участвовать во многих боях гражданской войны, руководить крупными операциями, вплоть до стратегических, в годы Великой Отечественной войны. В Смоленском сражении тяжелого 1941 года он — командующий армией. В битве за Москву И. С. Конев командует Западным и Калининским фронтами, в зимней кампании 1942/43 года — вновь Западным, а затем Северо-Западным фронтами. В контрнаступлении под Курском летом 1943 года возглавляемые им войска Степного фронта проводят во взаимодействии с Воронежским фронтом наступательную операцию по разгрому белгородско-харьковской группировки противника. Затем последовало стремительное наступление на Левобережной Украине, форсирование Днепра, окружение и разгром совместно с соседним 1-м Украинским фронтом гитлеровцев в районе Корсунь-Шевченковского. Преодоление с ходу Буга, Днестра, Прута и выход за советскую государственную границу. Львовско-Сандомирская операция и овладение сандомирским плацдармом, ставшим одним из трамплинов для удара по гитлеровской Германии. Наступление через южную Польшу. Окружение и разгром совместно с войсками 1-го Белорусского фронта берлинской группировки врага. Стремительный маневр войск 1-го Украинского фронта из-под Берлина на помощь восставшей Праге и освобождение столицы Чехословакии.

Полководческая деятельность маршала Конева развертывалась в ожесточенных сражениях с немецко-фашистскими захватчиками на важнейших стратегических направлениях: в 1941—1942 годах — на смоленско-москов-

ском, в 1943—1945 годах — на юго-западном и западном. Здесь И. С. Конев руководил боевыми действиями ряда группировок советских войск. 1-й Украинский фронт, которым он бессменно командовал с мая 1944 года, был одним из самых крупных объединений в прошедшей войне. Примечательной особенностью руководимых маршалом Коневым в 1944—1945 годах фронтовых объединений было и то, что они обычно включали две-три танковые армии, до двенадцати танковых, механизированных и кавалерийских корпусов, воздушную армию. Все это требовало от полководца ясного понимания роли подвижных войск, гибкого использования их ударных и маневренных возможностей, организации тесного взаимодействия сухопутных войск с авиацией, в Берлинской операции — с военной флотилией, при наступлении на Украине — с партизанами.

Изучение операций, проведенных в ходе Великой Отечественной войны под руководством Ивана Степановича Конева, боевые документы тех лет, ленты телеграфных переговоров, анализ принимаемых им решений и отчетных карт свидетельствуют о том, что он мастерски владел основополагающими принципами советского военного искусства. Вместе с тем Маршал Советского Союза И. С. Конев обладал бесценным даром творчества, благодаря чему у него вырабатывалось много нового в применении сил и средств в вооруженной борьбе, в операции и в бою для достижения победы над противником. Ему, как и любому полководцу, был присущ свой собственный почерк, свой стиль руководства войсками.

Как полководец И. С. Конев был способен не только правильно понимать и оценивать сложную обстановку, но и проникать в психологию противника, предвидеть его действия в конкретных условиях боевой действительности. Так было летом 1943 года под Харьковом, когда расчет делался на то, что противник, находясь в полуокружении, сам покинет город. Так было зимой 1945 года при

освобождении Силезского промышленного района. Именно учет возможных действий вражеского командования позволял командующему войсками 1-го Украинского фронта в январе—феврале 1945 года смело идти на риск, оставляя в тылу крупные гарнизоны противника и тем самым решать главную задачу — в высоких темпах осуществлять его преследование и уничтожение главных сил. В этой связи генерал армии И. Е. Петров, сам командовавший в годы войны и армией и фронтом, а потому имевший полное моральное право давать оценку полководческому искусству И. С. Конева, подчеркивал его особый дар видеть поле сражения.

Есть шахматисты,— говорил он,— которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, все расположение фигур у них в уме. Так и Конев может представить себе расстановку соединений, не глядя на карту, точно сказать, что против них стоит, и на какой местности¹.

Убежденность в необходимости глубокой и всесторонней оценки противостоящего противника во всех мелочах и деталях, с учетом возможных его действий по лучшему для него варианту предопределяла стремление Ивана Степановича Конева в своей практической деятельности уделять особое внимание разведке всех видов. Планируем операцию мы одни,— подчеркивал маршал, а выполняем свои планы, если можно так выразиться, вместе с противником. Поэтому мы не должны никогда терять с ним связи. Только при этом условии можно своевременно принять контрмеры — таков закон войны, закон достижения победы.

Тщательная и всесторонняя подготовка операции, сражения, боя — необходимое условие достижения поставленных целей в вооруженной борьбе. Дело это большое и сложное,— отмечал Иван Степанович Конев.— В нем принимают самое активное участие командующие (командиры), штабы, политорганы, начальники родов войск, специальных войск и служб, войска. Составная и очень важ-

ная часть этого процесса — организация разведки. Ее основная цель — вскрыть все мероприятия противника по организации предстоящих боевых действий. Горький опыт войны учит, — подчеркивал И. С. Конев, — что если командир не вникает по-настоящему в дела разведки, не ставит ей ясные задачи, то потом сам оказывается в трудном положении.

Естественно, что не только разведка должна привлекать внимание командующего и командира, штабов. Существо подготовки операции и боя заключается в принятии решения на применение имеющихся сил и средств, своевременной постановке боевых задач, планировании предстоящих действий, организации огневого поражения противника, взаимодействия и управления, боевого и материально-технического обеспечения, создании необходимой группировки сил и средств, проведении мероприятий по поддержанию высокого уровня боеспособности войск.

Очень важной для успеха операции и боя маршал Конев считал партийно-политическую работу. Вопросы идейно-политического воспитания войск он всегда держал в центре внимания. Советом и личным участием помогал политическим органам, командирам всех степеней организовать воспитание воинов в духе беспредельной преданности Коммунистической партии и социалистической Родине. Непосредственные и ближайшие подчиненные Ивана Степановича, его товарищи по работе хорошо чувствовали и постоянно ощущали поистине комиссарское отношение к людям этого человека.

Знание противника, всесторонняя оценка возможностей имеющихся сил и средств, понимание главной цели вооруженной борьбы с врагом на данном этапе, учет всех факторов и условий обстановки позволяли И. С. Коневу успешно решать вопросы выбора способов разгрома противника. При этом характерно, в частности, его стремление к окружению вражеских группировок, их рассечению и уничтожению по частям.

Войсками фронтов, которые возглавлял И. С. Конев, самостоятельно или во взаимодействии с соседями окружались и уничтожались такие сильные по составу группировки противника, как корсунь-шевченковская (более 10 дивизий), бродская, оппелънская, а также гарнизоны врага в Рютцене (20 тысяч), Глогау (18 тысяч), Бреслау (40 тысяч). На заключительном этапе войны были разгромлены франкфуртско-губенская (более 400 тысяч) и пражская (около 900 тысяч) вражеские группировки.

Маршал Конев считал в тех условиях вооруженной борьбы окружение противника с последующим его разгромом высшей формой оперативного искусства. Вместе с тем в ряде случаев, исходя из конкретных условий обстановки, по его решению войсками наносились рассекающие удары на широком фронте, давая также значительный эффект. «Захват важного плацдарма у Кременчуга, юго-западнее Полтавы, стал возможен,— подчеркивает английский историк Лиддел Гарт,— благодаря решению Конева не сосредоточивать усилия на одном направлении, а форсировать реку в нескольких местах... Внезапность этого преднамеренного рассредоточения усилий возросла благодаря тому, что форсирование осуществлялось под прикрытием тумана»¹. Аналогично решались задачи в Уманско-Ботошанской операции при прорыве вражеской обороны и форсировании рек Южный Буг, Днестр, Прут.

Имея богатый опыт руководства оперативными объединениями, Иван Степанович Конев умело применял его при разработке наиболее эффективных способов использования крупных масс войск в операциях. «Он очень толко чувствовал обстановку,— отмечает генерал А. С. Жадов,— и на основе ее уяснения и всестороннего анализа безошибочно определял, какая армия и какую задачу сможет выполнить наилучшим образом, какие силы и средства необходимо иметь в первом эшелоне, что в данной операции

¹ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1976, с. 467.

целесообразнее выделить — второй эшелон или мощный резерв, как лучше использовать подвижные войска фронта... Принимая решение, какую армию и на каком участке оперативного построения фронта лучше поставить, Конев учитывал опыт командующих и их штабов... При подготовке операций Иван Степанович проявил большое умение выбирать время начала наступления»¹. В результате войска под руководством Конева достигали успеха даже в условиях относительного равенства в силах и средствах, как это было в Кировоградской и Уманско-Ботошанской операциях.

В почерке маршала Конева как характерная черта просматривается его постоянное стремление массировать силы и средства на избранных направлениях ударов войск, уделяя первостепенное внимание организации огневого поражения врага привлечением большей части артиллерии, сосредоточением авиации, огня танков и самоходно-артиллерийских установок, а также их ударных возможностей там, где решался исход операции или отдельного ее этапа.

Степень массирования средств огневого поражения на участке прорыва маршал Конев доводил до 85—90 процентов. Организуя огневое поражение противника, он всегда стремился решить эту задачу творчески. В Львовско-Сандомирской и Берлинской операциях по решению командующего 1-м Украинским фронтом до 60 процентов имевшейся артиллерии, в том числе и крупных калибров, передавалось в дивизионные и полковые артиллерийские группы. Этим самым создавались наилучшие условия в достижении единства огня и удара наступавших войск с учетом конкретных условий обстановки — войска форсировали ряд водных преград, вели действия в лесных массивах и в населенных пунктах. При организации же со-

¹ Ж а д о в А. С. Четыре года войны, с. 266—267.

провождения пехоты и танков в глубине вражеской обороны в Львовско-Сандомирской операции впервые в практике был применен массированный огонь по строго ограниченному количеству районов расположения наиболее важных целей¹, что обеспечило высокую степень поражения тех вражеских объектов, от уничтожения которых зависел успех наступления.

Конев всемерно добивался тесного сочетания огня и действий войск. «Подготовку наступления начать немедленно,—гласит подписанный им 2 августа 1941 года боевой приказ.—Тщательно организовать взаимодействие пехоты с артиллерией, минометами, пулеметами. Массировать огонь на важнейших направлениях... Обязываю настойчиво провести в жизнь требование: командир батареи находится с командиром стрелковой роты, командир дивизиона — с командиром батальона, командир артиллерийского полка — с командиром стрелкового полка»². «Ваша главная задача,—отмечает маршал Конев, ставя задачу командующему 2-й воздушной армией при подготовке Висло-Одерской операции,—обеспечить ударами авиации действия танковых армий и стрелковых соединений».

Наряду с надежным огневым поражением противника маршал Конев уделял особое внимание осуществлению широкого маневра на поле боя.

— Что такое маневр? Каковы его сущность и значение в достижении победы? — ставил вопрос маршал Конев перед слушателями Военной академии Генерального штаба, выступая в 1953 году.— Мне представляется, что маневр является неотъемлемой и составной частью операции и боя. Это организованное передвижение войск в ходе боевых действий на новое направление, в новый район.

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне. М., 1960, с. 477.

² ЦАМО, ф. 372, оп. 66703, д. 2, л. 130.

Цель маневра — занять выгодное положение по отношению к противнику для нанесения решительного удара. Он может осуществляться также средствами огневого поражения для массированного воздействия по наиболее важным вражеским объектам. Маневр позволяет захватывать и удерживать инициативу, срывать замыслы противника. С его помощью в годы войны мы решали задачи наращивания усилий, переноса направлений главных ударов, борьбы с подходящими резервами, восстановления боеспособности войск. Следовательно, маневр — необходимое условие успешного ведения боевых действий. Учить руководству войсками, широко применяя маневр, — важнейшая задача командира.

В другом своем выступлении перед руководящим составом одного из соединений Группы советских войск в Германии маршал Конев подчеркивал, что сила маневра — в его умелой организации.

— Маневр наиболее эффективен, когда производится скрытно и неожиданно для противника. Чтобы выиграть время, маневр нужно готовить заранее, еще при организации боевых действий. Вспомните опыт Великой Отечественной войны. Белорусская, Силезская, Берлинская операции. Ставка ВГК, командующие войсками фронтов и армий, готовя наступательные операции, предусматривали своими планами характер маневра, привлекаемые к нему силы и средства, разыгрывали на картах и макетах местности различные варианты маневра в зависимости от возможных действий противника.

У маршала Конева удачно сочеталось умение правильно определять кризисные моменты обстановки с настойчивостью и песгибаемой волей в достижении поставленной цели. Именно это качество позволяло ему во многих операциях Великой Отечественной войны в сложной ситуации склонять чашу весов в свою пользу.

Так, приняв, вне сомнения, целесообразное решение на обход Львова, И. С. Конев предпринял все возможные ме-

ры для его реализации. «...Твердая рука и железная целеустремленность... маршала И. С. Конева, — вспоминает о событиях лета 1944 года генерал-полковник танковых войск В. С. Архипов, — который вопреки всяким сиюминутным соображениям и донесениям о том, что Львов все-таки можно взять, буквально вытащил пашу армию (3-ю гвардейскую танковую. — *Р. П.*) из-под города на оперативный простор и добился того, что первоначальный план был выполнен, фронт противника раздроблен, а остатки его войск отброшены к Висле и Карпатам»¹.

В августе 1944 года на заключительном этапе Львовско-Сандомирской операции неоднократно возникала, казалось бы, самая сложная обстановка, требующая немедленного ввода в сражение фронтового резерва — 5-й гвардейской армии. Однако Конев настойчиво отклонял все предложения и просьбы ввести эту армию в дело еще до подхода к Висле. И его непреклонность сыграла свою положительную роль. Иван Степанович Конев ввел в сражение 5-ю гвардейскую армию в самый критический момент борьбы за сандомирский плацдарм — когда советские войска, сосредоточенные за Вислой, подверглись контрудару крупной группировки 4-й танковой и 17-й армий противника в составе четырнадцати дивизий, в том числе шести танковых и моторизованной с применением новых тяжелых танков «королевский тигр». Это обеспечило успех, сандомирский плацдарм был сохранен.

Маршалу Коневу была присуща не только твердая воля, но и решительность. Он умел в необходимых случаях пойти на риск для достижения победы. В той же Львовско-Сандомирской операции 3-я и 4-я гвардейские танковые армии по его приказу были введены в сражение по узкому шестикилометровому коридору в тот момент, когда немецко-фашистское командование организовало контрудар

¹ Архипов В. С. Время танковых атак. М., 1981, с. 193—194.

ры на флангах, чтобы ликвидировать образовавшуюся брешь. Это был риск, правда, обоснованный продуманным решением вопроса обеспечения ввода танковых объединений. В итоге прорыв крупных масс танков в оперативную глубину обороны противника предопределил исход сражения. Советские войска взломали вражескую оборону.

Решительность маршала Конева, его стремление идти на риск всегда обеспечивались огромной организаторской работой. Он был первоклассным организатором подготовки войск, — отмечал генерал А. С. Жадов. — Перед любой операцией находил все новые и новые формы обучения, максимально приближенные к предстоящим боевым действиям. Конев — большой мастер организации взаимодействия. Вершиной его творчества в этом вопросе, по мнению бывшего командующего 5-й гвардейской армией, стала опять-таки Львовско-Сандомирская операция, в ходе которой блестяще было осуществлено взаимодействие двух ударных группировок, удаленных друг от друга более чем на семьдесят километров.

Конев стремился, как отмечал уже после войны Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, «мобилизовать все силы войск для достижения победы над врагом»¹, максимально использовать наметившийся успех, в том числе быстрым переносом усилий в ходе сражений с одного направления на другое. Так было, в частности, при расширении плацдарма на Днепре зимой 1943 года. Начатое 20 ноября на киевском направлении наступление не получило своего развития, вместе с тем на вспомогательном (кировоградском) направлении обозначился успех. Это и предопределило решение командующего 2-м Украинским фронтом на перегруппировку на киевоградское направление 5-й гвардейской танковой армии. Перенос усилий на новое направление был

¹ Красная звезда, 1973, 24 мая.

успешно осуществлен также в Восточно-Карпатской операции, в результате чего советские войска овладели Дукилинским перевалом. На заключительном этапе Львовско-Сандомирской операции для обеспечения устойчивости обороны на захваченном плацдарме на Висле, по решению И. С. Конева, перегруппировываются 18 артиллерийских и минометных полков, до 50 зенитных батарей.

Умело проводил маршал Конев маневр танковыми объединениями. По его решению в Корсунь-Шевченковской операции 5-я гвардейская танковая армия перегруппировывается с внешнего на внутренний фронт окружения, в Уманско-Ботошанской операции эта же армия — для отсечения одесской группировки противника. Вершиной полководческого искусства по праву можно считать высокоманевренные действия танковых объединений в Висло-Одерской, Нижне- и Верхне-Силезских операциях, а также стремительный бросок танковых армий к Праге.

Иван Степанович Конев всегда считал, что танковые рейды в оперативную глубину — самая эффективная форма наступления. «Казалось, — отмечал генерал Д. А. Драгунский, — он выжимал из танков и из нас, танкистов, все, на что способны. Его смелые перегруппировки и решительные маневры танковыми корпусами, целыми армиями в ходе сражений порой казались даже неожиданными не только для противника, но и для самих исполнителей. Стремительное движение танковых соединений... захват городов в глубоком тылу противника, овладение с ходу вражескими оборонительными рубежами, рейды по тылам неприятеля — все это было характерным для его руководства танковыми и механизированными войсками»¹. Но рейд результативен только тогда, — не раз подчеркивал Конев, — когда проводится в тесном взаимодействии всех родов сухопутных войск и обязательно авиации, которая должна играть огромную роль и

¹ Драгунский Д. А. Годы в броне, с. 263—264.

в подавлении вражеских опорных пунктов, и в уничтожении выдвигающихся резервов противника, и, наконец, в сопровождении действий танкистов. Без этого рейд может стать дорогостоящей авантюрой¹.

Определенным своеобразием отличался взгляд Ивана Степановича Конева и на ввод танковых армий в сражение. Он, как правило, стремился сделать это в пределах тактической зоны вражеской обороны. Так решен был вопрос в Криворожской, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской операциях. В Пражской наступательной операции маршал Конев применил танковые армии даже в первом эшелоне фронта. При этом он исходил из учета позиционного характера обороны противника, придававшего первостепенное значение удержанию тактической зоны, где сосредоточивалось до 80 процентов его сил и средств, близость оперативных резервов противника, а также других обстоятельств.

Расчетная обоснованность замыслов большей части операций, осуществленных под непосредственным руководством маршала Конева, — одна из самых типичных черт его полководческого почерка. Ее суть выражается в том, что в основе замысла на предстоящие действия всегда лежали конкретные расчеты, а не только и не столько интуиция полководца, расчеты по соотношению сил и средств своих и противника, необходимого и имеющегося времени на проведение тех или иных мероприятий, маневра и перегруппировок войск, а также всесторонний учет различного рода факторов и условий обстановки, в том числе военно-политического и военно-экономического характера.

— Иван Степанович работает как хороший бухгал-

¹ Архив Военной академии имени М. В. Фрунзе. Инв. № 235А, л. 28.

тер, — отмечал в беседе с корреспондентами военных газет И. Е. Петров. — Умело и точно все подсчитывает. Все как есть. И противника, и свои войска. И возможности транспорта и снабжения, учитывает даже характер своих командиров и командиров противника...

Типичным для Конева было также стремление ввести противника в заблуждение относительно истинных намерений и планов предстоящих действий. Это также был своеобразный расчет имеющихся возможностей, расчет, позволявший создавать относительно благоприятные условия для наступавших войск. С этой целью по его решению умело применялись различные приемы маскировки и дезинформации вражеского командования.

Так, имитацией сосредоточения двух танковых армий и танкового корпуса в полосе 1-й гвардейской и 18-й армий при подготовке Львовско-Сандомирской операции создавалось впечатление у противника длительного пребывания 1-й гвардейской и 4-й танковых армий на стапиславском направлении, в то время как фактически эти армии перегруппировывались на львовское и рава-русское¹. Создание ложной группировки войск на восточном берегу Вислы в январе 1945 года, откуда враг мог ожидать наступления на Краков, ввело противника в заблуждение о направлении нанесения главного удара фронта. Применение дымов при форсировании Днепра, на Правобережной Украине, в Львовско-Сандомирской и Берлинской операциях позволило скрыть от противника характер истинных действий войск.

Одной из форм введения противника в заблуждение является отход от шаблона в применении сил и средств. Ярким примером таких действий стало решение Конева на проведение разведки боем не за сутки до начала наступления, к чему уже привык противник, а ранним утром первого дня Висло-Одерской операции. В этой же

¹ ЦАМО, ф. 236, оп. 2698, д. 353, л. 1.

операции для того, чтобы обмануть противника, применялись взводы демонстрации атаки.

Достижение внезапности — по убеждению маршала Конева — одно из условий успеха в операции и бою. По его оценке, внезапность заключается в выборе времени, приемов и способов боевых действий, позволяющих нанести противнику удар тогда, когда он менее всего его ожидает, и там, где противник слаб. Он говорил, что внезапность позволяет захватить инициативу, ставить свои войска в более выгодное положение, ошеломлять и дезорганизовывать противника, в итоге бить его даже меньшими силами.

Внезапность обеспечивается комплексом мероприятий. Главные из них — введение противника в заблуждение относительно своих намерений, сохранение в тайне замысла, скрытность подготовки, применение новых средств или приемов, маскировка. Все это требует творческой мысли, большой организаторской работы командиров и штабов.

Умный командир, подчеркивал Иван Степанович, — враг шаблона. В условиях боевой действительности нередко приходится, даже предвидя трудности, неизбежно идти навстречу им. Поэтому ум командира должен работать не над тем, как уклониться от этих трудностей, а над тем, как наилучшим образом преодолеть их, не подчиняться им, а подчинять их себе. Отход от шаблона всегда поможет решить эту задачу. Именно этим качеством обладал, по мнению Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, И. С. Конев. «...Особое умение различать в развитии военного дела ростки нового, прогрессивного, — отмечал он, — характерно для Конева. Все шаблонное вызывало в нем крайнее раздражение»¹.

Эффективному решению задач разгрома противника подчинены были вопросы выбора методов работы по ру-

¹ Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., 1971, с. 80.

ководству войсками, а также места командующего при организации и ведении боевых действий. Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что Иван Степанович всегда стремился с максимальной отдачей организовать труд коллектива, который готовил войска к операции. Он всемерно добивался того, чтобы предоставить необходимое время для организации боевых действий командирам, штабам, другим органам управления соединений, частей и подразделений. Жесткий контроль, сочетаемый с оказанием практической помощи, учебой подчиненных, был характерным для стиля деятельности маршала Конева. И еще одна присущая ему черта — стремление к работе на местности, к личному общению с подчиненными. И. С. Конев, — отмечал Александр Михайлович Василевский, — как только принимает решение на операцию, едет в войска — в армии, корпуса, дивизии и там, используя свой богатейший опыт, тщательно готовит их к боевым действиям¹. Стремление быть ближе к войскам, ведущим боевые действия, проявлялось у него и в ходе проводимых им сражений.

В определении методов работы командующего особенно характерна Львовско-Сандомирская операция. При подготовке ее маршал Конев основную часть времени находился на командном пункте, периодически выезжая в войска. В ночь перед наступлением он переместился на фронтовой наблюдательный пункт, поддерживая связь с подчиненными по радио и с помощью проводных средств на всем этапе прорыва вражеской обороны. При вводе же подвижной группы в сражение Иван Степанович выезжает на командный пункт общевойсковой армии, в полосе которой решалась эта важная задача.

Своеобразны были действия командующего, когда бои на западном берегу Вислы характеризовались ожесточен-

¹ См.: Яровиков В. Грани военного таланта. М., 1980, с. 103.

ным сопротивлением противника. Плацдармы и районы переправ подвергались сильному артиллерийскому обстрелу и авиационному воздействию. В этих условиях маршал Конев принял решение перенести наблюдательный пункт фронта непосредственно в район боевых действий.

— Так сейчас нужно, — пояснил он члену Военного совета генералу Крайнюкову. — Это, Константин Васильевич, не показная храбрость, а необходимая целесообразность. Неудобно же командарму или командиру корпуса находиться позади командующего войсками фронта. Они сами продвинулись вперед и в свою очередь подтолкнули подчиненных.

Так оно и получилось. Наблюдательный пункт фронта, вынесенный ближе к войскам, вызвал своеобразную ценную реакцию в организации управления — все командные пункты были приближены к сражающимся на плацдарме частям. В результате значительно улучшилось руководство боевыми действиями, повысилась устойчивость и оперативность прохождения информации. Немаловажное значение имел и моральный фактор, что положительно сказалось на стойкости воинов.

Обоснованности принимаемых решений, высокой их результативности в значительной степени способствовало то, что в повседневной боевой практике Иван Степанович всегда опирался на штаб, командующих и начальников родов войск и служб, партийно-политический аппарат, другие органы управления. Он учитывал деловые предложения подчиненных командующих объединениями и командиров соединений, ценил коллективный разум, хорошо понимал место и роль общевойсковой штаба, штабов командующих (начальников) родами войск, специальных войск и служб. Он умел сплотить коллектив, предъявляя к подчиненным самые суровые требования, оставаясь справедливым и заботливым начальником. Иван Степанович, кроме того, умел брать ответственность на себя,

отстаивать свои взгляды, был самокритичен и требователен к себе.

В своей практической деятельности он всегда опирался на коммунистов и комсомольцев, видя в них великую силу в решении стоящих задач. «Об армейских большевиках, о партийной работе пишите больше, — наставлял Конев обращающихся к нему за советом о выборе темы военных корреспондентов. — Это великая, неисчерпаемая тема. В самую лихую пору войны, когда неприятель штурмовал Сталинград, когда в окруженном Ленинграде люди умирали от голода, когда все преимущества коммуниста заключались лишь в том, что он первым идет в бой и выполняет самые ответственные, самые опасные задания, партия наша росла. Росла, как никогда, за всю свою историю...»¹ Нравственная сила советского солдата, подчеркивал полководец, проявленная на войне, необыкновенна. Она воплотилась в его доблести, отваге и героизме. Наш солдат смело шел в атаку на врага, без колебания вступал в смертельный бой, прокладывая путь к победе ради жизни на земле. Он был храбр, суров и великодушен. Таким остается советский солдат и в наши дни.

Творческий почерк полководца Конева во многом определялся чертами его характера.

Окружавшие его люди отмечали ясность ума, знание дела, смелость в мыслях, силу воли, бодрость духа, жизнелюбие, решительность, целеустремленность, твердость в действиях этого выдающегося военачальника. «Мне нравился его здравый смысл в суждениях, реалистический, разумный и масштабный подход к решению вопросов», — пишет известный авиаконструктор А. С. Яковлев². От природы жизнерадостный, общительный человек, Иван Степанович жил для дела и для людей. Строгая офици-

¹ Полевой Б. Полководец, с. 87.

² Яковлев А. Цель жизни. М., 1970, с. 337.

альность в решении служебных вопросов, сильный, бескомпромиссный характер, — подчеркивал известный политработник Е. Е. Мальцев, — сочетались в нем с умением быть хорошим товарищем и заботливым начальником¹. В этой связи заслуживают внимания также воспоминания бывшего начальника политического управления Северо-Западного фронта А. Д. Окрокова, близко знавшего Конева по совместной работе. «...Прошло время, — пишет он, — и мы научились видеть за суровостью, а порою и резкостью нового командующего требовательность коммуниста-командира, высокое чувство долга, ответственность за порученное партией дело, большую заботу о людях»².

Еще одно важное свойство характера было у И. С. Конева — его способность управлять чувствами. Пожалуй, нельзя утверждать, будто бы он всегда был уверен в успехе. Понимая, однако, что не имеет морального права вселять свои сомнения в подчиненных, ибо уже это само по себе может послужить причиной неудачи, Иван Степанович стремился сохранить присутствие духа в любых условиях обстановки.

Член Военного совета 1-го Украинского фронта К. В. Крайнюков, долгое время работавший совместно с Иваном Степановичем, отмечая такую черту его характера, как вспыльчивость, вместе с тем подчеркивал, что он не помнит случая, чтобы Конев, «поддаваясь минутному настроению, смешал офицеров с должностей или же ходатайствовал об их замене»³. «Я много раз был свидетелем, как реагировал Иван Степанович Конев на ту или иную ошибку подчиненных, — пишет генерал Н. М. Хлебников. — Он никогда не обвинял в ней весь

¹ См.: Мальцев Е. Е. В годы испытаний. М., 1979, с. 312.

² Окроков А. Д. Слово, ведущее в бой. М., 1980, с. 211—212.

³ Военно-исторический журнал, 1967, № 12, с. 56.

коллектив, а находил конкретных виновников, разбирался во всем и, если было необходимо, крепко их наказывал... Он умел без лишних «громов и молний» поддерживать в войсках высокую дисциплину и чувство ответственности»¹.

Глубоко уважал Конев тех людей, которые добросовестно выполняли свой служебный долг. В этой связи уместно привести рассказ А. И. Соломахина, офицера для особых поручений командующего войсками фронта в годы войны.

...В конце января 1944 года командующий на танке возвращался в штаб. На переправе встретил колонну машин с боеприпасами, которые завязли в болоте. Командир колонны остановил танк и потребовал помочь вытащить машины. Тот, кого он принял за танкиста, заявил, что торопится и сделать это не может. Танк рванулся с места. Но лейтенант бросился навстречу машине, загородил ей путь, как будто бы был в силах остановить стальную громадину.

— Ты что же, друг, русского языка не понимаешь, что ли? — закричал он. — Там наша бригада, слышишь, бой ведет, последние боеприпасы добывает, а тебе лень машины со снарядами вытащить. Хоть давите гусеницами — не пропущу!

Рослый человек вылез из башни, соскочил на снег и приказал экипажу вытаскивать из грязи завязшие машины. Сам же он неторопливо похаживал по протоптанной дорожке, покуривая и посматривая на часы. Кто-то шепнул лейтенанту, что это вовсе не танкист, а командующий войсками фронта. Юноша оробел, подбежал к командующему, бросил руку к козырьку, хотел пробормотать формулу официального извинения. Однако И. С. Конев перебил его:

¹ Хлебников Н. М. Под грохот сотен батарей, с. 91.

— Правильно действовали. Молодец! Как фамилия? Пастухов? Молодец, товарищ Пастухов. Благодарю за службу.

Он пожал лейтенанту руку и легко вскарабкался на броню танка...

Боевые друзья маршала вспоминают и другой пример, характеризующий отношение Ивана Степановича к соратникам, когда в последний день мая 1945 года в Торгау, где располагался штаб 1-го Украинского фронта, проходила торжественная церемония вручения командирам соединений правительственных наград. На правом фланге строя заслуженных боевых генералов стоял командир 17-й артиллерийской дивизии прорыва генерал-майор С. С. Волкенштейн, участник гражданской войны, прошедший боевой путь в годы Великой Отечественной войны от стен Ленинграда до Берлина и Праги. Маршал Конев подошел к нему первому. Достал из коробки Золотую Звезду Героя, прикрепил награду к груди мужественного артиллериста. Пожал руку, поздравил и несколько неожиданно для присутствующих по-русски, в пояс, поклонился. Поклонился и всем тем, кто стоял в строю.

Об объективном подходе к оценке деятельности подчиненных свидетельствует факт, приведенный генералом К. В. Крайнюковым в книге «От Днестра до Вислы» при описании боев на сандомирском плацдарме. В те дни фашистская авиация неистовствовала, подвергая бомбовым ударам позиции советских войск. При поддержке авиации проводились контратаки. На одном из участков за Вислой гитлеровцам удалось потеснить измотанные боями поредевшие части 13-й армии. Узнав об этом, И. С. Конев довольно в резкой форме упрекнул генерала Н. П. Пухова.

— Армия — не институт благородных девиц, — насупившись, ответил он на реплику члена Военного совета. — Я не намерен рассыпаться в любезности, когда ставится под удар судьба плацдарма. Враг без боя не сда-

ется. Надо вырвать у него победу, понимаешь, вырвать! А это достигается умением и настойчивостью командиров, стойкостью и решительностью воинов.

— У генерала Пухова умение есть, а воли тоже достаточно, — заметил Крайнюков. — Только она не показная, а внутренняя, осознанная, выстраданная на войне, закаленная в боях.

Иван Степанович усмехнулся и махнул рукой:

— Ну, пошел философствовать — «внутренняя, осознанная»... Сам знаю Пухова и по Курску, и по Днепру, и по Висле. Грамотный, энергичный, смелый и решительный генерал...

В личном архиве Ивана Степановича хранится много писем. Приходили они в разные годы, от разных людей, по разным вопросам. Одним он помогал в трудоустройстве, другим — в поиске истины, третьим — в определении своего места в жизни. А жизнь Иван Степанович любил, стремился жить во имя будущего. Интересен эпизод, рассказанный его дочерью Майей Ивановной. Летом 1963 года, когда Конев отдыхал в Крыму, в гости к нему пришли артековцы. Ребята много говорили о своих делах, делились с маршалом своими мыслями и заботами. В конце беседы они спросили:

— А что вы, Иван Степанович, любите больше всего?

— Больше всего, ребята, люблю трудиться. Каждую хорошую работу люблю. В детстве — столярничать, затем — пилить лес, потом — работать с людьми, познавать труд военного человека. В конце концов, по-моему, не так важно, что делает человек, кто он по профессии, чем он занимается, а как он делает свое дело.

И. С. Конев верил в силу труда. Он считал, что тот, кто с детства усвоил правило — труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица, тот способен к подвигу, потому что в нужный час и день у него найдутся для этого воля и силы. Верил он и в возможности человека, не раз повторяя мысль

М. В. Фрунзе о том, что нужно постоянно совершенствоваться. Любой характер можно изменить. Терпение, способность, физическую силу — все можно выработать в себе, если по-настоящему захотеть, если не давать себе поблажек. Маршал Конев очень ценил время. Время, которое так быстротечно, время, уходящее безвозвратно, — вот что самое драгоценное у человека. Бесцельно прожитые годы, дни, часы и минуты никому никогда не восстановить — так выражал свою главную мысль, свою жизненную позицию Иван Степанович.

Борис Николаевич Полевой, подчеркивая колоритность фигуры полководца, пишет о нем как о «самом интересном человеке из всех, с которыми когда-либо сводила его репортерская судьба. Мне довелось наблюдать его курносое, истинно русское лицо в разных условиях боевой обстановки. Оно всегда оставалось спокойным... волевым, целеустремленным».

О признании же военного таланта маршала И. С. Конева ярко говорит эпизод, происшедший на встрече командования 1-го Украинского фронта с группой американских генералов и офицеров в мае 1945 года. Корреспондентка одной из американских газет привезла последний, только что вышедший в свет номер красочно оформленного военного журнала американских вооруженных сил. В нем на целую страницу был изображен дружеский шарж, созданный на основе известной васнецовской картины «Три богатыря». Богатыри, как им и полагается, сидели на своих мохнатых богатырских конях. У них, однако, были сегодняшние, знакомые черты. В Илье Муромце, сидевшем в центре, легко было узнать Георгия Константиновича Жукова, в Добрыне Никитиче — Ивана Степановича Конева, а в Алеше Поповиче — Константина Константиновича Рокоссовского — прославленных советских маршалов. В подписи значилось: «Русские богатыри»¹. И в этой подписи выражалось прежде всего при-

¹ См.: Полевой Б. До Берлина — 896 километров, с. 220.

знание полководческого искусства выдающихся советских военачальников, их глубокая связь с народом, который одержал победу в жестокой борьбе с фашизмом, принес освобождение многим народам мира.

Ивану Степановичу Коневу свойственны были и такие черты характера, как личное мужество, самообладание, самоотверженность. Не раз водил он в атаку бойцов в боях с белогвардейцами, лично участвовал в дерзких вылазках, будучи комиссаром бронепоезда.

Пренебрежение опасностью во имя дела в условиях острой на то необходимости многократно проявлялось у Ивана Степановича и в годы Великой Отечественной войны. В кризисные дни Корсунь-Шевченковской операции, например, когда он, зная о господстве на этом участке авиации противника в воздухе, срочно вылетел на командный пункт 27-й армии. Так же мужественно он действовал в ходе Уманско-Ботошанской, Львовско-Сандомирской и Берлинской операций. О личном мужестве Конева рассказывают многие участники Великой Отечественной войны, в том числе Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. А. Мишулин, Перой Советского Союза генерал армии А. С. Жадов, а также Маршал Советского Союза К. С. Москаленко¹.

Еще одна деталь, без которой трудно представить себе личность полководца. Речь идет о его рабочем месте тех далеких военных лет. Вот каким представляется оно в описании очевидцев в середине августа 1943 года, когда советские войска устремились к Днепру, в украинской деревеньке Малые Проходы: раскладной походный стол, два стула, телефоны, остро отточенные карандаши, торчащие из стакана, лупа, на стене — складная полка, на которой избранные произведения известных военных деятелей, военные и художественные журналы. Дверь слева ведет в комнату отдыха генерала. Она обставлена с сол-

¹ См.: Красная звезда, 1973, 24 мая.

датским аскетизмом. Узенькая госпитальная койка, застланная шерстяным одеялом, обеденный стол, покрытый скатертью. Радиоприемник, телефон. «Пройдя путь от солдата старой царской армии, — пишет А. Д. Окорок, — Конев научился хорошо понимать солдат. Он жил их чаяниями, делил вместе с ними радости и печали. Будучи уже крупным военачальником (речь идет о марте 1943 года, когда он командовал войсками Северо-Западного фронта. — Р. П.), Иван Степанович оставался верным старым солдатским привычкам — жил, что называется, по-спартански...»¹

Следует особо подчеркнуть, что Иван Степанович Конев, будучи примером солдатской неприхотливости в быту, всегда отличался опрятностью в соблюдении формы одежды, чрезвычайной аккуратностью, внешней подтянутостью. «Выбрит. Китель застегнут на все пуговицы. Строен...» — таким он предстает перед военными корреспондентами в напряженные дни боев за Калинин зимой 1941 года².

Широк был и круг интересов полководца.

«В памятную для меня ночь под Калинином в 1941 году, — пишет Б. Н. Полевой, — Иван Степанович Конев, у которого в ту тяжелую пору был, как говорится, хлопот полон рот, удивил меня интересом к культурным ценностям древнего русского города и заботой о них». Это внимание к архитектуре, равно как и к произведениям живописи, отмечают у Ивана Степановича многие его товарищи по службе. И не случайно, что при штурме Львова артиллеристам было отдано приказание не вести огонь по центру этого старинного города, богатого памятниками прошлого. При освобождении же Ченстохова командующий войсками фронта лично направил на самолете двух опытных офицеров-разведчиков с необычайными

¹ Окорок А. Д. Слово, ведущее в бой, с. 213.

² Полевой Б. Самые памятные дни. М., 1980, с. 139.

полномочиями: организовать разминирование Ясногурского монастыря. Когда объединения фронта углубились на территорию Польши, а затем Германии, заботой командующего стал Краков с его Вавельским дворцом и Дрезден с дворцом Цвингер, где находилась знаменитая художественная коллекция картин. Мы должны сделать все возможное и невозможное, подчеркивал маршал, ставя задачу майору Л. Н. Рабиновичу, известному московскому искусствоведу, чтобы предотвратить гибель картин Рафаэля, Рубенса, Брейгеля, Дюрера и других мастеров живописи. С этой задачей команда воинов-ученых, как известно, справилась блестяще.

Увлекался Иван Степанович и историей, особенно военной. Он много читал о войнах прошлого, разбирая военное искусство выдающихся полководцев. Находил маршал время и для того, чтобы узнать историю Польши, Германии, Австрии и других стран, где волею судьбы ему приходилось быть.

Большое место в его библиотеке занимала справочная литература. Любил Конев и художественную литературу, русские народные песни, раздольные, веселые и грустные. С большим интересом слушал выступления артистов Большого театра. Любил Конев и спорт, особенно футбол и фигурное катание. Даже в преклонные годы он по утрам занимался зарядкой.

Не пренебрегать опытом прошлого, учиться воевать сегодня с учетом всего достигнутого и проверенного в огне боев и сражений нашими предшественниками — одно из первых пожеланий полководца тем, кто посвящает себя, свою жизнь служению в рядах Советских Вооруженных Сил. Эта мысль была высказана главнокомандующим Сухопутными войсками Маршалом Советского Союза И. С. Коневым 16 ноября 1946 года на первом послевоенном выпуске слушателей Военной академии имени М. В. Фрунзе, окончивших ее полный курс. Изучать сражения и бои, проведенные в годы Великой Отечествен-

ной войны, подвергать тщательному анализу как боевые успехи, так и допущенные ошибки, подчеркивал он, — важнейшая задача командных кадров. Война — это особая академия. Каждая операция, сражение, бой — это неповторимый образец творческого начала, сочетаемого с определенной закономерностью. Зная опыт прошлого, зная природу боя и операции, учитывая реально сложившуюся обстановку, командир быстрее найдет наиболее целесообразное решение.

Как справедливо отмечает генерал С. М. Штеменко, «полководцем становится тот военачальник, личные качества которого позволяют войскам под его руководством содеять подвиги, одержать большие успехи и сделать заметный вклад в общую победу»¹. Объективные возможности являются лишь предпосылкой победы. Они очень важны и необходимы, но сами по себе не могут обеспечить разгром врага, если их неумело использовать. «Искусство командира, — подчеркивал в свое время М. В. Фрунзе, — проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время»².

Задача военного руководителя и заключается в том, чтобы со знанием дела принять оптимальное решение, организовать предстоящие действия войск и добиться реализации своего замысла. При этом весьма важное значение имеют те взаимоотношения, которые устанавливаются среди должностных лиц, на что неоднократно обращал внимание В. И. Ленин³ и что в значительной степени определяется такими чертами характера, как деловитость, выдержка, такт в обращении с подчиненными, сочетание уважительного отношения к окружающим с высокой требовательностью к себе и товарищам.

¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1981, кн. 2, с. 445.

² Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1950, с. 190.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 171.

Обладая многими из отмеченных качеств руководителя, Иван Степанович Конев впитал в себя главное — он стал в жизни настоящим коммунистом, знающим свое дело, постоянно идущим вперед, горящим неугасимым огнем инициативы и творчества на пользу человечества. «Он знал людей труда, всегда жил их интересами,— писал И. Х. Баграмян в статье «Памяти боевого друга», опубликованной в газете «Красная звезда» 23 мая 1973 года. — Где бы и в какой бы обстановке ни приходилось мне с ним решать деловые вопросы, я всегда чувствовал в нем волевого, широко эрудированного, глубоко партийного человека».

НА СТРАЖЕ МИРНОГО ТРУДА

Первый послевоенный день маршала Конева прошел несколько необычно. Получив сообщение о том, что отыскалась богатейшая ювелирная коллекция саксонских королей, он выехал в замок, именуемый Кенигштейн, что означает в переводе на русский язык «королевский камень». Должно быть, отдохнув и отоспавшись после последних, невероятно напряженных дней и ночей, Иван Степанович выглядел так, будто только что вернулся с курорта, замечает в своем дневнике присутствовавший на этой поездке Б. Н. Полевой.

Путь на Дрезден был недолгим. Центр города разрушен и превращен в руины. Бесформенными и безобразными грудями камня и кирпича лежали, громоздясь друг возле друга, замки, дворцы и музеи. В городе — смрад тления и смерти. За две недели до его освобождения англо-американская авиация похоронила под развалинами города, часто называемого Северной Флоренцией, около двухсот тысяч жителей, разрушила более тридцати пяти тысяч зданий, многие памятники архитектуры.

— Чудовищные налеты, — вслух рассуждал Иван Степанович. — С военной точки зрения, это нелепость. С общечеловеческой — дикое варварство.

От Дрездена дорога идет мимо копей, где были спрятаны сокровища Дрезденской галереи. Сейчас они находятся на просушке в летней королевской резиденции. Над ни-

ми колдуют лучшие советские реставраторы-художники, срочно прилетевшие из Москвы, Ленинграда и Киева.

— А ведь что там ни говори,— замечает Конев, обращаясь к офицеру из трофейного управления фронта,— вовремя мы освободили «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, «Спящую Венеру» Джорджоне, картины Тициана, Рубенса, Рембрандта, Ван Дейка и других мастеров живописи.

— Это точно, товарищ маршал. Такого трофея у союзников нет. Это будет, как мне представляется, достойной компенсацией за музеи советских городов, которые гитлеровцы разрушили, разграбили и сожгли.

Конев обернулся и сурово посмотрел на произнесшего эти слова офицера.

— Вы так полагаете?.. А я вот думаю, вряд ли на это пойдет Советское правительство.

— Но ведь немцы сколько всего награбили.

— Мы не гитлеровцы.

— А Наполеон? Лувр просто-таки трещит от его трофеев. Он ведь тащил с собой, отступая, все сокровища Московского Кремля, а не дотащив, утопил в каком-то озере. А англичане? Сколько они награбили для своего Британского музея!

— Вот именно награбили. Мы советские воины, а не Наполеон и не английские империалисты,— говорит командующий.— Понятно вам это, товарищ подполковник?

— Да, да, конечно, товарищ командующий, вы безусловно правы,— спешит ретироваться ученый спутник. (Но отступал он,— подчеркивает Б. Н. Полевой,— без всякого энтузиазма.)

— Конечно, казалось бы справедливо все это забрать,— как бы думая вслух, произносит Иван Степанович.— Но ведь все это принадлежало не Гитлеру, а немецкому народу. Гитлеры приходят и уходят, а немецкий парод остается. Немецкий народ вечен.

Дни мелькали с головокружительной быстротой.

24 мая 1945 года в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца ЦК ВКП(б) и Советское правительство устроили прием в честь командующих войсками Советской Армии. Пятерым полководцам — Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову, И. С. Коневу, К. К. Рокоссовскому, Ф. И. Толбухину и Р. Я. Малиновскому — в этот день был вручен орден «Победа».

Особенно радостным стал день 24 июня 1945 года, день, когда состоялся Парад Победы в Москве.

— Именно тогда я впервые почувствовал по-настоящему праздник, — отметит Иван Степанович спустя годы¹.

Долгожданный и незабываемый день. 10 часов утра. Красная площадь. Боевые знамена войск, под которыми был завершен разгром врага. Опаленные войной мужественные лица воинов, их восторженно блестящие глаза, мундиры, на которых сверкают боевые ордена и медали. Торжественным маршем двинулись сводные полки фронтов. Карельского, Ленинградского, 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3-го Белорусских... Во главе сводного полка 1-го Украинского фронта шел Маршал Советского Союза И. С. Конев. Шли герои боев за Киев, Львов, Берлин, Краков, Прагу. 68 раз салютовала воинам этого объединения Москва в честь одержанных ими побед. 1671 воин фронта стал Героем Советского Союза. В шеренге командующих армиями идут дважды Герои — генералы Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко, Герои Советского Союза генералы А. А. Лучинский, А. С. Жадов, Н. П. Пухов, К. А. Коротеев, С. А. Красовский, Д. Н. Гусев, В. Н. Гордов, генералы И. Т. Коровников и В. А. Глуздовский. Мимо Мавзолея В. И. Ленина проходят Герои Советского Союза генерал Г. В. Бакланов, майоры А. А. Брыкин и М. В. Шенников, старший сержант Д. Т. Пастухов, сотни солдат и офицеров, прославивших в боях с фашизмом войска фронта.

¹ Конев И. С. Сорок пятый, с. 268.

После Парада Победы в Кремле состоялся правительственный прием. На нем присутствовали руководители партии и правительства, члены Президиума Верховного Совета СССР, наркомы, видные деятели армии и флота, науки, промышленности и сельского хозяйства, искусства и литературы. Было произнесено много теплых слов в честь партии, Советских Вооруженных Сил, тружеников тыла, в честь великого советского народа.

А затем начались будни ратного труда. Июль и август победного 1945 года ушли у маршала Конева на решение массы организационных вопросов в войсках фронта, переходящего на мирное положение. С осени 1945 года Маршал Советского Союза Конев — главнокомандующий Центральной группой войск и Верховный комиссар по Австрии. Он совмещает дела чисто военные с делами дипломатическими, хозяйственными, организационными, много внимания уделяет устройству войск, налаживанию взаимоотношений с местной администрацией, оказанию помощи в восстановлении национальной экономики, культурной жизни страны. Его можно было встретить на заседаниях различного рода комиссий, в частях и подразделениях Советской Армии, на встречах с представителями деловых кругов Запада, на дипломатических приемах в конгресс-центре дворца Ховбург, в семьях венских рабочих, на концертах, где исполнялась музыка Моцарта, Бетховена, Шуберта, Иоганна Штрауса и других.

В трудах и заботах прошел первый мирный год. В 1946 году Маршал Конев назначается главнокомандующим Сухопутными войсками — самого массового вида Советских Вооруженных Сил. На этой должности И. С. Конев работал в течение пяти последующих лет. Свое пятидесятилетие он встречал в Москве, в кругу товарищей по работе, близких ему людей. Особенно радовало его, как отмечают очевидцы, окружение молодежи — однокурсников дочери и сына по высшим учебным заведениям. Своей молодостью, энергией и задором они как бы давали

Ивану Степановичу заряд бодрости, столь необходимый ему для решения многих задач, связанных с дальнейшим укреплением боеспособности войск, их организационным преобразованием, обучением и воспитанием личного состава.

Первые послевоенные годы стали ответственным периодом организационного и технического переустройства советских Сухопутных войск. Соединения оснащались новыми образцами автоматического оружия, танков, артиллерии, средствами войсковой ПВО. Все это усложняло процесс обучения, предъявляло более высокие требования к офицерским кадрам, вызывало необходимость постоянного улучшения методов учебной и воспитательной работы, полевой выучки войск. Этими вопросами и занимался главком Сухопутных войск, опираясь на своего первого заместителя генерала И. Е. Петрова, начальника штаба генерала Г. К. Маландина, заместителя по боевой подготовке генерала А. С. Жадова, многих других генералов и офицеров, за плечами которых находился огромный опыт руководства войсками.

«Неиссякаемая энергия Ивана Степановича,— писал об этих годах службы генерал А. С. Жадов,— его организаторский талант и большая работоспособность способствовали успешному решению всех организационных, оперативных и тактических задач... Одним из главных направлений в работе командования, штаба, начальников родов войск Сухопутных войск была подготовка программных и уставных документов... Важное место в подготовке войск отводилось тактическим учениям подразделений и частей, в том числе с боевой стрельбой. Способность частей и подразделений совершать форсированные марши на большие расстояния, упреждать врага в нанесении огневых ударов, умение быстро разворачивать свои силы и средства в момент, когда этого требует обстановка, и с ходу вступать в бой, нанося стремительные и внезапные удары по противнику,— все эти факторы во многом определяли ус-

пех в операциях Великой Отечественной войны. Этим факторам Маршал Советского Союза И. С. Конев уделял самое пристальное внимание при подготовке каждой операции. Этому он требовал учить Сухопутные войска и после войны»¹.

С 1950 по 1951 год И. С. Конев — главный инспектор Советской Армии, заместитель военного министра СССР, ватем он командует войсками Прикарпатского военного округа.

Это были нелегкие годы в жизни нашей страны. Многого не хватало. Многое нужно было решать немедленно, быстро, квалифицированно, когда над миром вновь начали сгущаться мрачные тучи военной опасности. Фултонская речь Черчилля прозвучала призывом к созданию англо-американского военно-политического блока, направленного против Советского Союза и ставших на путь прогрессивных социально-политических преобразований стран, против национально-освободительного движения угнетенных народов.

В последующие годы обстановка накалялась. С марта 1948 года правительство США ограничило поставки американских товаров в СССР и страны народной демократии. В 1949 году был сколочен агрессивный Североатлантический блок. В США разрабатывается план войны против Советского Союза под кодовым наименованием «Дропшот», авторы которого предложили сбросить на СССР 300 атомных и 20 тыс. тонн «обычных» бомб. Через год началась вооруженная интервенция США в Корею. В 1951 году американское правительство в одностороннем порядке денонсировало торговое соглашение с СССР, заключенное в 1937 году, тогда же подписав сепаратный мир с Японией. Германский милитаризм, став с 1953 года полноправным членом НАТО, снова поднял голову. В декабре 1954 года сессия Совета Североатлантического сою-

¹ Ж а д о в А. С. Четыре года войны, с. 324—326.

за приняла решение об оснащении вооруженных сил этого блока ядерным оружием. В центре Европы зрел опасный очаг новой войны, угрожавший безопасности всех миролюбивых народов.

Объединенным силам международного империализма необходимо было противопоставить объединенную мощь миролюбивых социалистических стран, создать надежную систему их коллективной защиты и обеспечения безопасности. Жизнь подтверждала правильность ленинского положения о том, что народам, вставшим на социалистический путь развития, «обязательно нужен тесный военный и хозяйственный союз, ибо иначе капиталисты... задавят и задушат нас поодиночке»¹.

11 мая 1955 года в Варшаве было созвано совещание европейских государств по обеспечению мира и безопасности в Европе. В нем приняли участие Народная Республика Албания, Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Румынская Народная Республика, Союз Советских Социалистических Республик и Чехословацкая Республика. Все страны были представлены на совещании полномочными делегациями на уровне глав правительств.

Мировая общественность с напряженным вниманием следила за ходом работы Варшавского Совещания.

У народов мира еще свежи были в памяти события второй мировой войны. Они на собственном опыте убедились, что отсутствие коллективной безопасности явилось одним из факторов, приведших к тому, что разобщенные европейские народы не смогли устоять перед гитлеровским нашествием. Из этих тяжелых исторических уроков народы европейских стран, вставших на социалистический путь развития, сделали необходимые выводы. Их основным смыслом состоял в том, что в сложившейся обстановке

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 46.

только прочный военно-политический союз может надежно обеспечить безопасность всех социалистических стран и каждой страны в отдельности.

14 мая 1955 года главы правительств подписали коллективный союзнический Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который вошел в историю как Варшавский Договор. Его сердцевину составляли обязательства стран социалистического содружества по совместной обороне, которые вступают в силу в случае, если не удастся ликвидировать угрозу вооруженного нападения и начнется вооруженная агрессия против одного или нескольких государств — участников Договора. Для заблаговременной подготовки к эффективной совместной обороне на случай вооруженного нападения Договаривающиеся Стороны согласились о создании Объединенного командования вооруженных сил. Первым в истории Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами Варшавского Договора, председателем Военного совета стал Маршал Советского Союза И. С. Конев, начальником штаба — генерал армии А. И. Антонов, возглавлявший в последний год Великой Отечественной войны Генеральный штаб Советской Армии.

На Военный совет Объединенных вооруженных сил с первых дней его создания были возложены ответственные задачи организации боевой подготовки войск и оперативной подготовки руководящего состава. Определялись принципы, формы и методы установления единства в подходе к комплектованию соединений и частей, их технического оснащения, создания систем управления войсками. Выбатывались взгляды на перспективы развития этого боевого союза стран социалистического содружества, поддержания постоянных и тесных контактов между Объединенным и национальными командованиями. Все это требовало творческого поиска, большой организаторской работы со стороны Главнокомандующего и его штаба. Как свидетельствуют сослуживцы Ивана Степановича, маршал

работал над решением всех задач самоотверженно, с большим энтузиазмом, сплывая вокруг себя коллектив, объединяемый единством цели.

Подводя итоги первых трех лет деятельности военной организации Варшавского Договора, И. С. Конев на совещании руководящего состава отметил основные направления развития сотрудничества вооруженных сил государств социалистического содружества. Первое — координация планов развития вооруженных сил, проведение единой военно-технической политики, осуществление согласованных мероприятий по совершенствованию боевой подготовки. Второе направление, подчеркивал Главнокомандующий, охватывает совместные мероприятия по боевой, политической и оперативной подготовке, взаимный обмен опытом обучения и воспитания воинов. Третье направление — взаимная помощь в подготовке высококвалифицированных военных кадров, тесное сотрудничество политорганов союзных армий.

В течение последующих двух лет работы маршала Конева на посту Главнокомандующего Объединенными силами Варшавского Договора странами социалистического содружества решались многие крупные военно-политические проблемы. Центральное место среди них занимали борьба за ограничение ядерного оружия, за мир и мирное сосуществование в тесном сочетании с решительным отпором агрессивным проискам империализма и реакции. Все это предопределяло необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности стран Варшавского Договора, повышения боеготовности и боеспособности их вооруженных сил.

По инициативе Ивана Степановича Конева в конце каждого года стали практиковаться заседания Военного совета, на которых всесторонне анализировались итоги оперативной и боевой подготовки за истекший год, определялись задачи для войск и флотов на следующий учебный год, согласовывались планы совместных мероприятий.

Такие заседания обычно совмещались с совещаниями руководящего состава союзных армий. Это была новая форма выработки единства взглядов, способствующая квалифицированному и целенаправленному решению ставившихся на Военном совете вопросов.

Зарождались и такие формы достижения целей военного сотрудничества, как разработка и проведение совместных учений, сборов, тренировок различного масштаба — от оперативно-стратегических до войсковых и специальных. Активизируется работа по обобщению опыта второй мировой войны, обучения и воспитания войск национальных формирований. Крепнут контакты политических органов армий и флотов. С 1958 года стал действовать Спортивный комитет дружественных армий.

В 1960—1961 годах И. С. Конев — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, затем некоторое время был главнокомандующим Группой советских войск в Германии. С 1962 года и до конца жизни он вновь работал генеральным инспектором.

Решая в послевоенные годы важные военные задачи, выполняя ответственные задания партии и правительства, Иван Степанович принимал активное участие в партийной и общественной жизни страны. Он участник многих партийных активов и конференций, делегат ряда съездов партии, с октября 1952 года — член ее Центрального Комитета. Большую работу проводил Иван Степанович и как депутат Верховного Совета СССР. К нему приходят запросы из Львова и Горького, Москвы и Омска, из деревень и сел. На каждый из них дается ответ, принимается решение, контролируется его выполнение. «Правда» 24 мая 1973 года писала, что маршал Конев «был тесно связан с трудящимися столицы, с Московской городской партийной организацией. Он неоднократно выступал перед рабочими и служащими города, постоянно

заботился об укреплении связей воинских частей и соединений с коллективами предприятий...»

В августе 1961 года, став главнокомандующим Группой советских войск в Германии, маршал Конев впервые осмотрел сооружения подземной штаб-квартиры фашистского военного руководства в Цоссене, спешно покинутой гитлеровскими генералами под ударами войск 1-го Украинского фронта в апреле 1945 года. Под впечатлением воспоминаний о прошедших годах состоялась одна из многочисленных встреч прославленного в боях полководца с молодыми воинами, в заключение которой он подчеркнул мысль о значимости опыта прошлого для современности.

«Идут годы. Проходят десятилетия. Уходят в прошлое события, участниками которых стали люди старшего поколения. Для вас гражданская война, бои на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, даже Великая Отечественная война — история. Для нас — это жизнь, жизнь вооруженных сил, страны, партии. Но заблуждается тот, кто считает прошлое только историей. Это и действительность. Действительность потому, что многому учит, на многие события сегодняшнего дня дает мудрый ответ и прежде всего ответ на то, как лучше крепить мир на земле»¹.

Крепить мир, укреплять обороноспособность Советского государства, мощь Советской Армии, стоящей на защите мирного труда, — смысл жизни в послевоенные годы тех, кто с оружием в руках отстаивал свободу страны, смысл жизни Ивана Степановича Конева, его большой организаторской и творческой деятельности. Все большее место занимает в его жизни стремление через печать и в выступлениях поделиться с подрастающим поколением командиров своим богатым боевым опытом. Конев написал

¹ Архив Военной академии имени М. В. Фрунзе. Инв. № 1485, л. 6.

ряд статей в военных и военно-исторических журналах, а также два мемуарных произведения «Записки командующего фронтом 1943—1944» и «Сорок пятый». Эти работы — плод глубоких раздумий полководца. В них изложены не только общие основы подготовки и хода важнейших операций Великой Отечественной войны, но и с большим знанием дела освещены вопросы военного искусства, что наталкивает военных читателей на серьезные и нужные размышления, помогает им творчески воспринимать уроки прошлого. Интересны также оценки многих событий войны, мнение о товарищах по ратному труду. Заслуживает внимания рассказ автора и о том, как работали командующие, командиры, штабы, политорганы, органы тыла в сложной боевой обстановке. Большую познавательную и практическую ценность представляют и те страницы воспоминаний Ивана Степановича, где раскрываются формы и методы политико-воспитательной работы, проводимой в годы войны.

Писать о прошедшей войне, о ее участниках Иван Степанович считал своим гражданским долгом. «Для нас, людей старшего поколения, участников Великой Отечественной войны,— отмечал Конев в предисловии к книге «Дорогами побед», посвященной боевому пути 5-й гвардейской танковой армии,— каждая книга о былых боях и походах — это напоминание о молодости, пережитом, о том, чему мы отдали лучшие свои годы... Подвиги и дела солдат и офицеров, совершенные ими во имя защиты нашей великой Родины, заслуживают доброй памяти советского народа». Эта мысль маршала Конева нашла свое конкретное воплощение в статьях о героях Москвы и Днепра, Курской и Корсунь-Шевченковской операций, Вислы и Одера, в тематических сборниках воспоминаний о событиях различных лет войны.

Много внимания уделял в последние годы своей жизни Иван Степанович Конев молодежи. Обращаясь к участникам пятого Всесоюзного слета победителей похода

по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, он призывал юношей и девушек глубоко изучать и знать историю своей Родины, свято хранить традиции ее народа. «Молодое поколение советской молодежи,— подчеркивал председатель Центрального штаба Всесоюзного похода Маршал Советского Союза И. С. Конев,— получило самое бесценное наследство — передовой социалистический строй, экономику, культуру, все богатства Родины. Ей есть, что защищать, есть, что свято хранить, есть, во имя чего бороться! Мы уверены, что советская молодежь, юные ленинцы всегда будут верны славе своих отцов, матерей, старших братьев и сестер. Я храню в своем сердце чувство глубокого преклонения перед солдатами и офицерами, которые мужественно и самоотверженно прошли через все битвы и сражения гражданской и Великой Отечественной войн, одержав великие победы. Боевой подвиг моих сверстников, моих фронтовых друзей и товарищей, воинов-комсомольцев заслуживает того, чтобы его чтили всегда».

— Мне довелось побывать у него,— вспоминал Б. Н. Полевой,— сразу же после того, как он (Конев) вернулся из комсомольского похода. Я ожидал увидеть усталого, утомленного человека. Шутка ли, в такие годы отгрохать на вездеходе по бездорожью сотни две километров, участвовать в разборах, целыми днями иметь дело с шумной, любопытной, задиристой публикой! Ничуть не бывало. Я увидел перед собой загорелого, бодрого человека с молодым блеском в глазах.

— Вот кое-кто ворчит — молодежь, молодежь. Такая-то она и эдакая-то. Не в нас, мол, растет, не то у нее на уме. Старшее поколение, что там греха таить, любит поворчать. Мы-де другими в эти годы были, не то что наши сыновья да внуки. Чепуха! Мы, солдаты гражданской и Великой Отечественной войн, с гордостью можем сказать, что смена у нас растет замечательная и что есть у нас кому передавать дела. Вот и сейчас, недолго я в их

походе побыл, а будто живой воды хлебнул. Ей-богу, с ними просто молодеешь!

Таким встретил свое семидесятипятилетие Иван Степанович Конев — советский полководец и коммунист. «В день юбилея участника трех войн, Маршала Советского Союза, — отмечает Б. Н. Полевой, — я снова вспомнил, как когда-то его старый друг еще по гражданской войне Александр Фадеев, шагая по заметенной снегом прифронтовой стезе в декабре 1941 года, сказал нам, военным корреспондентам: «Хотите видеть образец советского военачальника, смотрите на своего командующего: настоящая военная косточка. — И спустя малое время добавил: «Советская военная косточка», — подчеркнув при этом слово советская»¹.

1973 год стал последним в жизни Ивана Степановича Конева.

«21 мая 1973 года после тяжелой и продолжительной болезни, — говорилось в некрологе, подписанном руководителями партии и государства, советскими военачальниками, друзьями и товарищами, — скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, выдающийся военный деятель, талантливый полководец, дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни один из активных строителей Советских Вооруженных Сил, участник гражданской войны и прославленный герой Великой Отечественной войны, вся жизнь которого является ярким примером беззаветного служения социалистической Родине, делу коммунизма...

Высокие партийные и деловые качества, беспримерное мужество и героизм в борьбе с врагами нашей Родины, теплота и чуткость к людям снискали И. С. Коневу лю-

¹ Полевой Б. Полководец, с. 122.

бовь и уважение советского народа и воинов Вооруженных Сил. Выдающиеся заслуги И. С. Конева высоко оценены Советским государством. Он дважды удостоен звания Героя Советского Союза, награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, орденом Победы, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова I степени, двумя орденами Кутузова I степени, Красной Звезды. И. С. Конев удостоен также звания Героя ЧССР и Героя МНР, награжден многими орденами и медалями ряда социалистических стран и других государств.

Светлая память о верном сыне ленинской партии, мужественном воине и талантливом полководце Иване Степановиче Коневе навсегда сохранится в сердцах воинов Армии и Флота, всех советских людей».

Память об Иване Степановиче Коневе ныне воплотилась в делах тех, кто, идя по пути его и его поколения, стоит с оружием в руках на страже интересов Советской страны, у истоков создания которой в числе других находился и комиссар Иван Конев, свободу и независимость которой защищал в годы Великой Отечественной войны Маршал Советского Союза И. С. Конев. Память о талантливом полководце советской школы, общественном и государственном деятеле живет. Живет в названиях улиц Москвы и Ленинграда, Львова и Вологды, в названии гиганта теплохода, бороздящего воды Черного моря. Имени маршала И. С. Конева удостоено одно из старейших военных училищ — Алмаатинское высшее общевойсковое командное. На его родине, в селе Лодейно, Подосиновского района, Кировской области, воздвигнут бронзовый бюст и открыт мемориальный музей.

В Москве, на здании улицы Грановского, где жил маршал, и во Львове на здании штаба Краснознаменного Прикарпатского военного округа, которым он командовал, установлены мемориальные доски.

Сорок лет назад трудящиеся Подосиновского района

решили построить на личные сбережения танковую колонну «Подосиновский колхозник» и передать ее на 1-й Украинский фронт, которым командовал их земляк Маршал Советского Союза И. С. Конев.

«В районное отделение госбанка,— сообщалось 11 июля 1944 г. в газете «Сын Родины», — уже поступило 410 тыс. рублей наличными и на 458 тыс. рублей облигаций государственных займов».

Ныне ежегодно 23 февраля, в День Советской Армии и Военно-Морского Флота, лучшему пионерскому отряду Березовской средней школы, в здании которой проходил в годы войны сбор средств, присваивается имя Ивана Степановича Конева.

Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза И. С. Конев прожил яркую и содержательную жизнь. Он оставил глубокий след в памяти советского народа как пламенный патриот своей социалистической Родины и интернационалист.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И. С. КОНЕВА

- 28 декабря 1897 г.** — родился в селе Лодейно, нынешнего Подосиновского района, Кировской области.
- Май 1916 г.** — призван в армию, после окончания учебной команды направлен младшим унтер-офицером артиллерийского дивизиона на Юго-Западный фронт.
- Январь 1918 г.** — демобилизовался из старой армии.
- Март 1918 г.** — избран членом Никольского уездного исполкома Вологодской губернии, назначен уездным военным комиссаром.
- Май 1918 г.** — вступил в члены РКП(б).
- Июль 1918 г.** — избран делегатом V Всероссийского съезда Советов, участвовал в подавлении мятежа «левых» эсеров в Москве.
- 1918—1920 гг.** — командир отряда Красной Армии на Восточном фронте, комиссар бронепоезда, стрелковой бригады, а затем дивизии в Сибири и Забайкалье.
- Февраль 1921 г.** — избран делегатом X съезда РКП(б), участник подавления белогвардейского мятежа в Крошштадте.
- 1921—1922 гг.** — комиссар штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики.
- 1923 г.** — комиссар 17-го Приморского стрелкового корпуса.
- 1924 г.** — комиссар и начальник политотдела 17-й стрелковой дивизии (Нижний Новгород).
- Май 1924 г.** — делегат XIII съезда партии.
- 1926 г.** — слушатель Курсов усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии имени М. В. Фрунзе.
- 1926—1931 гг.** — командир и военком 72-го стрелкового полка Самаро-Ульяновской Железной дивизии, 50-го Краснознаменного стрелкового полка имени К. Е. Ворошилова 17-й Нижегородской стрелковой дивизии.

- 1932—1934 гг. — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.
- 1934—1937 гг. — командир стрелковой дивизии и корпуса в Белорусском военном округе, комдив.
- Зима 1937/38 гг. — командующий особой группой советских войск в Монгольской Народной Республике, с июля 1938 г. — командкор.
- 1938—1940 гг. — командующий 2-й отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией, с марта 1939 г. — командарм 2 ранга.
- Март 1939 г. — делегат XVIII съезда партии, избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б).
- С мая 1940 г. — командующий войсками Забайкальского военного округа, с июня — генерал-лейтенант.
- С января 1941 г. — командующий войсками Северо-Кавказского военного округа.
- С июня 1941 г. — командующий 19-й армией.
- С 12 сентября 1941 г. — командующий войсками Западного фронта, с 11 сентября — генерал-полковник.
- С 17 октября 1941 г. — командующий войсками Калининского фронта.
- С 26 августа 1942 г. — командующий войсками Западного фронта.
- С 14 марта 1943 г. — командующий войсками Северо-Западного фронта.
- С июля 1943 г. — командующий войсками Степного Военного округа, (с 9 июля — фронта). С 26 августа — генерал армии.
- С октября 1943 г. — командующий войсками 2-го Украинского фронта, с 20 февраля 1944 г. — Маршал Советского Союза.
- С мая 1944 г. по май 1945 г. — командующий войсками 1-го Украинского фронта.
- 29 июля 1944 г. — присвоено звание Героя Советского Союза.
- 1 июня 1945 г. — присвоено звание дважды Героя Советского Союза.
- 1945—1946 гг. — главнокомандующий Центральной группой войск и Верховный комиссар по Австрии.
- 1946—1950 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель Министра Вооруженных Сил СССР.
- 1950—1951 гг. — главный инспектор Советской Армии и заместитель военного министра.
- 1951—1955 гг. — командующий войсками Прикарпатского военного округа.
- Октябрь 1952 г. — делегат XIX съезда партии, избран членом ЦК КПСС.
- С мая 1955 г. по апрель 1960 г. — Главнокомандующий Объединенными вооруженными силами стран Варшавского Дого-

вора, с марта 1956 г. — первый заместитель Министра обороны СССР.

Февраль 1956 г. — делегат XX съезда КПСС.

Февраль 1959 г. — делегат XXI съезда КПСС.

1960—1961 гг. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Октябрь 1961 г. — делегат XXII съезда КПСС.

1961—1962 гг. — главнокомандующий Группой советских войск в Германии.

С 1962 г. — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Март 1966 г. — делегат XXIII съезда КПСС.

1970 г. — присвоено звание Героя Чехословацкой Социалистической Республики.

1971 г. — присвоено звание Героя Монгольской Народной Республики.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Начало жизненного пути	3
Становление военного таланта	27
Годы испытаний	60
На пути к Победе	114
Победный год	158
Почерк полководца	208
На страже мирного труда	234
Важнейшие даты жизни и деятельности Маршала Советского Союза И. С. Конева	249